

КОРОСТЫШЕВСКАЯ ТАТЬЯНА

СКОВОРОДКА СУДНОГО
ДНЯ

Annotation

Панна Моравянка, что держит трактир в славном городе Лимбург, видит призраков. Об этом почти никто не знает. Зато почтенные горожане осведомлены о наличии у панны наглых манер, острого языка и поставленного хука справа. Ну а призраки больше всего боятся попасть под удар ее карающей сковородки.

- [Татьяна Коростышевская](#)

- - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
-

Татьяна Коростышевская

Сковородка судного дня

© Коростышевская Татьяна

© ИДДК

* * *

Пролог

Эта история начиналась как забавный анекдот: однажды гном, маг и фея сидели на вершущке горы и беседовали. О чем? Да как обычно: о том, что с вершины Авалона мир Спящего выглядит как морская звезда, что пять ее лучей, четыре королевства – Скасгардия, Ардера, Домания, Малихабар и Тарифское княжество – более или менее процветают. Особенно Тариф, столь удачно расположенный, что через его территорию на священные горы стремятся паломники со всего мира. Что иногда королевства воюют, но, впрочем, война является частью человеческого мироустройства.

Мага звали Этельбор. Широкоплечий, темноволосый, по человеческим меркам отнюдь не красивый. Впрочем, внешность занимала его мало, он мог принять любое обличие, выглядеть на любой возраст; то, каким его видели сейчас, было скорее сентиментальной данью прошлому. Ну и супруга мага, по слухам, предпочитала видеть его именно таким.

Гном или, если угодно, подгорный цверг, носил имя Брок. Он был кузнецом, изготовителем волшебных артефактов, знаменитым во всех обитаемых мирах. Вот и сейчас в центре выложенного камнями кострища стоял на огне пузатый колдовской котел его работы, принадлежащий третьей участнице посиделок, красноволосой и красноглазой фате Леонидии, тоже персоне известной.

Котел требовал починки. То есть его владелица была в этом уверена.

– Невкусно получается, – поясняла Леонидия, – а в истории самое главное, чтобы пряная была, чуть сладкая, слегка от слез соленая, наваристая, как охотничья похлебка.

– Ты в этой посуде их готовишь? – переспросил Этельбор, приносиваясь к вареву. – По старинке?

– А то! – фыркнула фата. – А после уж ваши сказители их по книжкам новомодным растаскивают. Чего нос кривишь? Сама знаю, невкусно.

– Видимых повреждений здесь нет, – сообщил Брок. – Может, с рецептом ты где-то ошиблась?

На поверхности кипящего варева лопнул пузырь, раздался девичий голосок:

– Я – Мармадель, графиня Шерези, и сейчас я вам здесь устрою...

Голосок истаял, развеялся.

– Начало новой истории? – спросил Этельбор. – О юной ардерской дворянке и бессмертном? Наверняка они друг другу судьбой предназначены, но сначала этого не поймут, встретятся в какой-нибудь условной академии... Действительно, не особо вкусно.

Фата смущенно потупилась:

– Согласна, неоригинально, но поверь, я бы из этих исходников деликатес смогла бы приготовить. Но увы, наш бессмертный ингредиентом быть отказался.

Маг невесело улыбнулся:

– Наслышан. Лорд Мармадюк возжелал судьбу и предназначение обыграть. Так бывает, Леонидия, мы, люди, часто, ощутив бесконечность бытия, хотим сами им управлять. Ничего страшного, у этой девочки, юной графини, другая жизнь будет, не менее занимательная. Позволишь?

Этельбор наклонился над котлом, всматриваясь в бурлящее варево, поморщился:

– Однако...

– Чего там? – заинтересовался цверг. – Мармадюк от этой вот малявки сбежал? Ну так и я бы не остался. Соски с пеленками, погремушки, фрейлины...

Он отшатнулся от кипящих брызг:

– Ой! Жалко как младенчика! Так ведь не должно было быть?

– Не должно, – согласилась фея, – юная графиня должна была в любви и спокойствии до семнадцати лет расти, а потом, ощутив в себе магические силы, в академию для учебы отправиться. Первая женщина-маг, шутка ли. Там она повстречала бы усталого от жизни и побед волшебника... Эх... Они же ниточкой судьбы крепко накрепко связаны...

– А теперь, – перебил Брок, стирая сентиментальную слезинку, – девочке придется на следующий круг перерождений отправляться?

– Из-за того, что какой-то высокомерный болван плетение ее судьбы порушил. Ты в котел-то смотри, не отворачивайся. Когда дружок ваш в вышние сферы вернется, а он вернется, ничего с ним не

сделается, расскажи мерзавцу, что он натворил. И ты, Этельбор, не отставай, это и твоих рук дело, учитель всегда за учеников в ответе.

– В фате Леонидии, – задумчиво проговорил маг, – тоже вина говорит. Это ведь ты сотни лет назад эту историю про предназначение придумала. Однако ребенок все еще жив...

Его собеседники синхронно склонились над котлом, фея ругнулась, хлопнула в ладоши:

– Любопытно получается, месть как движитель сюжета...

– То есть Мармадюк не от Мармадели сбежал? – уточнил Брок. – Потому что мне он особо ничего не объяснил... погоди, Леонидия, тогда мы должны что-нибудь сделать? Помочь как-то?

– Должны. – Густой голос Этельбора вознесся над вершиной Авалона. – Немного и не привлекая внимания вышних сфер. Девушка не должна страдать, а Мармадюк... Что ж, пусть он получит свое испытание.

Фея отвела взгляд алых мерцающих глаз от варева, прищурилась:

– Время будет идти своим чередом... что нам время... Тариф, предгорья, нарядный, как будто пряничный городок... Это будет совершенно новая история.

Глава 1

Прекрасная трактирщица

За полчаса до полудня со стороны села Застолбеньки в славный город Лимбург зашел молодой человек лет двадцати семи. Сапоги его были покрыты дорожной пылью, плащ истрепан и, кажется, прожжен у подола, на поясе болтались пустые ножны. Молодой человек был смугл, носат, его черные, как сливы, глаза рассматривали пустынную по случаю зноя и отсутствия событий улицу с веселым недоумением.

«Иностранец, – подумал пан Рышард, как раз раскуривший обеденную трубочку на крыльце своего дома. – Паломник, от своих отбил, вот и заплутал. На гору-то священную от Князева поднимаются, ему бы обратно через Застолбеньки на тракт... Пояснить надобно, да он, наверное, по-нашему не понимает».

Пришелец, заметив Рышарда, растянул в улыбке губы и на ходу что-то забормотал.

– В Щебжешине жук жужжит в лещине... Щекастенский щуплый щенок, жовиальная жужелица... – донеслось до успевшего испугаться горожанина.

На всякий случай пан Рышард сложил из пальцев бережную дулю, которая, как всем известно, отворачивает от добрых людей всякие иностранные колдунства, жовиальные в том числе.

– Доброго денечка, вельможный пан, – сказал молодой человек, рассмотрел внимательно грозную дулю и быстро скрутил ответную. – Здоровеньки... То есть долгих лет вельможному пану и прочих радостей.

Говорил гость по-тарифски с акцентом, как будто многочисленные шипящие звуки не помещались у него во рту, но бойко. Рышард расслабил пальцы, затянулся, выпустил клуб дыма:

– И пришлому пану не хворать. Так скажу: ежели пан собирался на священную гору подниматься...

– Невесты в ваших краях есть? – невежливо перебил юнец и подмигнул старой Агнешке, высунувшейся из окошка соседнего дома на разговор. – Вижу, красавицы имеются.

Та захихикала:

– Звать тебя как, хлопчик?

– Мареком, тетушка. – Пришлый перешел на простецкий говорок, почти утратив акцент. – Бродяжка я бездомный, от деревни к деревне хожу-брожу, чтоб когда кто краюшку черствую отжалел да водицы немного, да уголок, чтоб переночевать.

– Видали мы таких Мареков, – не унималась старуха. – По масти ты чистый Мигель доманский.

«Стара Агнешка, почти слепа, а пришлого рассмотрела, – подумал Рышард. – Точно из Домании этот пан к нам пожаловал. Вон носище какой. Или не пан?..»

– По масти – да, – не спорил назвавшийся Мареом, – так то снаружи. А внутри – свой, местный.

– А к нам чего? На трактах не подают?

– Пани несусветное что-то бормочет. – Рышард решил вернуть себе главное место в разговоре. – Где это видано, чтоб здоровые да молодые побирались? Работник это, наниматься пришел.

– Точно! – обрадовался Марек. – У кого в Лимбурге дочки пригожие, к тому и наймусь.

На улице уже собирался народ, потому что, хотя зной никуда и не делся, причина покинуть жилища появилась. Событие! Шум, гам, болтовня. Франчишка, мясникова дочка, успела даже домой сбегать, переодеться, чтоб товар, так сказать, лицом представить. У Марека-балагура каждой девице и пани ласковый взгляд нашелся да пара-тройка жарких словечек. Петрик, подручный мельника, даже сплюнул от злобы:

– Видали мы таких работников, с ручонками холеными.

Над Петриком посмеялись: все знали, что он к Франчишке женихается, только ради него панна Богуславова отчего-то монист драгоценных на шею не цепляла.

Сам Богуслав, мясник, дернул дочурку за руку, шикнул, чтоб не позорилась, и сказал рассудительно:

– Никогда такого не было, чтоб работник себе хозяев выбирал. И теперь не будет. А ежели пришлый пан наших девок портить надумает...

Он многозначительно замолчал. Марек посмотрел на мясницкий тесак в руках почтенного горожанина и интерес к разговору потерял,

его черные глаза скользнули вдоль улицы Княжей, поднялись к холмам:

– Замок у вас какой замечательный.

– Замечательный, – согласился пан Рышард, – только не замок, дом. Бургомистровы палаты.

– Ежели пан Марек, – пискнула Франчишка, – желает в Лимбурге задержаться, ему обязательно надо в канцелярии у бургомистра бумагу подписать.

– С этого и надо начинать, – поддержали в толпе, стали наперебой советовать, как и что вельможной панне Ясне сказать, чтобы она документы выправила.

Пришлый кивал, улыбался, даже не пытаясь запомнить разнообразные важные сведения. Старая Агнешка зычно прокричала:

– Остыньте, добрые люди. Или у вас вся работа по хозяйству переделана? Или не стынет обед на ваших кухнях? – И обратилась к Мареку уже потише. – Ко мне, хлопчик, ступай; пока суд да дело, поможешь по мелочи старухе, а я тебе закуток какой для ночевки отведу. Расходитесь, добрые люди, вечером наш гость, по обычаю, с вами пару кружек пива опрокинет, колбасками закусит, тогда и поговорите.

Спасенный от народного внимания Марек вошел в дом Агнешки, вежливо поклонился, сложив перед грудью руки:

– Спасибо, вельможная пани. Только колбасок я не ем.

Старуха вернула поклон и сдернула накидку с парадного гостевого кресла в гостиной, сама опустилась в хозяйское:

– Смерть моя близко, потому врать не смей.

Марек осматривал чистенькую обстановку, но при этих словах подобрался, уставился на Агнешку глазами-сливами:

– Что в моей истории вызвало недоверие вельможной пани?

– Из тебя, чернявый, работник, как из меня бургомистр. Точно Петрик с мельницы заметил: не трудился ты ручками и не побирался. Одежда на тебе дорогая, не наша. Под плащом почти не видно, но у ворота раньше кружева были и шитье канительное по груди. Золотое?

Марек кивнул:

– Пришлось спороть и продать. Вельможная пани швея?

– Именно. Сорок годков и еще девять с иголкой крючилась. И знаешь, что скажу? Старинная у тебя одежда, не по моде. Таковую как

раз четыре десятка лет назад носили.

– Два, – пробормотал пришлый, – но не важно, продолжайте, пани хозяйка. Может, я по случаю дорогим нарядом разжился?

– Нет, хлопчик, – вздохнула старуха. – На тебя шили, по меркам, и подгоняли по фигуре, на что угодно поспорю. А еще поспорю, что сначала ты Рышарду правду сказал: за невестами ты в Лимбург явился, за какой-то только тебе нужной панной. Только из соседских девиц ни одна тебя не заинтересовала.

Марек хищно оскалился:

– Сначала всех нужно посмотреть.

Агнешка опять вздохнула:

– Боюсь, что с теми девами, что тебя на горе священной лобзали, ни одна земная в сравнение не идет.

Пауза в гостиной повисла тяжелая, густая, пришлый удивленно приподнял брови. Старуха пояснила:

– Раньше, когда я еще девчонкой была, у нас таких, как ты, больше бывало, замороченных паннами-феями с волшебных гор да в мир отпущенных. Не приживались они у нас.

– Почему?

– Да кто вас, чародеев, разберет. – Агнешка хихикнула. – К сестрице моей Фране, помню, один такой отпущенец сватался, обещался тайны какие-то открыть, заморочил. Вдвоем ушли, за тайнами. А ты, волшебник, за какой явился?

Вопрос прозвучал резко, и Марек тряхнул головой, как ото сна. Черные, как крылья ворона, волосы рассыпались по плечам:

– За своей, вельможная пани, за своей личной тайной. А еще за памятью.

Таиться дальше он не стал:

– Кто я и откуда, не помню. Авалонские феи меня из реки Забвения вытащили, память в ней осталась... Разумеется, за спасение мне пришлось их отблагодарить, и благодарность эта лет на двадцать затянулась по нашему времени.

– Как определил?

– Ну, кое-что я все-таки помню: в Тарифе князь другой, Скасгардия с Доманией воюют, а тогда она только с Ардерой замирилась. Ну и прочее по мелочи. Феи-забавницы сказали, что

раньше я сильным магом был, и что силы эти просто так исчезнуть не могут. А еще – что они напрямую с моими воспоминаниями связаны.

– А невеста?

Марек поморщился:

– В ней ключ, вельможная пани. Мне обещали, что, как только я нужную женщину увижу, сразу пойму.

– Давно ищешь?

– Больше года. – Пришлый вздохнул. – Половину Тарифа шагами измерил, города, городишки, деревни, трупы бродячих актеров, шествия паломников, все впустую. Если в Лимбурге ничего не екает, придется в другое королевство отправляться, в Ардору. Мне подсказку еще крошечную дали: «Найдешь, где потерял», поэтому искать я вдоль той самой реки решил. Это у фей она Забвения – Лимб, – здесь кто как называет.

– Наша Лимбовка? – не удивилась старуха. – Ладно, пан чародей, помогу, в память о сестрице своей полоумной. Поживи пока, осмотришься, а через десять дней большой праздник будет, на нем весь город соберется, все панны и пани, что помоложе, станут хороводы вокруг камней медоточивых водить. Если там у тебя сердце екает...

– Сердце? – оскалился молодой человек, но быстро задал другой вопрос. – Из камней мед течет?

– Проголодался? – вспомнила Агнешка об обязанностях хозяйки. – Идем, хлопчик, обедать. Чего? Камни? А, нет, болтают они, сладкие речи в уши льют, оттого медоточивые. Мяса не ешь? Ну хоть хлебушка, сыр еще есть, квашеная капуста...

И она увела Марека на кухню, такую же чистенькую и аккуратненькую, как и все в ее доме. Если бы голодный молодой человек задержался в гостиной еще ненадолго, он увидел бы в окно, как по Княжей улице в сторону площади идет панна Моравянка, хозяйка трактира «Золотая сковородка», и у него обязательно бы екнуло.

Солнце пекло так, что мне казалось, будто запах жареного мяса источаю я сама, а не фирменные моравские колбаски, которые работница Гося уже успела бросить на сковородку в ожидании ранних гостей. В последний момент перед моим приходом бросила, завидя меня через окно. Точно. Очень уж старательно она сейчас на них

смотрела, а Анджей, здоровый деревенский парень, протирает стойку, не замечая, что делает это не тряпкой, а подолом своей рубахи. А это значило, что очень скоро я останусь без работников.

– Прикати из погреба два бочонка с пивом, – велела я парню строго. – Госька, проснись, замеси теста на клецки, да побольше. Сегодня у нас много гостей будет.

– Случилось чего, панна? – спросила девица, только сейчас оправляя сбившийся передник.

Я закатила глаза: они уже за стойкой тискаются, на днях придут о свадьбе сообщать.

– Марш на кухню! Капусту пошинковала? Ставь тушиться!

Объяснять ничего не хотелось, никому. Но пришлось. Когда я поднялась на третий этаж в жилые комнаты и закрыла дверь, обе тетki бросились ко мне из прохладной полутьмы.

– Адичка, девочка, – восклицала тетка Рузя, заламывая костлявые ручки, – что приключилось?

Вторая тетка, Гражина, возвышалась надо мной на полторы головы, рук не заламывала, но настойчиво басыла:

– В город новенький кто-то пришел? Девицы в обмороке, мужчины точат ножи? Пан бургомистр на него посмотрел? Каков вердикт?

Я прошла через комнату к креслу, села, посопела и начала скандал.

– Кто мне, – я посмотрела на Рузю, – обещал больше в любовь не баловаться и молодых людей друг с другом не сводить?

Тетка прижала к груди ладони и натурально удивилась:

– Анджей с Госькой?

– Это третья пара за последний год, образовавшаяся в нашем трактире. Когда мы все вашими стараниями по миру пойдем, любимые тетечки, сможем свахами подрабатывать. Только недолго. Потому что, если вас не сдерживать, во всем Лимбурге и окрестных деревнях одиноких людей совсем не останется, и не только людей – кошечки, собачки, свинки, мышки, блошки...

Фантазия закончилась, но я была уверена, что в природе еще немеряно двуполых существ, которые могут попасть в сферу деятельности моих неумных родственниц.

– Скажешь тоже, по миру, – попробовала меня успокоить Гражина. – Ну поженятся и эти, так их можно и оставить, пусть семьей...

– Вот ты, Гражинка, дурочка! – Рузя изобразила обморок. – Забыла уже, что такое молодость! Они деток начнут нам строгать.

– Нам? Мне не нужно.

– Тетечка Гражиночка, – сказала я сладко, – а отчего это нам магистрат налог повысил? Может, это оттого, что кое-кто пану Килеру, нашему бургомистру, на ушко шепнул на меня внимание обратить? А?

– Он повысил? – испугалась тетка.

– Нет, ты точно дурочка. – Рузя проплыла к другому креслу, уселась, оправила на коленях кружева. – Она, она повысила! Панна Ясна, килерова секретарша. Ревнует. Вот уж кому до смерти в девках ходить. А я тебе, между прочим, говорила: не начинай даже. Пан Килер, конечно, мужчина видный, но...

– Клянусь, – Гражина подняла руку, – не моя работа. Бургомистр сам к Адичке прибился.

От клятвы плотные оконные занавески пошли волнами: правду, значит, тетушка говорит. Я вспомнила жалобный взгляд пана Килера, его неуверенное бормотание. Этот видный мужчина вел себя со мной как подросток.

– Раз так, – хихикнула Рузя, – пусть влюбленный пан нам старый налог вернет, нет, лучше пусть совсем отменит.

Я закрыла глаза и откинулась на подголовник. Денег почти нет, мясник поднял цену, мельник требует вернуть все накопившиеся за год долги, Гесе с этим болваном Анджеем придется выплатить отпускные и свадебные, еще один налог нас действительно разорит. Что ж оно все одновременно навалилось?

Тетки спорили, Гражина басила, что не позволит Адичке свою красоту на презренный металл менять, и что скажут люди. Рузя возражала, что менять не придется, что в крайнем случае он все равно женится. «Здоровая уже девка вымахала, двадцать три годочка, замуж давно пора». Представив себя замужем за бургомистром, я вздрогнула и жалобно попросила:

– Можно я часик без вас подремлю? Ночью не спала, а вечером в трактире между столами бегать.

Уже сквозь сон я почувствовала, как кто-то из родственниц ослабил мне шнуровку жилетки. Хорошо. Она жесткая, как настоящий корсет, и натерла мне бока по жару. Делать-то что? Крыша протекает, до осени ее нужно перекрыть, иначе через год весь дом отсыреет и зарастет плесенью. Я рассчитывала привлечь к этой работе Анджея... Ладно, все как-нибудь образуется. После праздника уже решать буду.

Проснулась я в сумерках, снизу из трактира доносился гул разговоров и звон посуды.

– Ополоснись, Адичка, – предложила тетка Рузя из соседнего кресла, – и блузку на свежую смени.

Я зевнула и поплелась в ванную. Покойная матушка, когда дела в трактире шли хорошо, то есть давно, оборудовала в доме прекрасную водопроводную систему. Пока я стояла под прохладным душем, тетка меня одобрительно разглядывала:

– Пан наш Спящий и женки его хорошим телом тебя, Адичка, одарили.

– Если вы опять про замужество...

– Проснулась? – возникла рядом Гражина. – Хороша.

– Внизу все в порядке? – спросила я, вытираясь полотенцем. – Гося справляется?

– Поздравления принимает, – наябедничала тетка. – Узел уже справа завязала.

Гражина имела в виду завязку фартука. По старинному тарифскому обычаю она обозначает семейное положение женщины. Если узел слева – девица свободна, справа – обручена или замужем, вдовы завязывают фартук сзади, ну а невинные девицы, вроде меня, по центру, на пупке. Я надела пышную юбку, блузку (кажется, кто-то поработал над вырезом, декольте явно с последнего раза углубилось почти на пол ладони), жилетку-корсет, завязала передник. Костлявые пальчики Рузи расправили мой подол. Надевать чулки не хотелось – жарко. Но пришлось, тарифская юбка заканчивается на высоте пинтовой пивной кружки, поэтому открывает взорам женские щиколотки.

Из трактира донесся взрыв смеха.

– Марек, – сказала Гражина, прислушиваясь, – такой балабол.

– Тот парень, что у старой Агнешки остановился? – уточнила я, укладывая вокруг головы косы.

Волос было много, будь моя воля, я бы их давно отстригла, но обе родственницы, когда я высказала свое желание, закатили мне такую истерику с угрозами...

– Тот самый. – Гражина кивнула Рузе, чтоб тетка заколола мой непослушный локон. – Из-за него в трактир сегодня народу набилось... Франчишка расфуфырилась. Монист вокруг шеи накрутила, сидеть ровно не может, набок заваливается.

Тетка Рузя посмотрела в мое декольте:

– Нам-то монисты без надобности?

– Особенно по причине их отсутствия, – улыбнулась я.

Последние драгоценности из маменькиной шкатулки я продала еще в прошлом году, когда с гор сошла снежная лавина и половина города осталась без средств к существованию. А город – без бургомистра, его вместе с домом снесло, насмерть. Потом нам из столицы новое начальство прислали, пана Килера с помощницей, панной Ясной.

– Марек... – сказала тетка Гражина и замолчала.

– Чего?

– А ну-ка, Рузька, распусти ей волосы.

Я попыталась увернуться, но от костлявых рученок тетки еще никто не уходил, блестящий черный водопад упал на плечи и спину до самой талии. Из зеркала на меня посмотрела лохматая румяная девица с большим ярким ртом, густыми изогнутыми бровями и карими глазами. Внешность у меня не тарифская, спасибо пану Спящему и супругам его – феям.

– То есть, – спросила я недовольно, беря волосяную щетку, – мы сейчас ради балабола-Марека стараемся?

– Хлопец в работники хочет наняться, говорит, туда пойдет, где невесты самые пригожие. Думаешь, почему панна мясникова расфуфырилась?

– И чем же этот работник так ценен? Силен? Мастер своего дела?

– Красавчик? – предположила сентиментальная Рузя.

– Женщины, – пробасила Гражина, – не на пригожесть падки. А нам этот Марек нужен, потому что чаровник.

– Маг? Как дорогая тетенька это поняла?

– Да он сам... – Внизу опять захохотали, и до нас донеслась музыка.

«Пан Рышард гармонику принес», – решила я.

– Что сам? – не выдержала Рузя.

– Сказал пану Богуславу, что-де для девиц Лимбургских опасности не представляет, потому как на горах священных с паннами-феями жил, и поэтому в миру ничего уже накурлесить не может. Мясника, похоже, и успокоил, только поспорю, что теперь каждая девушка мечтает с волшебными паннами сравниться, в чреслах Марека огонь зажечь.

Я хихикнула, а тетка Рузя серьезно закивала:

– Всем известно, что феи абы с кем не играют, значит, парень – чародей. Постарайся, Адичка, улыбнись нежно, сразу за сковородку не хвататься, пусть сначала найдется, договор в магистрате подпишет.

Маг... Я отложила щетку. Это любопытно. Если у него еще и руки из нужного места растут, нам этот Марек подходит.

Я вышла из комнат, задержалась наверху лестницы, осматривая трактирную залу. Гося сновала по ней, нагруженная тарелками и гроздьями пивных кружек. Еще один бочонок прикатить надо, нет, лучше два, и послать Анджея в пекарню, пусть возьмет полтора десятка брецелей, соленых кренделей, поднос с нашими уже опустел.

Бум! Бум! Бум! Это гости стучали по столам в такт залихватской мелодии.

На гармонике играл не пан Рышард, а чернявый улыбчивый парень. Не красавец, совсем нет, но женщины поглядывали на него с вожделением – и панны, занявшие отдельный девичий столик, и почтенные горожанки, пришедшие в трактир со своими супругами. Песня была, разумеется, фривольной: о том, как некий рыцарь по вечерам развлекался с молоденькой служанкой, и к чему это привело. Понятно, к чему – забеременела девица. Голос у Марека был приятный, когда все начали орать припев: «Тебе я кнехта дам в мужья и талеров пять сотен!», он оторвал одну руку от гармоники и опрокинул в себя пинту пива, кадык дернулся на жилистой шее. Раньше в наших краях именно так работников выбирали: кто мог одним глотком кружку опустошить, тот и подходит. Меня же интересовало совсем другое.

– Адичка, – шепнула у плеча тетка Гражина, – ты что-то видишь?

Я ждала: в зале было несколько голодных приبلуд. Одна из них оседлала Франчишку мясникову, прижалась к ней: похоже, сосала

девичье жаркое томление, другая сидела на шее Петрика, парень трясся от ревности. Злыдни мелкие и почти не опасные, но их здесь, если этот болтун-Марек действительно чародей, быть не должно.

– Тетечка ошиблась, – наконец вздохнула я.

Но тут Франчишка подошла к музыканту, изогнулась, чтобы грудь ее оказалась перед длинным носом Марека, стала промокать его лоб платочком, и Петрик не выдержал, бросился в драку.

– Ах, нет, ошиблась как раз я. Он нам подходит, – сказала я Гражине.

Приблуда Франчишки улепетнула за два шага до музыканта, вторая не успела. Подручный мельника стремительно боднул головой соперника, злыдня развеялась, коснувшись мага. Гармоника жалобно всхлипнула, Петрик работал кулаками, Франчишка визжала. Кто-то предлагал раздвинуть столы, чтоб освободить место. Шутка ли, настоящая драка.

– Почтенные горожане! – сказала я очень громко, тетка прибавила гулкое эхо и поток ледяного воздуха, она это умеет. – Попрошу все ваши разногласия решать вне моего заведения.

В звянящей холодной тишине я спустилась по лестнице.

– Панна Моравянка...

Я подошла к драчунам, Марек смотрел на меня так, будто на моей голове росли рога: почти с ужасом, держался за живот. Наверное, успел туда получить.

– Адель! – пискнула Франчишка. – Выгони Петрика, запрети ему к тебе в трактир приходиться!

Я посмотрела себе под ноги, передвинула носком туфельки осколок пивной кружки:

– Два талера за битую посуду.

Петрик отдал деньги Гесе, он почти остыл, как обычно и бывает с жертвами злыдней. Пока она на шее у тебя сидит, твоя злоба бурлит, учетверяется, а потом просто наваливается слабость. Он бы и с дракой дело замаял с удовольствием, да гонор не позволял. Многие гости уже выходили на улицу, чтоб занять лучшие зрительские места. Франчишка со своим платочком хлопотала вокруг чернявого, он разогнулся, но выглядел, как будто его довольно долго колотили по голове сковородкой, и он еще не понял, что перестали. Его черные как ночь глаза смотрели на меня, почти не мигая.

– Это дуэль, – сообщила я с улыбкой, – и вам, вельможный пришлый пан, придется в ней участвовать.

Он моргнул, улыбнулся:

– Дуэль? За честь прекрасной дамы?

Франчишка примерила на себя это звание и осталась довольна:

– Ты сразу в живот бей, у Петрика там слабое место.

Марек отмахнулся:

– Прекрасная Адель...

– Панна Моравянка, – поморщилась я, – не нужно панибратства, пан пришлый.

– Прекрасной панне работник не нужен?

Анджей, поправляющий мебель в пустеющей на глазах зале, прислушивался к разговору, я на него посмотрела и вздохнула:

– Скоро понадобится. Только работник, а не щеночек избитый. Поэтому пусть пан сначала непокалеченным останется, а после, когда заживет, мы и поговорим.

– А если пан пришлый в дуэли победит?

Победит? Петрик его в полтора раза выше и вдвое шире в плечах, он на мельнице такие тяжеленные мешки таскает, что ему ничего не стоит этого чернявого надвое переломить.

– Если это произойдет, – сказала я торжественно, – место ваше. Двадцать талеров...

Марек не дослушал, как будто деньги его не интересовали, развернулся на каблуках и пошел к двери.

– Какая же ты, Аделька, зараза!

Франчишка шипела, тесня меня за стойку, ее шею опять оседлала злыдня, она болтала ножками, бормотала девице на ухо:

– Разлучница! Она и Петрика пыталась увести, и хороводной королевой в том году стала, и в позапрошлом тоже. В патлы ей вцеплюсь! Рожу расцарапаю!

Франчишка думала, что это ее мысли, но я-то слышала. Пальцы привычно сомкнулись на ручке моей фамильной сковородки. Моравские колбаски, славные на весь Лимбург и далеко за его пределами, вполне обычные, ни в фарше, ни в оболочке секретов нет, исключительный и неповторимый вкус им придает приготовление на этой самой сковороде. Те колбаски, что на ней сейчас жарились, я сбросила в блюдо и, когда соперница потянулась к моим волосам,

махнула сковородой над ее макушкой. Злыдня развеялась, Франчишка испуганно взвизгнула, решив, что я собиралась ее огреть.

– Мы на дуэль смотреть будем? – спросила я спокойно, возвращая посуду на огонь. – А то вдруг она быстро закончится и наших мужиков другие панны разберут?

Тетка Гражина басовито хохотнула:

– Нашего не разберут, он уже совсем наш.

Панна мясникова этого не слышала, она уже расталкивала людей за порогом. Мне толкаться не пришлось, гости вежливо расступились. С крыльца я увидела, что Петрик, голый по пояс, встряхивает кулачищами, приятели трогают уважительно его бицепсы и улюлюкают. Марек тоже разделся. Худой, жилистый, крепкие плечи, вопреки ожиданиям не хлюпик, на смуглом животе выделяются квадратики мускулов.

– Откормить бы не помешало, – протянула тетка жалобно. – Адичка, неужели ты позволишь этому громиле-мукомолу нашего мужика калечить?

Я фыркнула. А что я могу? Никогда такого не было, чтоб женщины в мужские разбирательства совались. И сегодня не будет.

Марек встретился со мной взглядом, улыбнулся. Хорошие зубы, жалко, что Петрик их ему проредит. Нос, наверное, тоже своротит.

– Между ног не бить! – провозгласил пан Рышард, его чудом уцелевшая гармоника болталась на плече и повизгивала мехами. – До первой крови!

– Ну уж нет, – взревел Петрик. – До победы! И чтоб проигравший извинился и поклялся на панну Богуславну мясникову не зариться.

– Хочешь, я тебе это прямо сейчас пообещаю?

– Струсил?

Марек затягивал в хвост волосы, его руки были подняты, корпус открыт. Петрик бросился к нему, занес кулак и упал от быстрой подножки.

– Дерешься как баба!

– Да что ты, милый, – рассмеялся чернявый, – я еще и не начинал. Вставай, продолжим.

Он уже справился с волосами, но стойку принимать не торопился. На поясе болтались пустые ножны. Тарифские мужчины ножи в

карманах носят, в специальных карманах. И штаны у пришлого не наши: узкие, длинные, заправленные в кожаные сапоги.

Скоро стало понятно, что Марек – опытный боец. Он уходил от ударов, быстро менял положение, его кулаки не сокрушали, жалили соперника. Помощник мельника запыхался, стал много пропускать. От прямого в челюсть пошатнулся, с трудом устоял на ногах. У него по подбородку текла кровь, глаз заплыл.

– Адичка, – отвлекла меня от зрелища тетка Гражина, – сходи к старой Агнешке, пора.

Сковородку я брать не стала, потихоньку пересекла площадь, здороваясь со встречными знакомыми. На улице Княжей народа уже не было, я ускорила шаг. Дверь агнешникиного домика скрипнула, хозяйка ждала меня в спальне. Празднично одетая старушка лежала на узкой кровати, сложив на груди руки. Она не дышала. Я присела рядом:

– Вельможна пани подготовилась?

– Чтоб не говорили, что Агнешка покойная грязнулей была, – прошелестело из угла.

– Никто не скажет...

– А что скажут?

– Скажут, мастерицей была, каких мало, хозяйкой хорошей, чистюлей...

С каждым моим словом призрак хозяйки выступал из теней. Юбка в пол по старой моде, крахмальная блузка топорщится кружевами, жилетка расшита речным жемчугом и стеклярусом, волосы аккуратно, волосок к волоску, причесаны и скреплены жемчужным гребнем.

– Ступайте, бабушка, – сказала я, – в чертоги пана нашего Спящего, обещаю на девятый и на сороковой день о вас вспомнить, и через год.

Агнешка улыбнулась:

– А вижу-то как хорошо теперь! Красавицей ты, Адель, у матушки выросла. Передать чего пани Мораве, как встречусь?

– Скажите, справляюсь пока.

Старушка помялась:

– Уйду. Племянник похоронит, у нас договорено все, наследство, дом ему достанется. Еще одно, Моравянка, хлопец мой, постоялец-чародей... Приюти, пока он невесту свою найдет.

– Обещаю.

Это слово стало финальным, больше Агнешку в этом мире ничего не держало. Она ушла, растворилась в воздухе туманом. Я вытерла слезы. Жизнь всегда заканчивается смертью, ничего в этом удивительного нет.

Дом племянника был через улицу, я постучала в окно.

– Панна трактирщица? – удивилась открывшая его женщина.

– Мы с пани Агнешкой, – сказала я, – уговаривались, что сегодня заказ приду забирать, льняные салфетки с вышивкой, а она не открывает.

Женщина ахнула, захлопнула окошко. Ждать я не стала, дальше разберутся без меня, побрела к трактиру. Было очень грустно.

– Адель! Драгоценная панна Моравянка.

Вздвогнув от звуков густого баритона, я изобразила приветливость:

– Добрый вечер, пан Килер.

Бургомистр без своей секретарши выглядел каким-то нецелым, я даже посмотрела по сторонам, не догоняет ли его панна Ясна.

– Я же просил называть меня просто по имени. Ну же... Скажите: «Карл, какая приятная встреча». – Пан Килер взял меня под руку. – Прекрасный вечер для прогулки.

– Пан бургомистр...

Я собиралась освободиться и тут заметила приبلуду, не простую злыдню, а целое помертвие. Какая жалость, что я не захватила сковороды. Злыдни питаются низменными человеческими чувствами – злостью, завистью, вожделением; помертвия являются в дом, где прощаются с покойным, приносят родне болезни и неудачи.

Бургомистр ждал продолжения фразы, прижимая к своему боку мой локоть. Приبلуды он не видел, хотя она как раз с нами поравнялась. Ладно, если сковородки у меня нет...

Пан бургомистр упал.

– Какая досадная случайность! – воскликнула я, как будто не поставила ему только что подножку. – Карл, вы не пострадали?

На уличной брусчатке осталось грязное пятно. Пан бургомистр упал именно туда, куда следовало, чтоб приклепнуть помертвие задом. Мой почтенный поклонник тоже был магом, как и Марек, которого я обещала приютить, пока он не найдет невесту.

Кстати, как он там? То есть Петрику он, скорее всего, навалил...

– Простите... – Бургомистр поднялся, расцеловал мою руку, которую я ему протягивала для помощи, а не для поцелуев. – Адель...

Хорошо, что бледное лицо пана Килера было опущено, и он моего не видел. Захотелось вытереть ладонь о юбку. Прикосновения нашего начальства всегда вызывали во мне непонятную гадливость, до дрожи, до тошноты. Нет, во внешности Карла не было ничего отвратительного. Приятный мужчина чуть за тридцать. Довольно высокий и худощавый, всегда чисто выбритый. Рыжие кудрявые волосы, серые глаза, нос с аристократической горбинкой. Некоторые городские панночки на холостого бургомистра заглядывались. Особенно после того, как выяснилось, что он потомок того самого княжича Киля, что основал в незапамятные времена наш городок. Богатый, нестарый, солидный. Чего еще надо? Только помощница бургомистра панна Ясна быстро те заглядывания пресекла. «Невозможно, чтоб господин вниманием своим чернь одаривал. А вы все здесь чернь, хотя паннами прозываетесь. Чернь и ничтожества!» Жаль, что запрет касался только женского населения, а самого пана бургомистра никак не ограничивал.

«Ну чего ему от меня надо? А? Не отлипнет никак, поцелуй мокрый, как будто собака ладонь лижет». Меня передернуло, и я забрала руку, не забыв нацепить на лицо извиняющуюся улыбку:

– Прощения просим, вельможный пан, мне в трактир возвращаться надо.

– Я как раз в него направлялся. – Бургомистр кивнул в ответ на приветствие прохожего. – Рассчитывал поужинать вашими великолепными колбасками и повидаться с прекрасной панной.

Пришлось идти рядом и поддерживать беседу. Пан Килер спросил, зачем я на Княжей улице. Я ответила заготовкой, что заказ собиралась у старой Агнешки забрать. Про то, что швея уже отправилась в смертные чертоги, говорить не стала. Завтра родственники в управу сообщат. Бургомистр поинтересовался, как развивается мое дело, хороша ли прибыль, не обижают ли поставщики. Выслушав жалобы (я бы жаловалась, даже если бы все на самом деле было прекрасно, приbedняться у нас, трактирщиков, положено), вздохнул:

– Вы – одинокая незамужняя девушка, панна Моравянка. Разумеется, вам трудно заниматься таким предприятием, как «Золотая сковородка». Когда ваша матушка покинула этот мир?

– Полтора года назад.

– Время траура истекло. Адель, вам нужно серьезно подумать о замужестве.

В этот момент мне почему-то вспомнилась застольная песенка о рыцаре со служанкой. Сейчас пан Килер предложит мне пять сотен талеров и личного кнехта. У него же в доме на холме их много: прислужников, охранников, псарей и конюхов. Повар? Чтоб было кому за кухней присмотреть, пока я в спальне буду господскую милость отрабатывать? Только вот Лимбург – город вольный, князьки-рыцари остались в далеком прошлом.

– ...в библиотеке пращура об этом красивом древнем обычае.

– Простите? – вынырнув из раздумий, я поняла, что, оказывается, пропустила мимо ушей часть разговора.

– Панна Ясна, – повторил бургомистр, – разбирая мои фамильные фолианты, обнаружила рукопись времен закладки нашего города. Праздник Медоточия проводился уже тогда, юные тарифские девы танцевали у волшебных камней, выбирали Медовую королеву.

– Теперь ее называют хороводной.

– Мы возродим древние традиции, но немного их осовременим. Медовая королева на празднике выйдет замуж. Изначально этот обряд, направленный на защиту плодородных наших земель, носил более жестокий характер.

Я покраснела. Хороводной королевой я становилась уже пять раз и собиралась в шестой. После праздника я оставалась подле медоточивых камней и до рассвета слушала не привычную всем паннам Лимбурга лесть, а занимательные истории из прошлого. Камни любили вспоминать.

– Думаю, – сказала я осторожно, – что городской совет будет возражать против изменения обряда.

– Он согласен. – Пан Килер открыл дверь трактира и пропустил меня вперед. – Почтенные старейшины рады возможности привлечь в Лимбург новых гостей. К нам на праздник придут люди со всего Тарифа, аристократы из столицы, богатые купцы, бродячие актеры. Буквально сегодня я получил письмо...

– Анджей выбил дно из шестого бочонка, – пробасила у плеча тетка Гражина, – в пекарне сбились с ног, мы распродали недельные запасы брецелей, теперь просто солим сухари и подаем их к пиву.

Бургомистр отвечал на многочисленные приветствия, я вела его к личному столику в уголке, Гося вытирала столешню тряпкой. Сухари? Интересно, кто придумал?

Марек, уже надевший рубаху, стоял за стойкой и солил разложенные на подносах ломти. На макушке его красовалась фетровая шляпа с пучком павлиньих перьев, раньше принадлежавшая ревнивому Петрику. Рукава его рубахи были засучены до локтей, смуглая кожа рук контрастировала с белым тонким шелком.

– Бойкий хлопец, – похвалила Гражина, – сразу к работе. На Гоську прикрикнул, Анджею оплеуху. Успел с Богуславом поторговаться, мясник нам вдвое цену на колбаски снизил.

Я как раз отодвигала стул для бургомистра, этот ежевечерний обряд у нас был до мелочей отработан, и только могла удивленно приподнять брови.

– Вдвое от старой, – уточнила тетка. – Марек ему пригрозил, что трактир в Застолбеньках будет закупаться, что тамошний мясник Яцек Полурукий...

Дослушать не удалось, пан Килер сделал заказ, и, хотя я была уверена, что он от прошлого, позапрошлого и еще десятка «поза» не отличается, нужно было исполнить долг хозяйки. Ну да, как обычно. Дюжина колбасок без гарнира и сидр. Пива наш градоначальник не пил. Я отправилась за стойку. Марек немного отодвинулся, чтоб пропустить, подозвал Гося:

– Сухари и восемь кружек вон тем панам у стены, милая.

Длинные смуглые пальцы легонько ущипнули девичью щечку. Даже если бы руки Госьки не были заняты, она бы все равно не отбивалась. Ласка ей понравилась, обе щеки налились румянцем. Бедный Анджей, кажется, ему предстояло ревновать.

Я присела, выдвинула из-под стойки ящик-ледник, где у нас хранилась бургомистрова дюжина колбасок и еще восемь сверх, иногда пан Килер просил добавки, стала уже подниматься, но в этот момент Марек тоже присел, и мы столкнулись лбами.

– Ходят слухи, – прошептал он заговорщически, – что панна Моравянка с бургомистром гуляет.

– Тебе что за печаль? – терла я место ушиба.

– Ревнует, – решила тетка. – Воспылали чресла-то, не зря Рузечка тебе ворот на блузке расширяла.

Черные глаза Марека как раз уставились в мое декольте, я прикрылась ладонью, вспомнила, что именно эту руку мне целовал Карл, отдернула, случайно зарядив тыльной стороной по длинному смуглому носу.

– Значит, правда. И рука у панны Моравянки тяжелая, и дерется она сразу.

– Подними, – кивнула я на ледник. – Еще раз позволишь себе на мою грудь пялиться... Ай!

Черные словно оникс глаза внимательно смотрели, как в моем декольте плавится крошечный ледяной осколок, я даже не успела заметить, когда мне его туда бросили.

– Один-один, горячая панна Аделька.

Марек сложил трубочкой губы, подул, теплый воздух коснулся моей кожи. Прикосновений я не терпела, любых. Но это даже прикосновением не было, и почему-то захотелось придвинуться ближе, чтобы мужские губы коснулись моей груди.

Я резко встала, отвернулась к рукомойнику. Мыло пенилось, смывая невидимые следы бургомистровых лобзаний.

– А сердечко-то зашлось, – протянула Гражина, – никогда еще такого с тобой, Адичка, не было. Ни с паном Домбровским, который тебя у овчарни зажать пытался, ни с Гжегожем, ни с...

Имен было много, я всех и не помнила даже. Но тетки старательно вели подсчет. У них список подробный был составлен: дата, место и описание увечий, которыми их драгоценная Адичка незадачливых ухажеров награждала. Адичка это могла. Ее в отрочестве еще господин Эрик, скасгардский кулачный боец, которого после смерти в наши края занесло, обучил. Маменька попросила, в обмен на тот самый артефакт, без которого Эрик упокоиться не мог.

Я вздрогнула: Марек тоже подставил под струю из рукомойника ладони. Отшатнулась и стала вытираться полотенцем.

– Пан бургомистр оголодал. Не уверен, что именно за колбасой... – Парень кивнул на плиту, где уже брызгала жиром положенная дюжина. – По слухам, наш огнегривый господин только сидр пьет?

– Надо из погреба принести. Где Анджей?

– На бочках, наверное, дремлет, – наябедничала тетка. – Госю пошли.

Я подумала, что тогда мы никого из наших голубков не дождемся.

– Сама схожу. Марек, почему нож здесь?

Он пожал плечами:

– Может, потому что я им хлеб на сухари кромсал?

– Ему здесь не место! Нож должен быть на кухне, это закон. Отнеси и впредь...

Уголком глаза я заметила, что пан бургомистр встал со своего места и направляется к нам, поэтому фразы не закончила, юркнула за дверную занавеску, которая отделяла залу от рабочих помещений. Гостям туда хода не было, это тоже закон, не исключительно наш, как с ножами, а трактирный. Лесенка в погреб располагалась в дальнем конце большой кухни. Туда я и отправилась, не прислушиваясь, как за занавеской Марек обещает бургомистру, что через мгновение вельможный пан сможет насладиться фирменными моравскими колбасками. Толковый парень мой новый работник, как будто всю жизнь в трактирах провел. И маг. Двойная удача. Ни одной приبلуды я у нас после возвращения не заметила. Неужели наконец выплуюсь?

Анджей сидел на перевернутом пустом бочонке, привалившись плечом к другому, побольше, потягивал пиво и наслаждался бездельем. Лентяй!

– Панна хозяйка, – парень нетрезво хихикнул и протянул вперед кружку, – отхлебнете? Все мысли мои узнаете.

Сидр для бургомистра стоял в пузатых глиняных кувшинах на полке у стены. Его я делала сама, невелика премудрость. Подавить яблоки прямо с кожурой и семечками, смешать получившееся пюре с сахаром, разложить по сосудам, накрыть проглаженной тонкой тканью в несколько слоев и оставить бродить в темном месте на четыре дня. Потом отжать, процедить, налить в кувшины, на две трети примерно, и запечатать их горловины воском с крошечными дырочками. Вот и все. Через два месяца сидр готов.

Я потянулась к ближайшему кувшину. Анджея гнать нужно, если бы не его жениховство с Госькой, я сделала бы это уже сегодня. Но девку жалко. Она с этим лентяем и так в будущем хлебнет горя.

– Не хотите?

– Чего еще? – спросила я не оборачиваясь. – К себе ступай, проспись. Завтра придете с невестой ко мне за расчетом...

Мою талию крепко обхватили мужские руки, кувшин упал, раскололся, сидр пенным фонтаном доплюнул до низкого потолка.

– Какая еще невеста, панна Аделька? – Анджей навалился, прижал меня к бочкам. – Только о вас думаю, только вас...

Он намотал на кулак прядь моих волос, дернул, запрокидывая голову, и завизжал как свинья на бойне. Я скользнула в сторону и пнула корчащееся от боли тело. Руки придется снова мыть, особенно левую, которой я совсем недавно изо всех сил сжимала мужские причиндалы.

«Это самое слабое место, – говорил мне господин Эрик, заставляя тренироваться с овощами и фруктами. – Представь, что тебе нужно весь сок выдавить». Сока в тот год в нашем трактире было много: ревеневое, яблочное, морковное и даже из репы, который для хозяйственных нужд не пригодился. «За правую руку тебе сразу попытаются схватить, отдай, но пусть левая может больше». Я могла колоть орехи с двух рук, любые, нашу лещину, заграничные доманские и даже раздавила однажды некрупный малихабарский волосатый орех с пряной белой сердцевиной. Анджею повезло, что он не успел тарифские мужские штаны из толстой кожи расстегнуть, иначе... Я поморщилась, представив, что бы тогда получилось.

– Убирайся! Совсем уходи, чтоб я тебя больше здесь не видела. Гесе скажи, на нее не сержусь, завтра за работу заплачу.

И прижав к животу полный кувшин с сидром, стараясь при этом не поскользнуться на мокрых осколках, я стала подниматься по лестнице. Марек опустил в крепление над разделочным столом нож.

– Там Анджей, – сказала я. – Не мог бы ты его через черный ход на улицу вышвырнуть?

– По частям? – Марек приблизился, забрал кувшин, поставил его на край сундука. – А правду говорят, что яблоки на сидр панна Моравянка своими красивыми ручками давит, а не в ступке? Думаю, правду.

Он улыбнулся, провел рукой по моим волосам, поправляя растрепанные пряди. Я почему-то не отстранилась, прислушалась к ощущениям. Не противно, даже наоборот.

– Чресла горят, – уверенно сообщила тетка. – Не у тебя, у него. Хотя... Замуж тебе, Адичка, пора. За чаровника, конечно. Другой нам не подходит. Выбирай, этот чернявый или рыжий. Так хорошо, когда у девицы выбор имеется.

Одновременно я слышала слова Марека:

– Загадочная панна Аделька, сильная как фахан из бездны, прекрасная как фея... Твои волосы отливают алым на свету, а глаза точно ягоды зрелой птичьей вишни. Ты не знаешь, здесь она не растет... – Твердые смуглые пальцы отодвинули прядь, обвели ухо, прикоснулись к скуле. – Среди твоих предков явно побывала фея... И сковородка! Спящий! Твоя золотая сковородка! Это же артефакт! Такой нелепый, немислимый и...

– Сейчас будет целоваться, – предупредила Гражина.

Я отшатнулась:

– Давай сразу договоримся, пан пришлый, если ты хочешь со мной работать...

Марек посмотрел на свою ладонь, как будто с недоумением:

– Не уверен, чего именно я с тобой хочу. Всего и немного сверх?

– Между прочим, – пробасила Гражина, – там пан Килер с Госькой спорит, хочет ворваться.

Предупреждение запоздало, бургомистр уже отдернул занавеску:

– Адель! Прекрасная панна здорова?

– Разумеется, Карл, – улыбнулась я и подхватила кувшин. – Мы с вами сегодня оба неловки. Представьте, первую порцию сидра я расколотила.

– В погребе? Я приберу, – пискнула Гося, протискиваясь в кухню.

– Не нужно, милая. – Марек ущипнул девушку. – Я этим займусь. Помоги панне хозяйке обслужить нашего самого дорогого клиента.

И Госька его с первого раза послушалась, покраснела, присела в книксене, как будто не я, а этот пришлый маг здесь хозяин.

Глава 2

Старые знакомые

Пан бургомистр вернулся домой за полночь. Панна Ясна сразу поняла, что хозяин не в духе, поэтому с вопросами не приставала, подождала в кабинете, пока лакеи помогут переодеться господину в домашний шлафрок, а когда Карл вошел, налила в хрустальный бокал вина. Вина, а не простолюдинского пива, которое в этой дикой стране хлещут все, от князей до площадных попрошайек. Господин уселся в кресло у камина, принял бокал, задумчиво отхлебнул и поморщился. Не от вкуса – Ясна, происходившая из семьи ардерских виноделов, в этом была уверена. «Королева Марго», разлитое по бутылкам в год бракосочетания королевской четы и названное в честь ее величества, четверть века выдержки. Они помолчали. Секретарша почтительно стояла в двух шагах от кресла, привычно пересчитывая завитушки коврового орнамента под ногами. Господин обязательно поделится с ней своими тревогами, нужно только подождать.

– Сегодня, – начал Карл, – не происходило ничего странного?

Ясна подумала. В Лимбурге или в самом доме? Хозяин ждал ответа. Девушка начала перечислять:

– Дровосеки на склоне Юнгефрау видели оленя с золотыми рогами, пастух Ежи донес в магистрат на соседку, что она сглазила его овец, а пан Гжегош просит у господина бургомистра суда над Моравянкой, которая в начале года этого пана поколотила, отчего он теперь ни спать, ни есть не может, панна Аделька челюсть ему свернула.

– И это мешает мерзавцу спать?

– Нет, это – только есть. Спать ему мешают непристойные сны, которые, пан Гжегош уверен, навеивает на него преступница. Он требует справедливого наказания, чтоб панна Моравянка вышла за него замуж, кормила его жидкой пищей и...

Карл желчно рассмеялся:

– И воплощала в реальность непристойные фантазии. Что еще?

– В город со стороны Застолбенек пришел новый человек, по виду, говорят, не тарифец, еще говорят, что маг. – Ясна подняла глаза к

потолку, припоминая. – И в нашей кладовой взорвались все до одной бутылки с сидром, который господин велел приготовить повару. Кажется, все. Да, повар Спящим клянется, что не виноват, что все по рецепту сделал.

Секретарша подлила вина в опустевший бокал:

– Олень с золотыми рогами кажется мне перспективным. Если немедленно отправить на склон егерей, завтра мы сможем...

– Никуда он от нас не денется, – отмахнулся Карл. – Сейчас меня больше интересует маг.

Он опустошил бокал и поднялся из кресла.

– Идем-ка в башню.

– Господин его видел? – спросила девушка, когда они шли по коридору к винтовой лестнице. – Где? Неужели...

Она ахнула от догадки и споткнулась, Килер подхватил секретаршу под локоть, удерживая от падения:

– Ты правильно поняла, этот... этот... отирается около моей дражайшей Адели.

Тут Ясна поняла и причину того, что хозяин не в духе.

– Какой-то бродяжка-чародей, – фыркнула она утешительно. – Разве может он стать соперником вашему высочеству?

– Бродяжка?! – Карл поднимался по лестнице первым. – Если бы...

Он толкнул дверь:

– Но будем надеяться, что я ошибся, что этой глумливой рожей одарили кого-нибудь другого.

Секретарша вошла следом, заперла дверь на замок, набросила засов, еще один. Это помещение, куда не допускались слуги и посторонние, было магической лабораторией. Здесь Карл варил волшебные зелья, составлял новые заклинания и общался с начальством из вышних сфер. Карл Килер, как его сейчас называли, не был даже человеком. Один из принцев нижнего мира, то есть демон или, если угодно, фахан, в свое время совершивший в мире людей серьезные преступления и наказанный многолетним заключением в мире нижнем. Теперь же заключение сменили на более щадящий режим: ссылку в мир людей с обязанностью отработки своих проступков добрыми делами. Ясна с рождения знала, что, если возвращение господина в этот мир произойдет при ее жизни, она

отправится служить. Это знание передавалось в их семье по женской линии из поколения в поколение, как и неразрывная ментальная связь с господином.

Карл подошел к книжным полкам, сдвинул в сторону фолианты.

– Где же он? Вот!

Он схватил истрепанный томик, присел на гранитную алтарную плиту в центре комнаты, зашуршал страницами. Ясна заглянула через плечо господина. Не книга, толстая тетрадь, бумага пожелтела от времени, чернила выцвели, строчки рукописного текста перемежаются рисунками. Портрет молоденькой девушки с густыми бровями, еще один, та же девица, но в мужском костюме, какие-то животные, карлики, оружие...

Карл наконец нашел нужную страницу, на ней очень тщательно был изображен обычный попугай, из тех, что развлекают богатых аристократов во всех пяти королевствах и Тарифском княжестве. Господин распрямился и положил раскрытую тетрадь на алтарь.

– Сейчас посмотрим.

Секретарша отступила, чтобы не мешать колдовству. Карл воздел руки, напевно произнес заклинание, на граните вспыхнул сложный круговой орнамент, и сноп яркого света ударил в потолок.

– Вопрошай, – торжественно предложил бесплотный голос.

– Кто это? Покажи.

В луче света возникла фигура, сначала туманная, нечеткая, она быстро приобрела яркие краски и объем. На ступеньках мраморной лестницы, уходящей в никуда, сидел темноволосый мужчина, в его руках была мандолина.

– Мармадюк, ученик Этельбора, – сообщил бесплотный голос, – незадолго до возвращения сил.

– Как он выглядит сейчас?

Изображение мигнуло, пошло рябью. Брюнет менял позы и одежды. Вот он в расшитой звездами мантии на вершине какой-то башни, вот в камзоле и драгоценностях сидит за карточным столом, вот верхом на лошади, доспехи сверкают, волосы треплет ветер, совсем без одежды, в ванне, к плечу пристал розовый лепесток, на другом дамская ручка, сама женщина скрыта туманом. Наконец перед зрителями предстал обычный бродяжка в потрепанном плаще с

посохом. Он широко улыбался, шурил от солнца черные как сливы глаза.

– Я не ошибся, – пробормотал Карл, – какая жалость. Однако почему он меня не узнал? Или сделал вид?

Бесплотный голос решил, что вопросы направлены к нему.

– Лорд Мармадюк проходит испытание, положенное ему вышними сферами. Он лишен памяти и почти всех сил.

– Испытание? Кем? За что?

– Подробностей не сообщается.

Сфера мигнула и погасла. Карл раздраженно схватил тетрадь и зашвырнул ее в пылающий зев камина:

– Мерзопакостный потаскун! Каналья! Бестия!

Ясна терпеливо переждала вспышку господского гнева и, когда мужчина без сил опустился в кресло, спросила:

– Этот Мармадюк так опасен? Насколько я поняла, его лишили сил и памяти. Возможно, он всего-навсего случайно забрел в Лимбург.

– И выжмет из этой случайности все до последней капли! Ты не представляешь, что это за существо. Прожженный интриган, хитрый, беспринципный, изворотливый. Для собственного развлечения он разрушит все, что я с таким трудом построил. Ты говорила что-то об олене с золотыми рогами? Предлагала его уничтожить, чтоб добавить еще одно доброе дело в нашу копилку? Мармадюк притащит тварь в город и заставит танцевать на площади.

– Оборотня-людоеда? – девушка удивилась. – Для развлечения?

– Адель! Моя драгоценная Адель превратится... – Карл запнулся, некоторое время помолчал, тяжело вздыхая и барабаня по подлокотнику костяшками пальцев. – Мармадюк ничего не помнит, но молодая панна его невероятно привлекает. Скорее всего, он пока не разобрался почему. Может, даже решил, что влюблен.

Ясна хихикнула.

– Тогда его лицо очень скоро близко познакомится с кулаками Моравянки. Но, – девушка посерьезнела, – если он поймет и отведаст сладкой волшебной плоти?

– Мы проведем операцию упреждения.

Карл улыбнулся (его зубы были сейчас совсем нечеловечески тонкими и острыми, а глаза полыхали алым), пружинно поднялся,

отбросил на пол шлафрок. За спиной фахана раскрылись черные кожистые крылья. Он пропел слова заклинания, закончив громким:

– Взываю к вышним сферам Авалона! Для защиты невинных мне необходим мощный артефакт подчинения!

На этот раз светового луча не появилось. Бесплотный голос, кажется, с зевком, сообщил:

– Запрос одобрен канцелярией.

На алтарь, звякнув, упал широкий золотой браслет.

– То что нужно. – Фахан схватил украшение. – Ясна, нам потребуется шкатулка. Ты, кажется, показывала мне сандаловую...

– Как он действует? – Девушка пропустила хозяина вперед, закрыла дверь лаборатории и поспешила следом.

– Именно так, как требуется. Мармадюк наденет безделушку, и она будет причинять невыносимую боль всякий раз, когда он не исполнит нашего приказа.

– Ваше высочество, – возразила Ясна, – но вряд ли этот маг примет такой подарок от господина бургомистра и поспешит его надеть.

– Он примет его от панны Моравянки. Я расскажу Адели о нависшей над ней опасности, и она непременно...

Голоса и шаги затихали, удаляясь, только ровный гул никогда не гаснущего камина разбавлял наступившую в лаборатории тишину, потом раздался голос:

– Инструкция.

И на алтарь из воздуха выпал лист бумаги. К сожалению, сейчас прочесть его было некому. К сожалению для опального принца и его верной помощницы.

Там было написано: «Амулет подчинения, уровень – верховный, имя – Болтун. Подчиняет носителя силой любви. Активируется поцелуем. Лишен голоса, отправлен в мир для прохождения испытания».

Лист некоторое время лежал на алтаре без движения, а потом его снесло на пол порывом сквозняка. Окна в лаборатории никогда не закрывались.

Тетка Рузя закончила заплетать мне косу на ночь и стала расстилать постель.

– Госечка спит? – спросила она жалобно.

– Ага, – прислушалась Гражина. – Отрыдала, как положено, и заснула. Кто ж знал, что Анджей таким мерзавцем окажется?

– А он мне сразу не понравился, пьяница и лентяй.

– Ну да, – я широко зевнула, прикрыв ладонью рот. – Только вам это не помешало молодых людей сводить. Очень прошу, умоляю даже, с Марекком Госю теперь не вздумайте паровать. Этот еще хуже может оказаться.

Я легла на кровать, накрылась тонкой льняной простыней, вдохнула привычные запахи сушеной лаванды и чабреца, которыми были набиты матрасы и подушки. Неужели выплусь? Ночник в спальне погас. Тетки ждали, пока я усну, беседовали шепотом.

– Госька за Анджеем не пойдет, здесь останется. Такими словами его на заднем дворе чихвостила... Марек? Он неподалеку стоял, чтоб отставной жених чего не учудил. Адичка? Да как обычно... Ой, Рузька, чего расскажу, не поверишь. Наша-то хороводная королева в погреб пошла, а чернявенький, как кувшин разбился, следом. Глазищи горят. Ну, думаю, сейчас рассмотрит, как панна Моравянка честь свою блюдет, в обморок брякнется. А он...

Я повернулась на бок и прикрыла ухо подушкой, чтоб не слушать. Чернявый Марек. Если бы не он, наша служанка еще бы подумала, прежде чем отставку любезному Анджею давать. Бабник. Не Анджей, а... Хотя... оба они бабники, чего уж.

– Адичка, – сказала Гражина с испугом, – пришел кто-то.

– Марек, наверное. Он хотел со старой Агнешкой попрощаться. Я ему и ключ дала.

– С черного хода.

Пришлось стряхивать дремоту:

– Ладно, поглядим.

Я надела поверх ночной сорочки халат и пошлепала задниками тапок вниз по лестнице. В зале было темно, но мне это не мешало, в своем доме я каждую деревяшку на ощупь знала. Гражина была чуть позади, а Рузя осталась в комнатах на третьем этаже, она их никогда не покидала.

Пока я зажигала лампу, тетка Гражина успела осмотреть обстановку.

– Адичка, – сказала она гулким басом. – Скворода-то... тю-тю.

– Вот ведь псячья дрянь, – выругалась я, – Анджей, больше некому.

Пройдя через кухню, я вышла на хозяйственный двор. Хлопец пытался унести награбленное по этой тропинке, мимо дровяного сарая, курятника, грядок с зеленью. Сковородка призывно блестела в свете обеих лун, прижав к земле кустик укропа. Анджей не первый и даже не десятый, кто пытался ее похитить. Болван! Помню, однажды к нам в Лимбург явился всамделишный вор, конкурентами нанятый. Тоже недалеко ушел. Теперь подпаском у пана Ежи работает, овцы, они безопасные, в отличие от чужих сковородок. Ежи! Завтра нужно будет к его соседке заглянуть. На всякий случай. Может, пан напраслину наговаривает про сглаз, а может, и нет.

Тетка ждала меня на пороге черного хода, я помахала ей сковородой:

– Нашлась пропажа.

– И Марек вернулся, – кивнула Гражина в глубь дома. – Не один, с приятелем.

– У него с этим быстро.

Я прошлепала через кухню, отодвинула занавеску. За столиком пана бургомистра сидели двое: мой чародей-работник-балабол и... Петрик с мельницы. Под его левым глазом чернел синячина, на голове красовалась шляпа с павлиньими перьями.

– Добрый вечерочек, вельможна панна Моравянка, – поздоровался хлопец.

– Ночь уже, – ответила я не приветливо. – Добрые люди третий сон видят.

Марек смотрел на меня. Странно смотрел, как будто не узнавал. Понятно, моя Рузечка в одежде для спальни всю свою фантазию проявляет. Моя сорочка сшита из тончайшего малихабарского шелка, а халат вообще парчовый, с золотыми хризантемами по подолу и рукавам. Я с грохотом вернула на плиту сковородку и затянула пояс потуже:

– Ладно, долго не засиживайтесь.

– Панна Аделька, – чернявый кивнул на стол, – нужно помянуть Агнешку покойную. Так принято, чтоб путь ее к чертогам пана Спящего был короче.

Там стояла бутылка мутной сливянки и три чарочки. Парень был прав, есть такой обычай.

– Госька проснулась, – сообщила тетка, – сейчас спустится.

Марек поднялся, усадил меня за стол, придвинул еще один табурет.

– Чего это? – спросила заспанная, но причесанная и нарядная служанка.

– Агнешку поминаем, сюда иди, – распорядился балабол. – И захвати там за стойкой... Нет. Просто иди. Мы с панной хозяйкой из одной чарочки пить будем. Ну, за...

Сливянка – напиток невкусный, крепкий. Горячий шарик скользнул по горлу, заставил меня закашляться. Марек сунул мне неведомо откуда появившийся носовой платок утереться, допил из чарочки, бросил в рот ядрышко лещины:

– Хорошая швея была покойница. Не она ли панне Адельке этот шлафрок исполняла?

– Хорошая, – согласилась я, – но нет, не она.

– Значит, панна сама?..

Госька фыркнула:

– Панна Моравянка не знает даже, с какого боку в иголке ушко. Ежели чего зашить надо, так мне скажи, я справлю.

Столик пана бургомистра был на одного, мы сидели за ним вчетвером, очень близко друг к другу, я вполне могла пнуть девку носком тапочки, даже очень захотела, но сдержалась, рассматривая носовой платок Марека. Дорогой шелк, на нем вышита вензельная «М», завитушки которой украшают совсем уж крошечные колокольчики.

Налили по второй. Я послушно отпила. Можно было возвращаться в спальню, но я почему-то задержалась.

– Соленые орехи к пиву, – говорил Марек, щелкая пальцами шарики лещины и засовывая ядрышки себе в рот, – если пару мешков мне к обеду достанешь...

– О чем вообще разговор? – спросила я, протягивая раскрытую ладонь. – Поделись.

Чернявый отсыпал мне горсть из кармана:

– Петрик на своей мельнице потолка иерархии достиг и в него уперся. Это для любого мужчины очень обидно.

Хлопец обиженно вздохнул, Госька его похлопала по плечу, утешая, налила из бутылки всем. Марек схватил чарочку, придержал мне затылок, я отхлебнула, он допил. Щелкнула ореховая скорлупа. У меня во рту оказалось шершавое ядрышко, другое отправилось Мареку. Все это парень проделывал быстро и уверенно, продолжая говорить:

– Мужик за двадцать, а он до сих пор в помощниках у пана Мюлера. Богуславы нос воротят, не подходит жених. А у нас...

Я раздавила скорлупу и засунула орех в рот чернявому, чтоб он на мгновение замолчал:

– Что у нас?

Губы Марек задержались у моих пальцев, ответил мне Петрик:

– Уважаемым человеком стану. Вторым после Марек.

– Тебе сколько пан Мюлер платит? Талеров тридцать?

– Сорок, – махнул Петрик рукой, – но мы уже с Марек на десятку договорились. Гонор дороже. Вы, хозяйка, не сомневайтесь, я работник хороший, сильный, не пьющий... почти...

Он выпил, крикнул. Чернявый наклонился к моему плечу:

– Я пообещал, что поручу ему у мясника закупаться, он бы и бесплатно согласился.

Мне это все не нравилось, особенно то, что жаркий шепот в ухо отдавался мурашками в самых странных местах.

– На два слова, пан пришлый, – поднялась я и пересекла залу.

В кухне за занавеской я обернулась к Мареку:

– Ты кем себя здесь вообразил? Хозяином?

Лампы мы не зажигали, черные глаза парня блестели в лунном свете, побаивающемся в окошко, как драгоценные опалы. Я вдруг поняла, что осталась с ним наедине, и что он вполне мог решить, будто я специально... Какой стыд!

– Нет, – сказал Марек грустно, – хозяйка ты, только плохая хозяйка, тебе эта роль не подходит и совсем не нравится. Ты ее без души исполняешь, как будто по привычке.

Очень обидно получилось, наверное, потому что было правдой. Если бы в этот момент чернявый балабол попробовал ко мне прикоснуться, получил бы по лицу кулаком. Но Марек не шевелился, продолжал спокойно говорить:

– Я все это вижу, и вижу, как ситуацию в трактире можно исправить. Не знаю, откуда во мне такие таланты, но в них уверен. Со мной, Моравянка, твой трактир процветать будет. Позволь только...

– Что исправить?

– Многое. От обслуживания до перечня подаваемых яств. Дом большой, просторный, а используется меньше чем наполовину. Сколько на втором этаже спален? Двенадцать? А заняты только три, и то работниками, это расточительно и неразумно. Если комнаты пустить под сдачу... Но тогда нужен еще повар и наемный музыкант. И еще: ты слишком много платишь поставщикам, таких цен нигде в Тарифе нет.

– Потому что два года трудных выдалось, – попыталась я оправдаться, ухватившись за последнюю фразу.

– Вот, – вздохнул Марек, – а нормальный трактирщик сначала о своем заведении думает. Тебе минимум бургомистром стать надо было или... Нет, супругой бургомистра тебе, скорее всего, не бывать.

– Почему? – спросила я из вредности.

– Потому... – Он опять вздохнул и, тряхнув головой, улыбнулся. – Ты же меня не ругаться позвала? Скрепим договор нашим первым поцелуем?

Я фыркнула, отдернула занавеску:

– Сначала приведи трактир к процветанию, балабол.

И пошла к себе.

– Адичка, – басила тетка Гражина, когда мы поднимались по лестнице, – хороший хлопец, с пониманием. Если он трактирные обязанности с тебя снимет, хорошо получится.

– Я не понимаю, зачем ему это надо.

– Влюбился?

– Кто влюбился? – встретила нас Рузя. – В кого?

– Чародей в нашу Адичку.

– Вы ошибаетесь, тетечка, – я сбросила халат на спинку кресла и рухнула на постель, – там кое-что другое.

Уснула я почти сразу, а когда проснулась за час до рассвета, решила сходить к пану Ежи.

– Сквородку брать будешь? – поинтересовалась Рузя, закрепляя мои косы вокруг головы.

– Нет, мне только посмотреть. Другая тетечка где?

– Гражинка, когда Госька на боковую отправилась, сказала, на лестнице посидит, послушает, о чем парни за чарочкой болтают. Еще не возвращалась. Я, Адичка, пока ты отдыхала, в библиотеке порылась. Помнишь, ты вчера спрашивала, не слышал ли кто про оленя с золотыми рогами?

Эту историю накануне обсуждала в трактире компания пришлых лесорубов. Парни были странствующими работниками, нанятыми магистратом для вырубki леса на склоне ближайшей к городу горы Юнгефрау. Они хвастались, что видели чудесное создание, планировали на него поохотиться. Шутка ли, золотые рога!

Гражина сказала, что байка занятная, но вряд ли тревожная, многие люди мечтают сразу и без усилий разбогатеть, вот и фантазируют.

– Нашла я эту тварюку в бестиарии, – похвасталась Рузя. – Лет пятнадцать тому назад видали ее около Вомбурга. Жители тоже сначала обрадовались, на охоту вышли, только из охотников ни один в город не вернулся. И олень пропал. А потом...

– Новости! – раздался у порога басок тетki Гражины. – Чего расскажу.

– Пусть Рузечка сначала закончит, – решила я. – Продолжайте.

– Прикопаными охотников нашли, всех до одного, в общей могиле.

– Так что за тварь?

– Перевертыш-замануха. Волшебным своим видом добрых людей приманивает, а после жрет.

Это было серьезно, очень. Олень-людоед. Придется разобраться.

– Теперь я, – тетка Гражина проплыла к туалетному столику, за которым я сидела, – про Марека и его к Адичке интересе.

– Ну-ну. – Рузя про чувства любила больше, чем про всякие ужасы, она устроилась на моей уже прибранной кровати, подобрав под себя костлявые ножки, и приготовилась слушать. – Влюбился?

– Пожалуй, что нет. Он в себе пока не разобрался, с одной стороны его к Адичке тянет, с другой – образом, который он считает неправильным. Дружище Пьер, это он так ночью Петрика называл... – Голос Гражинки изменился, став похожим на Мареков, – Дружище Пьер, феи, с которыми я... Там дальше подробности всякие, Адичке их

слушать не надо. Феи-проказницы сказали, что как только я нужную деву увижу, сам все пойму.

Около получаса я терпеливо слушала дословный пересказ обыкновенного пьяного бреда. Он увидел и не увидел, понял и не понял. Никогда еще такого не было, чтобы от близости женщины голова кружилась и члены слабели. Он же ого-го какой кавалер опытный, а тут не знает даже с какой стороны подступиться.

– Это потому, – исполнялось тенорком Петрика, – что Моравянка – панна особенная. Думаешь, до тебя никто женихаться не пытался? Только она как камень или глыба ледяная, только дерется; наверное, кого-нибудь получше, чем простой хлопец, ждет. И, кажется, дождалась. Бургомистр, уж такой аристократ из аристократов, с первого взгляда вспылал. Как сейчас помню, в том году после лавины, все горожане на расчистке работали, на Княжью площадь карета въезжает, дорогая с гербами, лакеи дверцы открывают, ручки подают нашему пану Килеру, а Моравянка в этот момент из магистрата выбегает. «Бинты нужны, – орет, – воду кипятите!» Ну, всю свиту бургомистрову к делу и пристроила, и пана начальника заодно, собственноручно тряпки на полоски драл.

– Этот рыжий фахан? Ха-ха! Точно, любовь.

– Тоже круги вокруг панны Адельки мотает, городской совет подговорил, чтоб поставщики цены повысили, а он потом несчастную деву спас.

– Чего? – всплеснула я руками. – Это Петрик говорил?

– Ну да, – подтвердила Гражина. – Все, кроме нас, оказывается, знают, если даже до помощника мельника слухи дошли. Успокойся, дальше еще интереснее.

Она изменила голос на Марекон:

– Ты, дружище Пьер, не замечал на шее прекрасной панны ранок, наподобие надрезов?

– Надрезы? Хи-хи. Представить даже невозможно. Ее, Адельку, с младенчества от ран берегли, Моравянка покойная не только ножи, даже иголки от нее прятала. Моравянка – единственная женщина в Лимбурге, да чего там, на весь Тариф одна, которая ни шить, ни вязать не умеет. Пану Килеру про то известно, но он перед всем советом на той неделе сказал, что его супруге домашней работой ручки марать не придется.

Я заскрипела зубами. За моей спиной плетутся дурацкие интриги. Болваны! Целый город болванов. И этих людей я собиралась от оленя-людоеда спасать?

– Дальше Петрик заснул, прямо за столом, – сказала Гражина. – А чернявый стал залу шагами мерять, бормотал под нос невнятицу, я, кроме имени Адички, не разобрала ни слова.

– Спасибо, тетенька.

– Пустое. Делать-то что будем? Мне про раны на шее вопросы не понравились.

– А мне, – пискнула Рузя, – тревожно, что он бургомистра фаханом обозвал. Всем известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Тетки посмотрели друг на друга с тревогой, перевели взгляды на меня.

– Адичка?

Я вздохнула:

– Давайте по существу. Предположим, наш бургомистр действительно фахан. Если бы он меня сожрать хотел, неужели бы этого не сделал? Поводов, чтоб я будто случайно о что-нибудь оцарапалась, достаточно было.

– Может, время тянет, может, ты еще до самой вкусной кондиции не дошла, – предположила Гражина.

– А может, он влюблен и каждодневно с противоестественным желанием Адичку съесть борется? – Рузя как всегда выдвинула самую сентиментальную версию.

– Я его спрошу, – пообещала я, – сегодня же. Марека прогоню, к пану Ежи загляну и в магистрат отправлюсь, там как раз приемный день.

– Прогонишь Марека? – удивилась Гражина.

– Разумеется. Он в себе пока не разобрался, но мне-то все яснее ясного. Его те же желания, что и пана бургомистра посещают – крови моей испить.

– А если он единственный, кто тебя от пана Килера защитить сможет? Или мы вдруг сами истребителями фаханов заделались?

Я уже открыла рот, чтобы сообщить о твердости принятого решения, но, озаренная пришедшей в голову мыслью, замерла. Двое

охотников, преследующих добычу, непременно еще и друг с другом за нее сражаются. Тогда у жертвы может появиться шанс. У меня. Шанс.

– Тетечка Гражиночка, посмотрите, пожалуйста, где Марек. Если еще не проснулся, разбудите остороженько. Тетенька Рузечка, мне нужно переодеться. Давайте что-нибудь скромное, невинное, без вырезов. И чепец! У нас же есть такой, с крылышками?

Пока мы перебирали и отвергали наряды, Гражина успела вернуться:

– Марек к плите встал, не в зале, к кухонной, завтрак готовит. Петрика отправил к пану Мюлеру расчет получать, Гоську к плотнику Тесле, зачем, я не поняла. Сам свеж и весел, напевает что-то.

Я посмотрелась в зеркало. То что надо. Испуганная невинная овечка. Корзинку еще можно для полноты образа, заодно сыра у пана Ежи куплю.

Попрощавшись с тетками, я тихонько спустилась по лестнице.

Действительно, напевает. Странная песня, иноземная. И язык незнакомый, с гортанным протяжным «р» и обилием гласных. Отчего-то в животе стало щекотно. Пережидая это ощущение, я дослушала песню до конца и заглянула на кухню:

– Доброго утра, Марек.

Чернявый моргнул, его рука с деревянной лопаточкой замерла над плитой. Пахло яичницей, но на сковородке лежала круглая желтая лепешка, парень ее перевернул и тоже поздоровался.

– Прекрасная панна Моравянка в темный лес к волкам собралась? Или на жертвенный алтарь сегодня возлегает?

Улыбнувшись шутке, я прошла к сундукам, достала плетеную из лозы корзинку:

– Сначала за овечьим сыром к пану пастуху, а потом, пожалуй, к волкам. Только панне этот визит не страшен, с ней туда защитник отправится. Тебе сказали, что для работы в магистрате разрешение получит надо? Ну вот. Вместе туда пойдём.

– После завтрака. – Марек подхватил с плиты сковороду. – Панна Аделька разделит со мной скромную трапезу?

Лепешек из яиц я раньше не ела, поэтому согласилась. Мы накрыли в зале, чернявый разделил желтый круг на две половины:

– Это называется омлет.

Я попробовала, уточнила рецепт, оказавшийся совсем простым.

– Когда дело немного расширится, – сказал Марек, – мы сможем гостям по утрам завтраки предлагать.

Расширится? Ну-ну. Мечтай.

– Забавно, – улыбнулась я. Отправляя в рот ломтик омлета, – мне казалось, ты ничего мясного не ешь. А яйца – это ведь будущие цыплята?

Чернявый поморщился:

– Можно я сейчас подробно не буду объяснять, что такое яйца?

– А ты мяса никогда не пробовал? – сменила я тему. – Или не помнишь?

– Дошли уже слухи? У меня с памятью странно, тут помню, тут не помню. Про еду любопытство прекрасной панны могу удовлетворить. Когда-то очень давно, так давно, что и поверить сложно, мне пришлось жить в облике птицы. С тех пор вкусы и поменялись.

– Какой птицы? – уточнила я и без паузы задала еще один вопрос: – Сколько тебе лет?

– Попугая. Что же касается возраста, в одном прекрасном королевстве есть подходящая к случаю пословица: женщине столько лет, на сколько она выглядит, мужчине столько, на сколько он себя чувствует.

– Каковы в цифрах твои ощущения?

Парень улыбнулся:

– Я же маг, Адель, иногда столетия, иногда... Тебе сколько? Двадцать?

– Двадцать три.

– Идеально мне подходишь. – Он посмотрел на пустые тарелки. – Можем выступать. Гося приберет, когда от плотников вернется. Слушай, у нас денег свободных совсем нет?

– Нет! Зачем плотники?

Мы вышли из трактира, уже рассвело, и я кивала на приветствия горожан.

– Что значит «зачем»? Перекрытия менять, полы стелить. Деньги нужны. Галеров пятьсот для начала... Может, устроить сообщество пайщиков? – Он размышлял вслух, подлаживаясь к моим шагам, успевал тоже здороваться.

– В Лимбурге, – сообщила я, – такие суммы только в сундуках господина бургомистра водятся.

– Точно! Наш рыжеволосый фаханчик. Любопытно, за что... Испытание? Да какая разница. Пусть сундуки нам откроет...

– Испытание? – переспросила я.

– Ну там, – Марек пошевелил в воздухе пальцами, – в вышних сферах так принято, разных провинившихся к людям посылать.

– То есть в том, что пан Килер – фахан, ты полностью уверен?

– Разумеется. Я думал, вы все осведомлены. Тоже мне, тайна... Карл... Карлуша, Каракуша... Вертится что-то такое в голове... Знаешь, он же меня вчера узнал, узнал и испугался. Шляпу Петрика съем, если нет. О, сколько бы я отдал, чтоб в магическую башенку нашего бургомистра заглянуть!

Я посмотрела в сторону холма, башни было две, венчали симметрично оба крыла бургомистровых хором.

Пана Ежи дома, разумеется, уже не было, говорила я с хозяйкой пани Еживой. Дом подозрительной соседки она указала, влажный ком овечьего сыра завернула в тряпочку и опустила в корзинку, подмигнула:

– Не нужно денег, панна Моровянка. Подарок за услугу, так у нас еще с матушкой вашей заведено было.

Марек удивился:

– Что за услуга?

Хозяйка хихикнула и снова подмигнула, прежде чем попрощаться.

– Держи, – отдала я парню корзинку, – во дворе обожди.

И отправилась к указанному дому. Соседка была из пришлых, тех, кто переехал в Лимбург после памятного схода лавины. Поэтому и звали ее Новак. Жила она одна, подрабатывала плетением кружев, то есть едва сводила концы с концами. И, как будто для недоверия старожилов этого было мало, Спящий и супруги его наградили пожилую женщину отвратительной, отталкивающей внешностью. Бургомистр? Кто угодно в городе мог поклясться, что это не пан Килер, а плетельщица – переодетый фахан. Кто угодно, кроме меня. Я пани Новак жалела.

Марек не послушался, во дворе ждать не стал и, когда на мой стук открылась дверь, ахнул. Было от чего. Огромный нос женщины крючком нависал над толстыми бесформенными губами, почти встречаясь с бугристым подбородком, крошечные глазки смотрели из-под густых черных бровей.

– Доброго утречка, пани Новак, – сказала я приветливо. – Как здоровье вельможной пани? Мы с новым работником за сыром заходили, решили и к вам заглянуть.

– Трактирщица? – Глазки прищурились, совсем скрывшись в морщинах. – Надо чего?

– Хочу одну из ваших кружевных накидок приобрести. – Я достала из кармана передника несколько талеров. – Покажете, какие есть?

– Ты говорила, у нас денег нет, – шептал Марек, проходя вслед за мной в ветхий домик. – Маленькая лгунья.

Я сделала вид, что ничего не слышу, обошла гостиную, она же спальня, она же мастерская, заглянула на кухню, под кровать. Вот ведь пан Ежи – балабол. Наговаривает на старуху. У нее из потустороннего только кружева ее волшебной уродливости и размеров.

– Эту, пожалуй, возьму, – показала я на сетчатое полотно, растянутое вдоль глухой стены.

Торговаться не стала, заплатила, свернула покупку тючком, положила поверх сыра в корзинку. Повеселевшая пани Новак рассказывала, что здоровье ее стариковское, но пальцы дело помнят, что скоро к ней сестра из Замбурга приедет, и они в четыре руки столько красоты наплетут...

Я держала на лице вежливую улыбку, внутренне содрогаясь. Еще больше такой красоты Лимбург мог не перенести.

Пани Ежива поджидала нас у окошка. Я покачала головой. Жена пастуха улыбнулась и сложила перед грудью руки, вознося благодарственную молитву пану нашему Спящему.

– Я все понял, Адель, – сказал Марек, когда мы уже почти подходили к магистрату.

– Давай после поговорим.

Парень меня не услышал:

– За что? За что мне это все? За какие прегрешения? – Он воздел очи горе. – Я щекотал Спящего? Флиртовал с обеими его супругами? Вы так решили мне отомстить? Подсунуть этот ядовитый цветок, притворяющийся невинной лилией?

Марек развернулся на каблуках, ткнул пальцем мне в живот:

– Это что? Что вышито на твоём переднике? Лотос? Астра?

– Эдельвейс. – Я холодно улыбнулась. – Ты же именно аромат эдельвейсов чувствуешь, когда я рядом, правда? И тебе очень хочется сделать то, что нельзя – вцепиться в меня зубами и жрать, пока... Ай!

Корзинка качалась из стороны в сторону, упав на брусчатку, Марек крепко прижимал меня к себе, прикусив мою мочку. Страх не было, за свои двадцать три года я прекрасно уяснила, что кровь моя может открыться только в двух случаях: если я сама захочу или случайно, но тоже от меня.

– Что, пан маг, тяжело?

– Ты дева, чья плоть пахнет цветами, а на вкус слаще меда. Твоя кровь – чистое волшебство, испивший ее получит огромную, невероятную силу. Ты видишь то, что скрыто и... – Марек отстранился, повертел меня за плечи. – Откуда твоя сковородка?

Я освободилась и даже пнула чернявого:

– Меня ты не получишь.

– Это мы еще посмотрим, – Марек ухватил пояс моего передника, узел развязался, – кто тебя не получит.

Смуглые пальцы двигались очень быстро, через мгновение у меня на животе справа красовался изящный бант.

– Никто, кроме меня, Адель. Поняла? Ни человек, ни бессмертный, ни фахан из бездны.

– Это мы еще посмотрим, – вернула я обещание и зашагала к дверям магистрата. – Корзинку подбери.

В приемной бургомистра ожидали полтора десятка посетителей, и каждый из них заметил мой узел. Каждый.

– Бойкий какой хлопец, – одобрил пан Рышард, посасывая пустую трубку, – меньше чем за день Моравянку окрутил.

Пан Гжегож с подвязанной тряпочкой челюстью смотрел на чернявого с ненавистью. А тот принимал поздравления, многозначительно улыбаясь.

Пана Ясна выглянула на шум из кабинета:

– Следующий. Ах, нет, простите, пан Килер велел к нему пропустить пану трактирщицу без очереди.

Марек сунулся было следом, но секретарша быстро захлопнула дверь перед его длинным носом. Кабинет был огромным, как площадь, с золоченой мебелью, ткаными порттьерами, картинами на стенах и люстрой, свисающей с потолка хрустальным водопадом.

– Адель! – Бургомистр поднялся из-за письменного стола.

Для начала я расплакалась, ткнула себе в живот и проговорила с протяжным всхлипом:

– Полюбуйтесь на это, вельможный пан!

Серые глаза мужчины метнулись от меня к секретарше.

Ясна скучно объяснила:

– В этой дикой местности традиционно узел справа носят девушки, у которых есть жених. Панна Моравянка обручена.

– С кем? – Бургомистр заморгал.

Я молча всхлипнула.

– Судя по разговорам в приемной, с новоприбывшим в Лимбург молодым человеком по имени Марек, – секретарша поморщилась. – И, судя по рыданиям этой невинной девицы, положением вещей она недовольна.

Мой новый всхлип можно было счесть за утвердительный.

Бургомистр обошел стол, приблизился и дрожащими пальцами перевязал узел по центру:

– Так лучше?

Я кинула, взмахнув крыльями своего огромного чепца:

– Только это ведь ненадолго, Карл. Потому что... Мне столько нужно рассказать, признаться... Ах...

Пан Килер подвел меня под руку к диванчику у окна, усадил, сам устроился в кресле напротив:

– Ясна, подай нам с Аделью вина.

Секретарша засемила по ковру вдаль. Я проводила ее взглядом, промокнула щеки бургомистровым шелковым платочком, вздохнула:

– Моя покойная матушка, как вы наверняка слышали, родила меня в преклонном уже возрасте...

Он не слышал, но уверенно кивнул, я продолжила:

– По этой причине уродилась я квелой, повитуха решила, что долго не протяну. Но матушка очень хотела ребенка. Поэтому отправилась на гору к феям, на ту самую, священную, на Авалон...

Бургомистр напрягся, ловя каждое слово. Я повертела в руках платочек. Дорогой тонкий шелк, вензельная «К», россыпь звездочек, корона.

– Слезы и молитвы моей несчастной матушки тронули сердце Светлой пани, и она позволила напоить меня росой Священного

эдельвейса, что растет в ее священном пруду.

– Лотоса, – поправил бургомистр, – эдельвейсы в воде не живут.

– Вельможному пану виднее, – согласилась я и быстро спросила. – Если фахан выйдет против чародея, кто кого поборет?

– Ад-дель, – бедняжка заикался, – к чему эти вопросы?

– К тому, Карл, что кровь и плоть человека, напоенного волшебной росой, приобретает особые качества. Они пахнут цветами, на вкус как мед, даруют вкусившему их силу и привлекают всю нечисть, которая только может существовать в нашем мире и сопредельных. Я, слава пани Светлой Алистер, здорова, но могу ли я противостоять возжелавшему моей плоти чародею? Поэтому я и спросила. Если вы будете сражаться с Марекком, кто из вас победит?

– Фахан?

Я отмахнулась:

– Мне Марек рассказал, внешне по вам не скажешь.

– А кому он еще рассказал?

– Судя по доносящимся до меня обрывках беседы в приемной, – панна Ясна уже вернулась и разливала из бутылки в хрустальные тонкие бокалы вино, – весь город узнает столь тщательно хранимую нами тайну еще до вечера.

– К обеду, – возразила я и понюхала густую бордовую жидкость в своем бокале, пахло необычно, но приятно.

Бургомистр задумчиво отпил из своего, покатал на языке, проглотил:

– Теперь моя очередь признаться, драгоценная моя Адель. Да, я демон, это название нравится мне больше, чем фахан; несчастный изгнанник из своего мира. Вы спрашивали, кто из нас победит? Если бы меня не сковывали страшные клятвы перед вышними сферами не причинять вред никому из людей, я сказал бы уверенно: я. Но...

– Ваше высочество, – сказала секретарша встревоженно, – поторопитесь, горожане с минуты на минуту выломают дверь.

– Адель! – Карл схватил меня за руку. – Этот человек крайне для вас опасен. Крайне! Он хитер, жесток и не остановится ни перед чем, чтоб завладеть силой вашей волшебной крови. Единственный шанс его одолеть – надеть артефакт подчинения, который не позволит магу... Я придумаю, как передать вам этот предмет и...

Тут дверь хлопнула обеими створками о стену, толпа горожан ворвалась в кабинет. Это был не бунт, всего лишь вышедшее из берегов народное обожание.

– Качать пана бургомистра! – прокричал Марек, подбросил к потолку мой чепец и отобрал бокал с вином. – Гадость страшная. Это я про головной убор. Вино, напротив...

Он покатал его на языке, как незадолго до этого делал Карл, и удивленно приподнял брови.

– Бордо Дювали двадцатилетней выдержки, – сказала секретарша с, как мне показалось, гордостью. – Что вы тут устроили, пан Марек?

Чернявый обернулся, посмотрел, как пан Килер взмывает к люстре – в высшей точке хрустальные висюльки дребезжали, – и опускается на руки горожан.

– Жители Лимбурга выражают радость оттого, что их бургомистр не какой-то заезжий дворянчик, а целый фахан. Это очень возвышает их город в сравнении с прочими городами. – Марек налил себе еще вина, сел рядом со мной. – И ты, женушка, радуйся. В свете открывшейся информации...

Черные глаза остановились на моем животе.

– Бунт на корабле? Дома поговорим. – Парень поднял бокал и прокричал: – Успокойтесь, добрые люди! Господин бургомистр тронут проявлением ваших чувств. Да поставьте его! Нет, пан Рышард, сегодня он вам крыльев не покажет. Конечно есть... Потому что такое зрелище заслужить надо. Расходимся, добрые люди, расходимся...

Марек схватил панну Ясну за руку, негромко проговорил:

– Нет-нет, милая, стражи не нужно. Почтенные горожане сейчас сами удалятся.

Секретарша злобно оскалилась, прикосновение ей не нравилось, отдернула руку:

– Шут!

– Крыса!

Тут я не выдержала и отвесила чернявому подзатыльник:

– Совсем берега попутал? Так девушку обзывать! Простите, пана Ясна, он у меня дурачок. Немедленно извинись!

Марек замер, прислушиваясь к ощущениям – рука у меня действительно тяжелая, – а потом медленно произнес:

– Молю прекрасную леди о прощении. В оправдание могу сказать, что не испытываю ни толики неприязни к... – Он растянул губы в хитрой улыбке и гаркнул: – Крысам!

Панна Ясна, совсем спав с лица, гордо удалилась, наверное, за стражей. Чернявый плюхнулся в кресло:

– Имей в виду, драчунья, я обид не прощаю и крайне изобретателен в мести.

– Женщинам в основном мстишь? – Угроз я не боялась. – Тогда можешь прямо сейчас приступить к планированию. Ступай. Нам с паном бургомистром нужно беседу закончить.

– Нам, именно нам.

Марек осмотрел пустеющий кабинет, помахал кому-то рукой, среди горожан мелькали мундиры стражи, пан Килер приближался к нам слегка нетвердой походкой. Чернявый отсалютовал ему бокалом, а когда бургомистр собирался присесть рядом со мной, молниеносно переместился из кресла на диван и обнял меня за плечи. Кажется, это называлось: обозначить территорию. Так поступали дикие лесные коты.

Карл выглядел растрепанным и очень уставшим, сел, нахохлившись, в кресло, грустно посмотрел на пустую бутылку на столике. Мы, все трое, молчали. Марека пауза не тяготила, он пил вино, щурился от удовольствия, время от времени проводил костяшками пальцев мне по щеке. Я, решив не устраивать скандала, смиренно сидела в мужских объятиях.

Пан Килер мне поможет, он обещал. Артефакт подчинения? Никогда о таких не слышала, нужно тетечку Рузю попросить в книжках порыться. А этот нахал Марек от меня получит. В мести он изобретателен! Да я...

Панна Ясна закрыла дверь, неслышно подошла:

– Господин прикажет вышвырнуть этого молодого человека?

Рука Марека на моем плече напряглась. Карл с трудом оторвал от нее взгляд:

– Не стоит. Этот... пан не доставит нам никаких неприятностей. Предположу, что он...

Бургомистр многозначительно приподнял светлые брови. Мужская рука переместилась с моего плеча на талию, понуждая встать.

– Этот пан, – сказал Марек дурашливо, – хочет побеседовать наедине со старым другом. Давай отпустим девушек и посидим за бутылочкой, как когда-то? А, Караколь?

Бургомистр холодно улыбнулся, кивнул:

– Ясна, девочка, проводи панну Моравянку к другому выходу и принеси нам вина. До свидания, Адель, как обычно, вечером я буду иметь счастье увидеть вас в трактире.

– Не будем утруждать прекрасную панну секретаршу. – Марек пружинно встал. – Я сам принесу вина и лично провожу свою...

Втроем мы пересекли кабинет, Ясна толкнула замаскированную шпалерами дверцу:

– Пожалуйста сюда.

Это был крошечный рабочий кабинетик: светлая удобная мебель, высокое окно. Секретарша подошла к шкафу, отодвинула створку, пробежалась пальцами по горлышкам плотно стоящих бутылок:

– Пожалуй, эта.

– Караколь? – спросила я Марека.

Тот фыркнул:

– Не знаю, откуда у меня в голове это имя появилось. Зато знаю, после чего. После твоей оплеухи. И раз оно оказалось правильным, так уж и быть, Аделька, в этот раз я тебя прощаю. – Марек быстро перевязал многострадальный узел моего передника. – Чтоб, когда я в трактир после беседы со старым другом вернусь, бант так и оставался. Поняла?

Ясна сунула ему бутылку:

– Возвращайтесь к господину. Панна Моравянка покинет магистрат через...

Она кивнула на дверь у окна. Я попыталась втолкнуть Марека в кабинет бургомистра, парень выдержал натиск и предпринял ответную атаку. После нескольких минут пыхания и толчков я, с позором капитулировав, оказалась во внутреннем дворе магистрата. В моей руке покачивалась корзинка с сыром и кружевной накидкой.

Караколь ждал в кресле, пока закончится суета. Тревоги он не ощущал, напротив, его переполняло воодушевление. Все-таки люди – удивительные создания. Горожане восприняли новость о том, что их бургомистр – демон, без страха. Они приняли его и даже почти

полюбили. Представление зловредного Мармадюка привело к неожиданным результатам. Но расслабляться, разумеется, рано. Этот волшебник уже заявил свои права на Адель, нисколько не считаясь с чувствами девушки.

Дверца секретарского кабинета хлопнула. Мармадюк нес в руках полдюжины бутылок и улыбался:

– Что ж, теперь, когда мы остались одни... – Он поставил ношу на столик, ловко хлопнул ладонью о доньшко одной из бутылок, выбил пробку, разлил вино по бокалам. – За встречу? Панна Ясна знает толк в Ардерских винах.

– За что тебя сослали в этот мир? – спросил фахан.

– Меня? – удивился Мармадюк. – Ни малейшего представления не имею. С моей памятью что-то странное, тут помню, тут не помню. Например, знаю, что тебя зовут Караколь и ты, кажется... Нет, абсолютно точно, ненаследный принц нижнего мира. Крысиный принц. Это не в качестве оскорбления, просто такой факт. Может, если ты сообщишь мне мое имя...

Фахан не торопясь смаковал благородный напиток:

– Не вижу причин тебе помогать. Ты явился в мой город, устроил переполох, пристаешь к моей избраннице.

– Ревнуешь, что мои приставания гораздо действеннее твоих? Сколько ты прекрасную Моравянку обхаживал? Год? Полтора?

Караколь скрипнул зубами, но ответил с достоинством:

– Благородный мужчина не использует в любви принуждение.

– Но организовывает препятствия в деле, которым женщина занята? Подговаривает поставщиков, повышает налоги в надежде, что от безденежья и растерянности плод сам упадет в руки? Не волнуйся, пока Адель об этом не знает.

Покрасневший фахан сдержал вздох облегчения:

– Мои чувства к панне Моравянке искренни.

– Брось, ты точно так же, как и я, мечтаешь ее сожрать. Только, в отличие от меня, не сможешь.

– Дева, в чьей крови священный лотос, сама должна...

– Лотос? – перебил Мармадюк. – Разве не эдельвейс?

– Светлейшая леди Алистер напоила ее росой цветка из своего пруда.

Черные глаза мага хитро блеснули:

– Неважно. Главное, что девушка достанется мне до последней крошки. И тогда я вспомню все и верну то, что у меня отняли.

Караколь поморщился. Это был тот Мармадюк, которого он знал. Жадный, беспринципный, скрывающий за легкомысленной бесшабашностью хитрый расчет. Он действительно не помнит или лжет? Не важно. Драгоценная Адель очень скоро украсит мерзавца волшебным браслетом, и тогда Мармадюк будет делать то, что ему велят.

Маг распечатал вторую бутылку:

– Может, не сейчас, не скоро, а через несколько лет или даже несколько десятков лет. Для нас с тобой время – ничто, а Моравянка начнет стареть и сама предложит... Но тогда придется на ней жениться!

От мыслей о женитьбе Мармадюк вздрогнул, чем заставил фахана внутренне усмехнуться:

– Видишь ли, Марек, я направлен в этот мир вышними сферами, чтоб защищать людей. И не позволю тебе причинить вред невинной девушке.

– Невинной? – Волшебник прикоснулся к затылку. – Ты бы не говорил так, получив от нее затрещину. Такой темперамент. Ну ладно, позиции мы с тобой обозначили. Ты не дашь причинить вред, но и не сможешь помешать деве отдаться с потрохами по своему желанию. Поговорим о другом.

– О чем же?

– Ссуда, господин бургомистр. Три тысячи талеров, чтоб исправить ваши жалкие попытки разорить трактир «Золотая сковородка».

– К сожалению, пан Марек, вынужден вам отказать. Не в моих привычках бросать деньги на ветер. Но, если позволите, дам вам небольшой совет.

– Весь внимание.

– Вы можете попробовать заработать. Неподалеку от Лимбурга лесорубы заметили волшебного золоторогого оленя. У меня есть основания считать, что это создание – опасный оборотень-людоед. Магистрат сегодня объявит награду за его поимку. Принесите мне голову твари, получите тысячу талеров и попытайтесь с этой суммой подольститься к вашей прекрасной хозяйке.

– Тысячу? – переспросил Мармадюк азартно. – Всего тысячу талеров? А ты потом отчитаешься в вышние сферы и получишь жирный плюстик?

Караколь кивнул:

– Сделка есть сделка. Рано или поздно этих плюстиков станет достаточно, чтобы я смог вернуться туда, где мое место. И учти, за убийство безумного волшебника, пытавшегося сожрать девушку, меня тоже похвалят.

– Договорились.

– Тебе придется очень постараться, объявления о награде уже развешены по всему городу, много охотников немедленно отправятся выслеживать оленя. Мои люди...

– Точно! – Мармадюк хлопнул себя по лбу и пружинно поднялся. – Твоя секретарша. Драгоценная панна Ясна, мой документ готов?

Чародей пересек кабинет, заглянул в соседний, обернулся, помахая в воздухе бумагой:

– Благодарю вельможного пана Килера за разрешение и за плодотворную беседу. Рад буду видеть вас в своем трактире, всех благ, хорошего дня...

Не переставая говорить и прихватив с собой четыре бутылки вина, Мармадюк вышел в приемную.

– Как его много, – пожаловалась Ясна.

Фахан посмотрел на девушку с улыбкой:

– Ты прекрасно со всем справляешься. Панна Моравянка получила артефакт?

– Нет, господин. Этот... не спускал с нее глаз. Придется действовать хитрее. Я спрячу шкатулку в условленном месте, а вы вечером сообщите Адельке, где ее забрать.

– Так и поступим. И очень скоро наш утомленный охотой за оборотнем жених получит свою награду. А после... Ясна, представь, насколько комфортно и безмятежно можно будет жить с ручным магом. Мы будем приказывать ему сражаться с чудовищами, пополнять нашу копилку добрых дел.

Остренький носик Ясны задрожал, как будто она собиралась заплакать. С ней это случалось всякий раз, когда хозяин вместо «я» говорил «мы».

– Ваше высочество, я хорошо разбираюсь в ядах и дурмящих зельях. Одно из них подавит волю панны Моравянки, и она добровольно... – девушка помялась. – Я имею в виду, что вы сможете, абсолютно ничем не рискуя, получить большую силу.

– Ты еще слишком юна, моя дорогая помощница, – Фахан погладил Ясну по голове, – поэтому не понимаешь моих чувств к Адели. Разумеется, я хочу ее плоти, но еще больше желаю саму девушку. Для меня она особенная. Мы с ней станем супругами, проживем долгую счастливую жизнь и, если у последней черты моя Адель предложит мне силу... Что ж, тогда я не буду отказываться.

Пан бургомистр вернулся к делам, до самого вечера работал с бумагами, принимал посетителей, отдавал распоряжения и не замечал, что всякий раз, когда его секретарша скрывается в своем кабинетике, оттуда доносятся звуки сдавленных рыданий.

Глава 3

Чесночный поцелуй

По дороге домой я мысленно составляла подробнейший список. Укус, пусть не больно, но он был, объятие, бант два раза, обзывательство бургомистровой секретарши. Нет, это вычеркиваем, за него я уже отомстила. А вот банты... Могла ведь сразу наглеца на место поставить. Или у тебя, Моравянка, своих рук нет? Кому другому живо бы затрещину отвесила и перевязала передник как было. Ну и что, что скандал? Себе хоть признайся, тебе понравилось ощущать себя слабой, обычной панной. Один раз понравилось, слабину дала, вот Марек и воспользовался.

В центре площади у доски объявлений возбужденно переговаривались горожане. Я тоже подошла, узнать новости, прочла приколоченный к доске документ. В нем обещалась награда в тысячу талеров тому, кто принесет в магистрат голову золотого оленя, замеченного у подножья Юнгефрау. Внизу мелкими буквами сообщалось, что зверь может быть опасен.

– Какая опасность от оленя быть может? – спрашивал пан с седым бакенбардами. – Это же не волк, даже не кабан дикий.

– Такие деньжищи только за очень опасного зверя...

– А вот если, к примеру, обычному оленю рога позолотить... – говоривший умолк, видимо, не желая делиться с окружающими прекрасной идеей, и побрел в сторону лавки красильщика.

– Это оборотень, – сказала я. – В Вомбурге пятнадцать лет назад от такого же много народа погибло.

В толпе кто-то негромко объяснял соседу:

– Панна Моравянка, трактирщица. Она в таких всяких штуках разбирается.

Я предупредила, больше сделать ничего не могла. Кто хотел, услышал. Зря все-таки пан Килер награду за перевертыша назначил. Очень зря. Деньги приличные, многие горожане отправятся на охоту. И многие не вернуться.

С другой стороны, с оленем надо до праздника разобраться. Если от золотых рогов пострадает кто-нибудь из приглашенных гостей,

репутация Лимбурга тоже пострадает безвозвратно. Вот бургомистр и торопится.

В трактире было полно народу.

– Что за переполох? – поймала я на лестнице Госю.

Девушка попыталась вырваться, не преуспела:

– Хозяин велел плотникам...

– Какой еще хозяин? Когда велел?

– Ой! – Госька как будто сейчас меня рассмотрела. – Панночка Моравяночка, вы. Не хозяйин, оговорилась. Марек вчера сказал, чтоб мы плотников для ремонта наняли.

– На какие деньги?

– Ну... это... – Девушка перешла на заговорщицкий шепот. – Петрик у пана Мюлера неплохо зарабатывал, я тоже... У каждой ведь незамужней панны кубышечка на свадьбу собрана?

Я кивнула, хотя никакой кубышечки у меня никогда не было.

– Значит, Марек у вас деньги в долг взял? Под проценты? Когда обещал отдать?

– Пусть панна хозяйка о том не тревожится. Марек сказал, сами разберемся, по-свойски.

За распахнутой дверью одной из комнат второго этажа раздался громкий смех, на порог выпорхнула босая девица с подоткнутым подолом, по виду – крестьянка.

– Доброго денечка, госпожа-пани-хозяйка, – поклонилась она, держа на весу два ведра.

– И тебе не хворать...

Девица протопала вниз, скрылась в кухне, видимо, отправилась выплескивать на заднем дворе грязную воду.

– А это кто? – повернулась я к Гесе.

– Просто какая-то девка деревенская, из Застолбенек, их с десяток помогать пришло. Пан Марек сказал, я сама с уборкой не справлюсь, и велел Петрику, когда он с паном Мюлером закончит...

Я решила, что узнала достаточно, не дослушав, поднялась к себе. Вот как он это делает, Марек? А? Почему все его слушаются? И как, песья дрянь, он все успевает?

– Адичка, – метнулась ко мне из тени тетка Рузя. – Какие новости?

– Гражинка где?

– Да неужто она такой переполох пропустит? Внизу где-то наблюдает. Пан наш Спящий! – Обратив внимание на завязку моего передника, Рузя всплеснула ручками. – Бургомистр?

Я выругалась, покачала головой, бросила на пол корзинку и рухнула в кресло:

– Пан чародей права на мою вкусную особу заявил.

Рузя погладила меня по голове, утешая:

– Ну-ну, Адичка... Он тебе совсем не нравится? Гражинка говорит, ладный хлопец, хоть не красавец. Стерпится, слюбится.

– При чем тут любовь, тетечка? Марек просто не желает, чтоб кто-нибудь другой от меня первым откусил, вот соперников таким образом отгоняет. В основном пана Килера. И, главное... – Я начинала горячиться, шипела как колбаска на сковороде. – Места для маневра мне не оставляет, по периметру обложил. Трактир в порядок приводит, дело расширяет. Что я могу? Запретить? Поскандалить? И как это будет выглядеть в глазах людей?

Костлявые пальчики Рузи массировали мой затылок, это успокаивало, я прикрыла глаза и откинулась на подголовник:

– А бургомистр наш оказался фаханом, целым принцем.

– И ничего страшного, – решила тетка. – Фахан – тот же чародей, всей разницы, что не из нашего мира. Он-то как на твое обручение среагировал?

– Помочь обещал... Ой! – Я села прямо. – Чуть не забыла. У нас в библиотеке, кажется, фолиант был про волшебные артефакты.

– Про какой именно искать?

– Амулет подчинения. Карл... то есть пан Килер мне один такой одолжит, чтоб я попробовала Марека приструнить.

– Я посмотрю, Адичка. Ты пока ступай отдыхать.

И я отправилась в спальню, ночью предстояло идти к Юнгефрау, несколько часов сна сейчас были бы очень кстати.

Ничего страшного, мы со всем разберемся. И с Марekom, и с фаханом.

Тетка раздернула шторы с таким расчетом, чтоб постель заливал яркий дневной свет. Так приبلуды не могли ко мне подобраться, солнца они не переносили. А я могла спать при любом освещении. Да что там свет, я, кажется, могла бы заснуть стоя. Даже грохот плотницких молотков, от которого сотрясалось здание, мне не мешал.

Проснулась уже в сумерках под еле слышный шепот родственниц.

– ...пусть женится или тот, или другой. Это рано или поздно должно было произойти.

– Но Адель его не любит.

– Еще бы она могла любить после нашего с тобой, Рузька, воспитания. Морава тоже постаралась. «Не доверяй никому, любой может врагом оказаться, будь сильной, будь беспощадной...» Когда другие девочки в дочки-матери играли, ко взрослой жизни готовились, наша по кладбищам за умертвиями скакала. Двадцать три года уже воительнице, еще немного – и перестарок. Может, оно и к лучшему, красота отцветет, заживем спокойно.

– Отцветет? – Костлявые пальчики тетки Рузи провели по моей скуле. – Разве такие цветы вянут? И, Гражинка, неужели наша девочка достойна такого будущего? Ей на балах блистать нужно, с кавалерами в танце кружиться, наряды три раза в день менять.

Я зевнула и села на кровати:

– А на балах со сковородками пляшут?

Тетки переглянулись и захихикали.

– Будешь ей обмахиваться, вместо веера.

– И стучать по голове партнера, если он мне на ногу наступит! – Я вскочила с кровати, изобразила танцевальное па, замах, удар, разворот. – Вот так вот!

Пока я плескалась под душем, а Рузя подбирала одежду, Гражина отчитывалась о делах в трактире.

– Марек час как вернулся, плотники с перекрытиями закончили, деревенские до сих пор хлопчут, прибираются. Адичка, я так поняла, мы теперь с ночевкой гостей принимать будем?

Я пожала плечами:

– Попробуем. Идея неплоха. Действительно, второй этаж простаивает без дела.

– Марек Гоську на первый переселил, в каморку у кухни.

– К себе под бок?

– Сам он собирается наверху обосноваться. Слышишь шум в детской? Там деревенские девицы порядок наводят.

Детская, то есть моя бывшая комната, была через стену от ванной. Кроме женских голосов до меня доносился и говорок чернявого.

– Я ему этого не позволю! Тетечка Рузечка, давайте одеваться. Сейчас я такой скандал устрою!

Синяя пышная юбка, блузка и белоснежный передник были разложены на кровати.

– Поскандалишь – сюда возвращайся, – сказала Рузя, – я кое-что об артефактах подчинения нашла.

Гражина пробасила, появляясь в дверях ванной:

– Момент упущен, Марек вниз спустился.

Я прикинула, что бегать за парнем по лестницам будет нелепо, и махнула рукой:

– Пусть пока развлекается, думает, что я овечка кроткая. Давайте про амулет, тетечка?

– Артефакты подчинения во всех мирах чародеям известны, изготавливают их подгорные цверги. – Рузя мерила шагами спальню, как будто учитель, вдалбливающий знания нерадивым ученикам. – Действуют просто. Тот, на кого это украшение надели, либо послушен воле хозяина, либо наказан болью. Не просто болью, она все время усиливается, пока носитель не подчинится. Бывали случаи, когда носители от нечеловеческих страданий прощались с жизнью.

– Как надеть? – Я с усилием подавила в себе искорку сострадания к Мареку.

– Про это не написано. Надеть, произнести заклинание-привязку. Предположу, что пан Килер это заклинание Адичке сообщит.

– Погодите-погодите... – Гражина замахала руками. – Я правильно понимаю, что наш чародей станет слушаться только пана бургомистра? Адичка, тогда тебе нужно заранее с Килером договориться, чтоб он Мареку велел тебе вреда не причинять и...

– Разберемся. – Я закончила одеваться и присела к туалетному столику заколоть волосы. – И нацепим на чародея артефакт только после того, как будем абсолютно уверены, что по-другому никак.

Мысленно проигрывая возможное развитие событий, я начинала опасаться. Сейчас Марек с фаханом соперники. Что произойдет, когда они станут играть на одной стороне? Когда объединят усилия?

В трактирную залу я спустилась к открытию. Она пустовала, снаружи доносился шум голосов. Гося стояла на пороге спиной ко мне.

– Что происходит? – спросила я, приблизившись.

– Ой, панна хозяйка, – девушка хихикнула и прикрыла рот руками. – Марек с деревенскими за работу рассчитывается. Такая потеха! Поцелуями!

Я шагнула на крыльцо. Его плотным кольцом окружала толпа горожан. На свободном пространстве гуськом выстроились девицы разного возраста и степеней пригожести. В начале очереди лицом к ней, подбоченясь и лучезарно улыбаясь, стоял чернявый:

– Спасибо, красавицы, за работу. Со всеми расплачусь, никого не обижу.

Он наклонился и приник в первой девушке в жарком поцелуе.

Толпа одобрительно заулюлюкала. Оттолкнув раскрасневшуюся девицу, Марек схватил за печи следующую. Какая гадость!

Фыркнув, я ушла на кухню. Петрик заливался слезами, кромсая ножом очищенные луковицы.

– Зачем столько?

– Марек сказал...

И тут Марек, везде он. Как же его много, псячья дрянь!

– Пусть панна Моравянка не тревожится, мы к вечеру подготовились, четыре пивных бочонка я за стойку откатил, брецелей булочник принес с запасом, посуда блестит, огонь горит...

– Яйца! Петрик, где яйца? – в двери вбежал растрепанный Марек. – Аделька, отодвинься. Держи, взбивать будешь.

Он сунул мне в руки венчик и глиняную миску, посмотрел на белоснежный передник, хмыкнул, перевязал узел справа:

– Мне тоже нужен фартук. Петрик, не спи, брось лук. Хватит, иди Гесе в зале помогать. Адель?

– Что? – спрятала я за спину венчик, которым за мгновение до этого собиралась огреть чернявого.

– Дай мне фартук!

Достав из сундука рабочий льняной передник, я протянула ему:

– В наших краях мужчины такого не носят.

– Постараюсь запомнить. Не спи! Сбивай яйца, щепотку соли, горсть муки. – Он забрал с разделочного стола нож, протер его и убрал в держак.

Я смотрела на корзинку с яйцами.

– Совсем ничего не умеешь? – Марек, уже успевший надеть фартук, ловко взял яйцо, ткнул им о край миски, вылил в нее

содержимое, а скорлупу бросил в помойное ведро, все это он проделал одной рукой. – Вот так.

Оправдываться я не стала, много чести, разбила в миску десяток яиц, посолила и стала сбивать, добавляя понемногу муку.

Сосиски мы жарили при гостях в трактирной зале, на кухонной плите обычно тушилась в толстостенном котле капуста, иногда варился картофельный суп с клецками. Марек поправил поленья, вылил в чугунок целую бутылку масла:

– Превосходно. А чего это моя вельможная панна такая тихая? Не проснулась еще?

– Гося рассказала, что я днем обычно сплю?

– И так понятно. Ночь для тебя опасна, со всей округи лессеры собираются на цветочные запахи твоего тела.

Лессеры, в умных книгах так называли низших демонов – приبلуд, мертвий, стригоев, перевертышей. Да, собираются.

– Ну ничего, панна Моравянка, теперь я тебя охранять буду, и днем, и ночью. Если что, зови, мне прелестные пейзажи холостяцкое гнездышко неподалеку от твоих покоев обустроили.

– Это те, с которыми ты поцелуями рассчитался?

– Пока не разбогатели, приходится экономить. – Парень улыбнулся, подвинул к плите миску с кляром, обмакнул в него луковое колечко, бросил в котелок с горячим уже маслом. – Я в Застолбеньках ночевал, прежде чем в Лимбург отправиться, ну и завел кое-какие знакомства. Попросил Петрика... Дальше ты знаешь.

Марек говорил, не прекращая работу. Десятки луковых колец шипели в раскаленном масле, подрумяненные он доставал черенком деревянной ложки и раскладывал на подносе, который заранее застелил вошеной бумагой.

– Попробуешь? Это вкусно. – Он протянул мне ложку.

Я посмотрела в черные как ночь глаза:

– Совсем дурочкой меня считаешь? Думаешь, я сейчас рот раскрою, обожгусь. Крови от этого будет немного, но тебе хватит, чтоб приглашением воспользоваться.

Марек даже не смутился:

– Слишком просто, согласен. – Он забросил в котел новую порцию. – Пожалуй, я был бы немного разочарован. В охоте, моя драгоценная, процесс часто важнее результата. Кстати, на правах...

позволено ли мне узнать... Святые бубенцы, как же с невинными девами сложно!

Он раздраженно бросил ложку на стол:

– Короче! Адель, как ты справляешься с опасностью в особенные женские дни?

Отвесив нахалу звонкую пощечину, я ушла в зал. Совсем берега попутал, о таком спрашивать! Справляюсь, раз жива, пока справляюсь.

Гося сновала между столами, Петрик жарил колбаски, наливал в кружки пиво. За стойкой он выглядел солидно, как будто настоящий трактирщик. И, что важно, сам не пил. Я потопталась, решая, чем заняться, и поняла, что для меня работы как бы и нет. Из-за занавески вышел Марек с подносом, на смуглой щеке отчетливо краснел отпечаток моей пятерни.

– Вельможные паны, пани-красавицы! Только сегодня трактир «Золотая сковородка» предлагает вам бесплатное угощение! Хрустящие колечки, тающие во рту. Идеальная закуска к пиву!

Он медленно пошел вдоль столов.

Пан Рышард, наш завсегдатай, попробовал жареный лук первым, пожевал, поднял глаза к потолку:

– Помнится, годков сорок тому, малихабарский чаровник в наши края забрел, только сушенными кузнечиками питался, а после шпаги глотал.

– Так на что похоже? – спросили Рышарда. – На жуков или на шпаги?

– Чего? – Пан взял другое колечко. – Мне просто так вдруг вспомнилось, к слову. А это вкусно.

Несколько рук одновременно потянулись к подносу:

– Да понемногу берите, чтоб всем хватило!

Марек пошел дальше. Пан Рышард облизнул пальцы, обратился к соседу:

– Видали, как наша панна Моравянка женишка разукрасила? Форменное клеймо на роже изобразила.

Ему ответил женский голос из центра залы:

– И правильно, я бы своего за поцелуи с другими бабами еще бы и сковородой приголубила.

Под дружный хохот я скрылась на кухне. Нет, это уже совсем никуда не годится. Быстрее бы бургомистр явился, его присутствие

утихомирят всеобщее веселье. От нечего делать я встала к плите. Колечки подрумянивались, я раскладывала их на бумаге. Забавная закуска, и рецепт несложный. Когда таз с нарезанным луком опустел, я сполоснула руки и выбрала самое красивое колечко. Корочка хрустнула на зубах. Неплохо, очень неплохо, соли больше не надо, а вот какой-нибудь соус, чтоб можно было обмакнуть. Например, чесночно-сметанный, и подавать в маленькой плошечке. Я достала из шкафа чистую посуду, налила в миску сметаны, выдавила головку чеснока, размешала, попробовала. Прекрасно. Значит, на блюдо дюжину колечек россыпью, с краю... Я поискала глазами подходящую плошечку, не нашла и просто отломала черенок деревянной ложки. Вот так!

– Я вдохновил мою драгоценную на эксперименты? – Марек поставил опустевший поднос, потянул носом и поморщился. – Чеснок?

– Со сметаной. Вкусно получилось и к твоим хрустикам подходит.

– Ненавижу чеснок. Но, пожалуй, предложу эту размазню гостям. Вдруг зайдет. – Он поставил миску с соусом на поднос, ссыпал вокруг нее готовые колечки, взял одной рукой поднос, другой – блюдо с обломанной ложкой. – А эту композицию получит любезная пани, которая предложила несчастному избитому хлопцу заслужить прощения поцелуями. Умоляю, Аделька, помой руки с мылом, прежде чем в залу возвращаться.

Я торжественно отерла ладони о кухонное полотенце.

– Обойдешься. А целовать будешь ту самую любезную пани. – И вышла из кухни, расправив плечи.

Вечер продолжался, я сидела за столиком бургомистра, там нашлось единственное свободное местечко, изображала хозяйку. Только изображала. Настоящим хозяином был Марек. Это он успевал перекинуться словечком с каждым, предложить добавки, послать Госю наполнить опустевшую кружку или принести еще брецелей. А я... Немножко утешало, что мой соус гостям понравился.

– Такой же острый, как панна Моравянка, – отшучивался Марек в ответ на комплименты. – Конечно, будем и впредь подавать. Завтра начнем. И хрустики. Как называется? Я еще не придумал, если вельможное общество желает, предлагайте варианты.

Его спрашивали, отчего грустит панна Аделька, да почему нынче бургомистр не удостоил трактир своим визитом, и не связаны ли

между собой эти два факта. Марек легко и забавно отвечал остроловам, но мне показалось, что он злится. Не то чтобы я специально его рассматривала или изучала, но крылья длинного носа подрагивали, а на скулах выступили желваки.

– Давно я так не выкладывался, – сказал Марек вполголоса, выглянул в окно и плюхнулся на стул бургомистра напротив меня. – Публику нужно развлекать, иначе она разбежится искать впечатлений в других трактирах.

– Ближайший в Замбурге, – хмыкнула я. – В добрый путь.

– Я о том, что сегодня изображаю шута не повелению сердца.

Дверь открылась, впуская пана Килера. Я поднялась, чтоб приветствовать гостя. Марек завопил:

– Вельможный пан бургомистр, рады видеть вас в этой скромной обители. – Он цепко схватил меня за запястье, мешая выйти навстречу Карлу. – Будьте моим заступником, объясните недоброй Моравянке, что это из-за вас я тех девиц целовал.

Бургомистр, как будто изменение обычного ритуала повергло его в ступор, замер у порога и уточнил, в чем именно его обвиняют.

– Ну как же! – Чернявый обвел взглядом залу. – Это же вельможный пан мне нынче в кредите отказал, и поэтому пришлось за работу натурой расплачиваться. А панна Моравянка, вы же ее знаете, обиделась и прощать меня не желает.

Марек посмотрел мне в глаза:

– Последняя попытка. Решающая.

Я ничего не успела, даже охнуть, сильные мужские руки до боли сжали мои плечи, и... Произошло все то, что происходит, когда влюбленная парочка улучает подходящий момент. Настойчивые губы, наглый язык, жадный рот, сбившееся дыхание.

– Это твой первый раз, Адичка, – всхлипнула басом тетка, – надо немедленно Рузечке рассказать.

О чем? Псячья дрянь! О том, что Моравянка впервые не отбилась, не ударила коленом, не пнула в пах, не боднула по носу? О том, что я впервые сплеховала?

Марек отстранился, шепнул:

– Вкус чеснока в твоей слюне даже придает некоторую пикантность. Не дергайся. Если фахан бросится на защиту прекрасной леди, мне придется ответить.

Больше всего мне хотелось плюнуть в этот момент в улыбающуюся смуглую рожу. Хорошей такой порцией своей пикантной слюны. Я сдержалась. Драка двух магов подвергала опасности всех присутствующих. И как перенесут обилие колдовства мои тетки-бедняжки, затаившиеся наверху?

Чернявый меня отпустил, громко сообщил, что новое блюдо отныне будет называться «Чесночный поцелуй», и пригласил пана Килера за столик:

– Моя драгоценная Адель составит вельможному пану компанию. Изволите ужинать? Дюжину моравских колбасок? Нет? Пан уже откушал в другом месте? Смотрите, мы ревнуем. Сидр? Великолепный выбор! Гося, принеси пану бургомистру напиток.

Карл, прежде чем сесть, поцеловал мне руку. Это мне привычно не доставило удовольствия, зато повеселило, как пан старался не морщиться от запаха. Если бы я раньше знала, что маги столь не приемлют чесночных ароматов, носила бы связку вместо монист. Нет, разумеется, не носила бы. Жители славного Лимбурга к таким странностям не готовы.

Марек удалился за стойку и теперь прожигал во мне дыры взглядами.

– Вижу, – вздохнул Килер, – вам приходится нелегко.

Я тоже вздохнула:

– Его слишком много.

– Панна Ясна после вашего визита сказала то же самое.

К нам подошла Гося, поставила перед бургомистром кружку. Вдруг захотелось пить. Ну правильно, соус был довольно острым. Я облизнула пересохшие губы, но просить служанку принести и мне напиток не стала.

– Пан Килер, – спросила я, когда девушка удалилась, – та самая вещь при вас?

– Карл, – поправил бургомистр и отхлебнул сидра.

Я завистливо сглотнула и повторила вопрос.

И опять не получила ответа, излишне расторопная Госька стукнула о столешницу бокалом:

– Пан Марек сказал, панна хозяйка выпить хочет.

– Это что? – Жидкость была очень темного бордового цвета.

– Пан Марек сказал... – Девушка подняла глаза к потолку, вспоминая.

– Десертное дювалийское, – подсказал бургомистр, – его название можно перевести как «Сердце черной розы».

Госька радостно кивнула:

– Точно так и говорил. А еще велел пану Килеру не предлагать, у него этим вином и без того погреба забиты. – Хихикнув напоследок, она отошла.

Трактирный закон запрещает работникам пить или есть при гостях, болван Анджей его нарушал, за что был неоднократно отруган и даже получил от меня затрещину. Но сейчас я была как бы не при делах, к тому же жажда...

Осторожно отхлебнув, я ощутила на языке фруктовую терпкую сладость, немедленно сменившуюся приятной горчинкой. Вкусно. Марек из-за стойки мне подмигнул и прикоснулся к своим губам. На поцелуй намекает? Вот ведь песья дрянь!

Я отвела взгляд.

– Позвольте. – Бургомистр наклонился через стол и интимно промокнул мой рот краешком носового платка. – Вы немножко испачкались, Адель.

На белом шелке алело винное пятнышко, как кровь. Кровь черной розы...

– Карл, эта вещь, о которой... – начала я.

– Вельможное панство! – Вопль Марека перекрыл гул голосов собравшихся. – Настало время для музыки!

Мне сегодня вообще с паном Килером дадут пообщаться? Или придется под визги гармоники и стук пивных кружек о столы беседовать?

Но вместо гармоники в руках Марека, когда он взгромоздился на трактирную стойку, был совсем другой инструмент, струнный; не привычная в наших краях рогга, а мандолина. Раньше я видела ее только на картинках.

– Адель, – попытался вернуть мое внимание пан бургомистр, – вы...

Его перебил струнный аккорд.

– Начнем с чего-нибудь веселого. Баллада о рогоносце. Пан Рышард, берите свою гармонику, все, кто знает слова, подпевайте! –

Марек болтал, его пальцы танцевали на струнах.

А потом он запел, к концу первого куплета горожане, поначалу слушавшие неизвестную им балладу настороженно, захохотали.

– Шут, – пробормотал пан Килер и незаметно передвинул свой стул, чтоб оказаться поближе ко мне. – Адель, моя драгоценная Адель, молю вас, опасайтесь этого человека. Под его напускной веселостью скрывается бездна порока.

– Карл, – я не отодвинулась, только, чтоб не соприкоснуться с бургомистром руками, взяла бокал, – вы принесли амулет?

Мы синхронно взглянули на музыканта, тот улыбался, но его черные глаза внимательно за нами наблюдали. Бургомистр вздохнул:

– Если Марек заметит, что я передаю вам некий предмет, он насторожится. Панна Ясна спрячет шкатулку в поленнице у вашего дровяного сарая, там вы сможете незаметно ее забрать. Адель, будьте осторожны. Этот человек, он хорошо мне знаком...

Я невежливо перебила:

– Каким заклинанием активируется волшебство?

Пан Килер растерянно заморгал, моя осведомленность его, кажется, удивила:

– Заклинание я произнесу сам, когда браслет уже окажется на руке чародея. Для активации близкого контакта не потребуется.

– А как вы узнаете, что украшение уже на носителе? Что, если он успеет снять браслет до того, как вы произнесете заклинание?

– Адель. – Бургомистр опять попытался взять меня за руку, пришлось пить вино, держа бокал двумя ладонями. – Как только артефакт окажется на запястье Марека, снять его он не сможет.

– А кто сможет?

– Только вы, – ответил он после крошечной заминки.

Я поняла, что пан Килер мне соврал, но виду не подала:

– Хорошо. Как только дело будет сделано, я вам сообщу.

Серые глаза бургомистра уставились мне в лицо:

– Вы сомневаетесь, Адель, боитесь, что я воспользуюсь вашей беззащитностью. Поверьте, первый же приказ, который прозвучит из моих уст, будет – не причинять вреда панне Моравянке.

– Вы не находите, что он сформулирован слишком расплывчато? Он защитит меня в случае, если я, предположим, разобью этот бокал и порежусь осколком?

Песня про рогоносца закончилась бурными аплодисментами и улюлюканьем, сменилась другой, тоже неприличной. Некая пастушка встретила на лугу молодого охотника и...

– Кажется, – не дал мне дослушать, что было дальше, Карл, – вельможная панна уверена, что в договорах с фаханами нужно предусмотреть каждую мелочь.

– Так говорят, – пожалала я плечами. – Вы ведь не обижаетесь?

– Если я прикажу Мареку никогда не пробовать вашей крови?

– Звучит конкретнее. И помогать мне с трактиром, направить все силы на его процветание, не приставать ко мне, не лезть с поцелуями и оставить, наконец, в покое узел на моем переднике, песья дрянь!

Бургомистр покраснел, раньше он не слышал, чтоб я сквернословила.

– Извините. – Я смущенно опустила глаза.

– Ничего страшного, Адель. Незамужняя девушка одна должна противостоять окружающим ее опасностям. Разумеется, вы растеряны, ваше недоверие мне тоже понятно. И я мог бы оказаться злодеем, желающим отведать вашей плоти. Конечно, фахан, что от него еще ожидать... – Пан Килер исторг из груди горестный вздох.

Мне стало его немножко жалко:

– Бросьте, Карл. Я ведь понимаю, что вы хороший фахан, то есть демон. Иначе вы давно придумали бы, как меня... распечатать. Мы неоднократно оставались с вами наедине, и ни разу вы не подсовывали мне булавки или, избави пан наш Спящий, ножа.

– Это было бы низко!

– Вот и я об этом. Вы – благородный демон, принц. – Пан Килер удивленно приподнял брови, я пояснила. – Марек успел сообщить. Это правда? Вы действительно принц? А Марек? Кажется, вы говорили, что встречались с ним раньше? До того, как он потерял память?

– Сколько вопросов одновременно. – Пан Килер выпил сидра, отодвинул пустую кружку. – Да, Адель, я принц, несчастный изгнанник, который добрыми делами в этом мире пытается искупить свою вину. А Марек...

Бургомистр посмотрел на сидящего на стойке певца с непередаваемым отвращением:

– Драгоценная панна думает, что он – случайно забредшая в Лимбург сиятельная особа? Нет! Обычный мальчишка-паж, слуга

великого чародея, возжелавший сравняться с учителем. Ради этого он шел на все, на любые низости.

– Марек тоже наказан?

– Если да, ему не искупить своих грехов и за тысячу жизней. Хотя, – пан Килер подобрался и продолжил другим тоном, – те добрые дела, которые он будет творить по моему приказу, зачтутся ему в будущем.

«Ловко, – подумала я. – Ты, Моравянка, не только для своей защиты артефакт на парня навесишь, но и ради него самого и даже ради великой цели. За все хорошее против всего плохого».

– Что же касается меня, Адель, – продолжил фахан убеждать, – клянусь, ни словом, ни делом я не буду вынуждать вас отдаться мне.

Холодок, пробежавший по затылку, сообщил мне, что клятва была настоящей.

– Хорошо, – я пожала протянутую руку. – Панна Моравянка вам верит, Карл. Я надена амулет на чародея и сообщу об этом, чтоб вы смогли произнести заклинание.

– Хороший повод представится на рассвете. Марек, кажется, собирается ночью отправиться на охоту за волшебным оленем. Она вряд ли закончится удачей. Маг вернется усталым, и вы... – Длинные холодные пальцы сомкнулись на моем запястье. – Впрочем, если не получится на этот раз, ничего страшного, вы девушка умная, найдете повод.

В зале начались танцы. Марек наяривал уже на гармонике веселую польку, черные пряди волос прилипли ко лбу. Действительно выложился сегодня на полную. Бургомистр перехватил мой взгляд, отмахнулся от Гози, которая спрашивала, не принести ли еще сидра, и с нажимом проговорил:

– Маг будет вас соблазнять, Адель, убеждать в своей страсти, он это умеет, на его счету десятки, нет, сотни разбитых девичьих сердец. Не поддавайтесь. Он лжет. Любую привязанность, каждое искреннее чувство этот человек всегда клал на алтарь своих интересов.

Голова у меня кружилась от выпитого вина, слова фахана носились в воздухе, липли на кожу отравленной паутиной. Я пообещала, поклялась. Пути назад нет. Лазейка? Только время. О времени мы с бургомистром не договаривались.

– До праздника, – сказал Карл. – Мы должны провести обряд подчинения до праздника, у нас чуть больше недели.

– Почему?

Он стал считать дни, я перебила.

– Почему именно до Медоточия?

– Неужели вельможная панна забыла? – хмыкнул пан Килер. – На празднике медовая королева выберет себе мужа. И, зная нашего мага, уверен, избраннику, кто бы им ни оказался, не поздоровится.

Этой угрозой наша беседа закончилась. Бургомистр попрощался, оставил на столе плату за сидр, облобызал мою руку и ушел.

Шкатулка в поленнице. На рассвете... охота... олень... Точно! Перевертыш-замануха! Вот что сейчас самое важное, об амулете я подумаю потом.

Поднявшись из-за стола, я с удивлением поняла, что ноги меня не слушаются. Сердце черной розы? Песья дрянь...

Нацепив на лицо приветливую улыбку, я прощалась с расходящимися гостями. Рабочий вечер подходил к концу, и судя по оттопыренному карману передника Гози, принес нам хорошую прибыль. Петрик за стойкой пересчитывал талеры, чернявый задумчиво перебирал струны мандолины. Он играл не для публики, себе. Нежная мелодия, такая нездешняя, такая томная. Марек встретил мой взгляд:

– Эту песню, драгоценная моя хозяйка, в одной далекой стране было принято петь своим возлюбленным после долгой страстной ночи.

Госька хихикнула:

– Так у пана с Моравянкой до этого дело еще не дошло.

– Там и слова есть? – спросил Петрик. – Споешь?

Чародей кивнул, отложил мандолину, спрыгнул на пол:

– Непременно. После бурной нашей с тобой ночи, дружище Пьер, ты услышишь эту чудесную песню.

Петрик открыл рот, Гося хохотала, маг отвесил парню поклон и подошел ко мне.

– Сладкие дювальнойские вина коварны. Прекрасная дама позволит мне проводить ее в спальню? То есть, – он многозначительно посмотрел на слуг, – до двери ее спальни.

– Не тревожьтесь, панна хозяйка, – девушка мне подмигнула, – мы с Петриком сами здесь приберемся.

– Потом не забудь накормить ужином нашего доброго работника, – сказала я, опираясь на руку чародея, ноги не держали, и помощь была не лишней. – Где мы его поселим?

– Пойдем, – Марек повел меня наверх. – Они без нас со всем справятся. Гося – славная девушка, хорошо, что вслед за этим болваном не ушла... Устал... Нужно музыканта нанять, еще один такой вечер не выдержу...

Мы поднимались по ступенькам, держась друг за друга.

– Ты не поужинал, – вспомнила я.

– Ты тоже.

– Точно, поэтому и опьянела от одного бокала. Вернемся?

Мы оценили преодоленное расстояние и синхронно покачали головами.

– У меня в комнате есть яблоки, – похвастался Марек. – И три с половиной бутылки чудесного дювалийского вина, подаренного фаханским принцем.

При упоминании вина я поморщилась:

– А у меня – сыр, кусок чудесного овечьего сыра. Разделим припасы?

На третьем этаже мы поспорили о том, где именно будет происходить раздел. Марек хотел поужинать вместе, в моей или его комнате, я впускать к себе никого не собиралась, впрочем, как и тратить время на совместное застолье.

– Пан бургомистр, – сказала я строго, – предупредил, что ты меня соблазнять будешь. Поэтому сделаем так: каждый идет к себе, встречаемся на лестничной площадке через несколько минут. Меняю три яблока на половинку сырной головки.

– Что еще тебе обо мне рассказал наш рыжий защитник? Как он меня называл?

– Этот человек, маг, мальчишка-шут, нет, не так, паж, мальчишка-паж, – перечислила я на пальцах. – Шут был отдельно.

– А имя пан Килер не упоминал?

– Нет. Это важно?

– Имя всегда важно, – протянул Марек, – оно могло бы помочь мне что-нибудь вспомнить, что-нибудь полезное в нашей с тобой, Адель, схватке. Соблазнение? Можешь в следующий раз сказать вельможному пану, что его предупреждения напрасны.

– Ты, наверное, решил, что раз я тебе позволила себя поцеловать, дело в шляпе?

– Нет, Моравянка, после того поцелуя я понял, что больше никогда тебя не поцелую. – Он подтолкнул меня к двери. – Иди за сыром, яблоки я сейчас принесу.

– Адичка! – тетки вынырнули из сумрака гостиной.

– Потом, все потом. Я пьяная... Холодная ванна поможет? Корзинка здесь стояла, я помню. В ней сыр... Чем отрезать?

Рузя протянула мне нож для писем, неострую костяную пластину, я располовинила мягкую головку:

– Сейчас вернусь, поговорим.

И вышла из комнаты. Марек стоял перед дверью, держа в ладонях несколько яблок.

– Почему? – спросила я, подставляя под них передник. – Почему ты решил, что больше никогда меня не поцелуешь?

– Ты хочешь знать правду? – Глаза его были как черный лед. – Ты достойна правды. Знаешь, Адель, чего боятся маги? Единственное, чего боятся? Смерти. Не ухода в чертоги Спящего, а черной бездны небытия. Так вот, панна Моравянка, поцеловав тебя, я почувствовал, что поцеловал саму смерть.

Разрыдалась я уже в ванне. Сидела по горло в ледяной воде, слезы обжигали щеки:

– Он обозвал меня чудовищем... черной бездной небытия... Он меня бои-и-ится!

Тетки встревоженно шептались.

– Нашла из-за кого реветь. Из-за парня. Тьфу.

– Все бы тебе, Гражинка, плевать. Девочка впервые что-то похожее на влюбленность испытала, а ей... Эх...

– Придушить балбеса во сне, и всех дел. Я б смогла.

– Такой грех. Гражиночка, такой грех... Не позволю на себя брать. А вот, к примеру, яду какого в пойло подсыпать...

Напоследок всхлипнув, я погрузилась в воду с головой, а когда вынырнула и отфыркалась, строго проговорила:

– Никто никого убивать не будет, дорогие тетечки. Отомстим и забудем. Но по мелочи, без членовредительства. Не яд, а например слабительное, не придушить, а... не знаю, сажай вымазать, чтоб не отмылся.

– Кстати, – тетка Гражина успела молнией метнуться в соседнюю комнату и вернуться, – объект уже заснул, дверь закрыта, но не заперта, можем немедленно его какой-нибудь гадостью измазать.

– Ну не прямо же сейчас! – Я выбралась из ванны и стала вытираться. – Мне на охоту пора. Хотя... тетечка Гражина, парень в одежде спит?

Смущенно крикнув, родственница сообщила, что без.

– Тетечка Рузечка, вы сможете быстренько штанины и рукава зашить, чтоб у пана Марека некоторые проблемы после пробуждения возникли?

Мы с Гражиной на цыпочках пробрались в мою бывшую детскую. Марек спал без одежды, то есть совсем. Голый он был, как младенец. Только, в отличие от младенца... Не важно. Стараясь особо не пялиться, я собрала со стула все предметы мужского гардероба и под басовитое хихиканье тетки утащила к себе.

Глава 4

Охота на золоторогого оленя

Тетка Рузя закончила заплетать мне косу.

– Ты бы не шла, Адичка, – басила Гражина, – за пару дней ничего не случится.

Я натянула гольфы и стала обуваться:

– В городе уже все о золоторогом олене знают, ни одного охотника сегодня в трактире не было, значит, к Юнгефрау еще засветло отправились.

Вот, кстати, охотники могут доставить неудобства. Засады там всякие, капканы. Мне не хотелось еще и с этим разбираться. Но, если олень действительно оборотень, он должен почуять меня издали и устремиться навстречу. Для него я гораздо более лакомый кусок, чем отряды вооруженных мужчин.

На туалетном столике лежала тряпица из-под сыра и несколько яблочных огрызков. Ужин и холодная ванна прогнали хмель, чувствовала я себя превосходно. Было немножко стыдно перед тетками за истерику, родственницы старательно делали вид, что ее не было, но, когда думали, что я на них не смотрю, обменивались печально-многозначительными взглядами.

Марек храпел в детской, тетечка Гражина проверила, его одежда, над которой поработала Рузя, дожидалась на стуле, пока я верну похищенное на место. Маленькая приятная месть.

Закончив одеваться, я достала из шкафа кожаный чехол с наплечными ремнями, моя тетечка и такое сшить умеет, в похожих лесорубы носят за спиной свои топоры, мой же предназначался для другого орудия труда, а на животе под рубаху спрятала плетеную накидку пани Новак. Отвратительные ее изделия отличались феноменальной крепостью, это могло мне сегодня пригодиться.

– Счастливо оставаться, – сказала уже в дверях. – Не шалите, Марека зря не пугайте. Нет, тетечка Гражиночка, не придушивать, даже немножко. Нет, тетечка Рузечка, яды тоже не нужны.

Одежду Марек я бросила на пол в его комнату. В следующий раз догадается дверь запереть. А еще – подумает, прежде чем Моравянку

обижать. Тоже мне, мститель-балабол.

В трактирной зале было прибрано и тихо. Чистая сковорода блестела на плите в пробивающемся сквозь щели ставень лунном свете. Мое чудесное орудие! Опустив сковородку в чехол и набросив на плечи удобные лямки, я вышла через кухню, пересекла хозяйственный двор. Поленица у дровяного сарая манила возле себя задержаться. Но я не стала. Даже если шкатулка уже там, дела это не меняет. Сначала олень, потом все остальное. На обратном пути загляну.

Толкнув калитку, я зашагала по дороге, сразу взяв хороший темп, быстрый, но размеренный. Одежда на мне была мужская, удобная: короткие штаны на подтяжках, рубаха, гольфы до колен и крепкие ботинки с толстой подошвой. Для нашей местности ничего лучшего не придумаешь. Сюртук надевать не стала, жарко.

Из города выбралась через пастушьи ворота. Сейчас около двух, к четырем буду на месте, то-сё, значит, вернусь уже после рассвета, раздам работникам указания и завалюсь спать. Между двумя последними пунктами надену на Марека браслет. Ну или завтра ночью, подожду, пока заснет и обраслечу по полной. Пан Килер абсолютно прав, тянуть с этим не стоит. И дело не в празднике Медоточия, в этом году, я решила, в Лимбурге будет другая хороводная королева. Пусть она выбирает мужа, любая девушка будет счастлива такому подарку и с удовольствием уступит мне честь дежурить у священных камней. Обряды обрядами, но смысл в том, чтобы кто-то просто слушал до рассвета болтовню каменюк. Это буду я. Вот и все. А Марек... Маг меня боится, значит, жалеть не будет. Нужно успеть нанести удар первой.

Чтоб дорога казалась короче, я стала вспоминать все, что успела узнать о существе, с которым мне предстояло встретиться.

– Олень с золотыми рогами, – бормотала я в такт шагам, – перевертыш-замануха, последний раз появлялся неподалеку от Вомбурга лет пятнадцать назад.

– Четырнадцать, – поправили меня негромко. – Четырнадцать лет, девять месяцев и четыре дня.

Я посмотрела на толстенького мужчину, семенящего рядом.

– Вельможный пан тогда от его рогов погиб?

– Не рогов, – он чуть развернулся, стало видно, что живот его точно по центру аккуратно распорот.

Нож? Значит, наш олень на самом деле человек? Фахан? Ой, тогда я, пожалуй, лучше домой пойду. Пусть бургомистр сам со своим сородичем разбирается. Тем более нож...

– А отчего вельможный пан до сих пор в чертоги Спящего не отправился?

Толстячок всхлипнул, по бледным пухлым щекам потекли черные дорожки:

– Месть не пускает, жжется. Этот нелюдь Марысечку мою, доченьку...

Понятно. Почтенный вомбургский лавочник хотел отомстить чудовищу, но не смог. Поэтому почти пятнадцать лет призраком за золоторогим оборотнем таскается. Не особо приятная послежизнь. Иногда со временем такие призраки, которые не смогли начатое закончить, забывают, что именно их держит. Однажды такая несчастная потерянная душа упрашивала меня развоплотить ее сковородкой. Этот хоть помнит.

Неожиданно пришедшая в голову мысль заставила меня остановиться посередине просеки, до склона Юнгефрау было еще далеко.

– Вельможный пан, – позвала я, призрак нарезал круги в ночном небе, стеная, и вполне мог меня не услышать. – Па-ан!

– Чего?

– А вы ведь только совсем рядом со своим обидчиком обитаете?

– Ну да. – Толстячок махнул рукой. – Вон он, несется, свежатину почуял.

Я не испугалась, а испытала облегчение, что идти дальше не нужно, и, любуясь золотыми ветвистыми рогами, появившимися на фоне темного леса, достала из-за спины сковороду.

Это был мужчина. Молодой рослый парень, абсолютно голый (что-то урожайно сегодня на голых мужиков панне Моравянке), не считая наброшенной на плечи шкуры. То есть целого оленя, то есть... Животная голова покрывала человеческую капюшоном, по краям мехового плаща болтались копыта. И это была совсем не снятая со зверя шкура.

– Псячья дрянь, – сказала я. – Ты не перевертыш, а вывертыш. А вы, вельможный пан, брехун! Нет у него ножа.

Слова такого – «вывертыш» не существовало, я его сама только что выдумала, от удивления. Раньше таких приبلуд мне не попадалось. Диво дивное. Как будто и зверь, и человек одновременно обитают в одном нелепом теле.

Призрак обиделся:

– Я тебе про нож говорил? Ты спросила: «От рогов?» А я что ответил? Не от рогов. – Вывертыш принюхивался одновременно двумя носами, мой запах ему очень нравился. – Он сначала брюхо распарывает, а потом жрет. Меня заживо съели. Поняла? Брехуном еще обзывается.

Голый мужчина нагнулся, копыта цокнули о камень. И вот передо мной стоит благородный красавец-олень, вполне обычный, если не считать золоченых рогов. Ладно, псячья дрянь, пободаемся.

От первого броска я ушла, отпрыгнула за пень, огрела тварь по спине сковородой. В плече отдалось болью. Олень не развеялся, но я этого и не ожидала, это вам не злыдень малосильный, здесь нужно в правильное место попасть. Мы побегали вокруг пня, сначала он за мной, потом я за ним. Бок, круп, заднее копыто. Все не то. Наверное, у твари в рогах вся ее поганая сила сосредоточена. Нет, это было бы слишком просто. Но... Косой замах, звук удара металла о металл, выбивший сноп искр. Олень исчез, сухой пень загорелся, я остановилась и, опершись ладонями о колени, отдышалась. Все? Я позвала:

– Вельможный пан призрак, вы здесь?

Толстячок возник за клубами дыма, он плыл в ночном небе куда-то вдаль. Значит, не всё, развоплоти я оборотня, вомбургский лавочник тоже бы развеялся. И что теперь делать? Что – что... Приманивать.

Я пошла в глубь просеки от догорающего пня: найду сейчас подходящее местечко, поставлю силок, потом осторожненько палец щепкой проколю. Капельки хватит, чтоб все приبلуды округи устремились на сладкий запах. Надеюсь, их не особо много с последней моей зачистки возникло. Остановившись у вывернутого с корнями обрубка огромной ели, я стала расстегивать рубаху, чтоб достать свою кружевную сеть, поглядывала по сторонам, а под ноги,

дура, не смотрела. Что-то цепко схватило меня за щиколотку и, не успев даже охнуть, я провалилась под землю.

– Псячья дрянь! – Наплечные ремни зацепились о камень, потянули с собой рубаху, и я, по пояс обнаженная, съехала в объятия... – Какого фахана ты тут забыл?

Марек сунул длинный нос в мои волосы, пробормотал:

– Минуточку помолчи, какой аромат...

– Отпусти!

Мне облизнули мочку уха, горячий язык прошелся по шее, замер у ключицы.

– Яд, чистый яд. Сладкий, одуряющий... Ты собиралась оцарапать кожу, чтоб приманить оборотня запахом крови? Не нужно... я успею первым... всю... сразу...

Чародей тяжело прерывисто дышал, а я, как моравская колбаска, аппетитно шипела на сковородке. То есть сковородка оказалась между нами, я бедрами вжимала ее в Марека. Опомнись, дурочка, он хочет тебя сожрать, не поцеловать, не заняться любовью, а просто съесть. Я хрипло расхохоталась:

– Пару лет назад в округе стригой шалил, кровосос, так он, когда я ему зубы вышибла, так же лизался.

Упершись коленом в сковороду с такой силой, что Марек болезненно охнул, я распрямилась и выкарабкалась из ямы навверх, там спокойно оделась, заправила рубаху в штаны, подтянула гольфы:

– Давно за мной следишь?

– От городской стены. – Марек выбросил ко мне сковородку. – Петрик сказал, ты непременно к Юнгефрау пойдешь, значит через браконьерские ворота...

– Пастушьи.

– Неважно. У ворот я тебя уже унюхал. Горазда ты, Моравянка, сковородкой махать. В более цивилизованном, чем ваше, королевстве игра такая есть, жё-де-пóm называется, в ней благородные лорды и леди бьют ракетками по мячу, чтоб его через сетку перебросить. И, знаешь, Аделька, в жё-де-поме равных тебе не будет.

Он выбрался из ямы и теперь рассматривал выпавшую из-под моей одежды накидку пани Новак:

– Сеть? Предусмотрительно.

– Ты зачем за мной шел?

Он многозначительно поднял руку, выдернул из рукава остаток обметочного рузиного шва:

– В благопристойном Лимбурге, оказывается, свое имущество ни на минуту оставить нельзя. Отвернешься – испортят. Значит, врут, что Моравянка с иглой не дружит?

– А я твое имущество? – не ответила я на вопрос. – Или ты надеялся добычу у меня из-под носа умыкнуть?

– Не умыкнуть. – Марек посмотрел на вершину горы. – Помочь вельможной панне трофеи в магистрат доставить. Она же, наша панна-защитница, сама этого не сделает, не привыкла награду за свою работу получать.

Я поморщилась: действительно, не собиралась на тысячу призовых талеров претендовать.

– Таков обычай.

– Теперь другие будут, – сказал Марек строго. – За каждого лессера, Аделька, наш бургомистр будет платить положенную цену.

– Кем положенную?

– Мной! И поверь, суммы, с которыми пан Килер расстанется, ни в какое сравнение не идут с выгодой, полученной им от уничтожения нечисти.

Спорить я не стала, спрятала в чехол сковороду:

– В любом случае на сегодня охота закончена. Оборотня я спугнула, приманивать его при тебе не собираюсь, так что можем в город возвращаться.

Марек подождал, пока я развернусь и сделаю несколько шагов:

– Кто бы мог подумать, что мужская одежда Адельке к лицу. – Смотрел он не на лицо, а пониже спины, где тонкая кожа штанов облегла мои бедра.

Легко отбив протянутую ко мне руку, я предложила:

– Или давай сегодня дело закончим. Ты позволишь мне себя связать, и я продолжу охоту.

– Этим? – Марек тряхнул накидкой, разворачивая ее. – А вдруг темпераментная панна Аделька желает меня слабосильного стреножить и зацеловать до смерти?

Движения его мне не понравились, ловкие они были, расчетливые, я попятилась:

– Наш первый и последний поцелуй, пан пришлый, был мне отвратителен.

– Мне так не показалось.

Я отпрыгнула, пригнулась, пропуская сеть над головой:

– Кому кажется...

Не закончив фразы, я кувыркнулась вперед, сделала подсечку, Марек убрал ногу, мы стояли друг против друга, обменивались настороженными взглядами.

– Скасгардийский рисунок боя, – сообщил Марек. – Против равного соперника хорош, но...

Накидка раскрылась огромным сетчатым зонтом в ночном небе.

– Но я, моя ядовитая, чародей.

Все произошло быстро, я ничего не успела, купол рухнул, кружево облепило мое тело как кокон, сбило с ног. Марек приблизился, присел на корточки, разорвал ткань у лица, отдернул руку, за которую я его цапнула:

– Клянусь, никто не причинит тебе вреда. Сегодня никто, даже я. Ты все правильно рассчитала, милая, ты – идеальная приманка. Но привычными твоими приемами с этим лессером не справиться. Я сам, не мешайся. Клянусь... – Он хитро прищурился, тон его изменился, из увещающего стал дурашливым. – Действительно не понравилось? Нет, скажи, что именно в моем поцелуе вызвало твое отвращение? Ты на него не ответила, но дрожь, дыхание, все говорило о возбуждении...

– Надеюсь, – выплюнула я, – оборотень распорет тебе живот, сожрет сердце и печень.

– Жаль разочаровывать такую красивую панну, – вздохнул Марек и, подхватив меня под плечи и колени, поднялся, – но ливер мой останется при мне. Твой, впрочем, тоже. Сегодня. Потому что делиться этим драгоценным телом я ни с кем не намерен. Давай, Моравянка, злись, ненавидь, можешь даже рыдать. Человеческие чувства усилят твой запах. Страх? Но ты не умеешь бояться.

Чародей уложил меня на гладкий сруб сосны, как жертву на алтарь, внимательно посмотрел в лицо:

– Холодная ты, Аделька, как глыба снежная, даже ненависти пристойной у тебя не получается испытать. Наверняка пытаешься пальцами кружево растянуть, прикидываешь, куда первый удар нанесешь. Плохая приманка.

Это он зря, за его плечом уже порхал вомбургский лавочник, значит, оборотень приближался. Марек наклонился с жарким шепотом:

– К счастью, есть способ ледяную Моравянку растопить, проверенный способ...

– Сзади! – закричала я.

Марек обернулся, олень застыл в прыжке, оторвавшись от земли, осыпался золотыми осколками, в куче блесок что-то копошилось и попискивало, рога, зацепившись за ветку, болтались у самой земли.

– Правда, эффективно? – спросил чародей, кончик его пальца прошелся от моего подбородка по груди, разрезая, как лезвием, кружевные путы.

– То есть, – прыгнула я с пня, оттолкнув чернявого, – связывать меня было не обязательно? Ты развлекался? Песья дрянь!

У моих ног в золоченой шелухе ворочался светловолосый голенький младенец.

– Мальчик, – сообщил Марек, как будто в этом у кого-то могли возникнуть сомнения. – Не хочешь его поднять? Кажется, у женщин что-то должно внутри срабатывать, согреть там, накормить.

Я завернула ребеночка в драное кружево, прижала к груди:

– Что это такое?

– Олень из зачарованного леса. Волшебные звери, да будет тебе известно, через некоторое время награждаются человеческой жизнью.

– За убийства?

– Почему за убийства?

– Потому что пятнадцать лет назад, – приподняла я пищащий сверток, – он десяток вомбургских горожан порешил.

Мальчик поморгал светло-зелеными глазками, раскрыл широко беззубый рот и захныкал.

– Говорит, не специально, – перевел чародей, – говорит, защищался: или он, или его. Но не убивал, люди сами... – Марек прислушался, покачал головой. – Попал в капкан, пришлось ногу отгрызть. У оленя потом новая отросла, зато отделенную охотники в котле сварили, чтоб от этой похлебки волшебных сил получить. Ну и... Плоть подобных созданий для человека смертельна, после сытной трапезы она животы охотников изнутри открыла.

– А девочки? – спросила я неуверенно. – Одну Марыся звали.

Малыш опять залепетал, но перевода я ждать не стала, отдала сверток чародею:

– После расскажешь, у меня кое-что срочное.

Марек внимательно смотрел, как я брожу по просеке, поигрывая в руке сковородкой.

– Покажитесь, пан брехун, знаю, неподалеку где-то прячетесь.

– Его звали Ласло, – сказал громко чародей, – того мужика, что девочек убивал. Тебе поможет?

Я закричала:

– Ласло, покажись!

Привидение соткалось передо мной шагах в десяти, раздутая бесформенная туша, из распоротого живота торчали золотые тонкие пластины.

– Шлюха, – сказал лавочник, – все вы бабы – шлюхи, в шлюх вырастаете.

– Тем девочкам ты вырасти не дал. Правда, Ласло? Убил, надругался, на оборотня думал смерти списать, только волшебной похлебки откушал невовремя. Те болваны, твои сотрапезники, в чертоги пана нашего Спящего напрямиком отправились, а ты не смог, грехи не пустили.

Он не собирался сдаваться, знал, что ему хватит капли моей крови, чтоб стать другим существом, сильным, опасным, поэтому завыл, обращаясь не ко мне:

– Пан чародей, если эта шлюха хоть золотишку оленью проглотит, сама изнутри раскроется. Засуньте ей в рот кусочек, насладитесь свежатиной. Мне много за совет не надо...

Марек укачивал младенчика и призрака, к моему огромному облегчению, не слышал, встретив мой взгляд, улыбнулся:

– Жё-де-пом, Адель. Заканчивай.

И я нанесла окончательный бесповоротный удар.

– Наверняка покойный убийца ждал, что ты в драке случайно оцарапаешься, ну или в капкан угодишь, – вслух размышлял Марек, сгребая золотую шелуху в свою сорочку.

Я с трудом отвела взгляд от голой спины:

– Олесь, мы так ребеночка назовем.

Спина вздрогнула.

– Мне на мгновение показалось, что Моравянка имена нашим будущим деткам подбирает. – Он связал рубаху узлом, взял в другую руку золотые рога. – А пан Килер-то как своему Олесю обрадуется.

Своему? Вот абсолютно не хотелось бургомистру это создание отдавать. Ручки какие крошечные! И ножки. Голодный, наверное. Чем детей кормят, если не грудью? Молоком? Может, за овечьим к пану Ежи заскочить? И пусть тетка Рузечка в книгах поищет, как правильно младенцев воспитывать.

Уже рассвело, мы шагали к городу, Марек нес добычу, я – малыша. Олесь пригрелся, заснул. Щечки какие нежные, так бы и зацеловала.

– Аделька, – отвлек меня от любований чародей, – давай договоримся, что именно горожанам расскажем.

– Предлагай.

– Скажем, вместе выследили оборотня, убили. – Он поправил на плече ветвистые золотые рога. – Тушу не разделали...

– Потому что оборотень волшебный, после смерти развоплотился, – предложила я. – Подробностей никто не потребует. А Олесю случайно под кустом нашли. Может, девушка какая несчастная, опозоренная, в лес рожать отправилась.

– Да, бастардом ребенку взрослеть лучше, чем... тем, кто он на самом деле, – Марек непонятно вздохнул.

– А про Ласло не скажем, – проговорила я с нажимом. – Дело давнее, без толку ворошить. Тем более виновный наказан.

– Ну и панна Моравянка не хочет, – подхватил Марек, – чтоб в городе знали, что она с покойниками на короткой ноге. Чего ты нашему принцу про лотосы наплела? Светлая панна Алистер? Явно темнейшая тебя росой поила.

– Не знаю, как в других государствах, у нас, в Тарифе, темную королеву принято опасаться. Матушка решила, что, если признаваться придется, мы будем белую королеву упоминать. Я с Карлом, между прочим, чуть не попалась. Эдельвейс, говорю, из пруда. А он: «Не растут в воде эдельвейсы».

Вспомнив об этом, я поморщилась, Марек дурашливо протянул:

– Ка-арл? Милый Карл... Отчего он так меня бесит? Любопытно.

– Наверное, – предположила я, – в прошлом вы женщину не поделили. У него явно на этой теме пунктик.

– Я у него любовницу отбил?

– Или он у тебя.

Марек расхохотался:

– Невозможно! Может, я ни фахана не помню, но... Кстати, о фаханах и любовницах. Ты, Аделька, по имени наше рыжее высочество называть прекращай. А то он, может, на что-то надеется.

– Пан Килер – человек порядочный, если он и хочет чего, так сначала под венец отведет. В Тарифе заграничных всяких вольностей не одобряют. Понял?

– Да все я про вас понял! – Черные глаза зло блеснули. – Ты за лессерами по лесам скачешь, ни талера за это не получая, а прочие только и мечтают тебя замуж выдать, чтоб линия защитниц Лимбурга на тебе не прервалась. За чародея, разумеется, или за фахана, все равно никто из обычных людей с тобой не справится.

– Это тебе Петрусь рассказал? – удивилась я. – Ерунда какая.

– Ерунда? – Марек добавил в речь побольше шипящих, передразнивая местный диалект. – Ты, пан пришлый, с женитьбой особо не затягивай. Бургомистр тянуть не будет, говорят, на празднике Медоточия собирается нашу панну Адельку заграбастать. Каково?

«Надо будет попросить пана Килера велеть чародею на нижний этаж переселиться, детскую для Олеся освободить, – думала я, шагая к пастушьим воротам, к болтовне Марека особо не прислушивалась. – Замуж? В принципе, и туда можно сходить. Только пока не звал никто. Пан Гжегош, кажется, собирался, но я ему как раз перед этим челюсть своротила. Но он сам виноват, не стоило невинную панну за грудь щипать. Поэтому пусть сначала предложат, как положено. Бургомистр? Почему бы и нет? Мне в браке любовь неважна, доверие – главное. Если Карл докажет, что я могу ему довериться, получит мою руку и верное дружеское сердце. И женой я постараюсь стать хорошей. Ну и, наверное, сначала придется самой признаться, что призраков вижу. Эта способность даже у магов не встречается. Чернявый, вон нашего Ласло не рассмотрел и не слышал его чудовищного предложения. Хорошо, что не слышал...»

– Марек, а как ты понял, что я именно призрака на просеке звала?

Парень кивнул на спящего младенца:

– Во-первых, олененок рассказал, что за ним злобный дух таскается; во-вторых, ты боевую стойку держала. Святые бубенцы,

боевая связка со сковородкой! А в-третьих, моя ядовитая, эдельвейс. Не помню, откуда, но о волшебном цветке темной королевы фей я знаю довольно много. Он дает способность общаться с мертвыми.

Мы уже вошли в город, я отвечала на приветствия встречных горожан. Марек позволял каждому желающему прикоснуться к золотым рогам, в сравнении с драгоценным трофеем Олесь, проснувшийся и внимательно смотрящий по сторонам травянисто-зелеными глазками, вызывал очень мало интереса. Вокруг нас быстро собралась приличная толпа, запрудившая улочку, дальше мы двигались во главе процессии.

– Да, – говорил чародей, – в магистрат, за наградой. Кликните пана Килера, чтоб на службу поторопился. Да, хороша панна Моравянка, и мужская одежда ей к лицу. Точно, пан Рышард, нас с вами больше интересует то, что под одеждой. Пани Рышардова вам покажет, ой покажет!

Он хохотал, шутил, подмигивал черным глазом. А я не могла даже улыбнуться. Потому что, пропуская меня вперед в низенькую арку пастушьих ворот, Марек себе под нос пробормотал:

– Эдельвейс королевы Нобу дает способность общаться с мертвыми, и я ее тоже получу, отведав сладкого яда панны Адели.

Бургомистр встречал нас у дверей магистрата, его секретарша стояла рядышком. Смотрелись они странно, хотя панна Ясна изо всех сил старалась казаться настоящей хозяйкой, вытягивала шею, приподнималась на цыпочки, но все равно могла лишь сравняться макушкой с плечом мужчины.

– Долгих лет и всяческих приятностей вельможной чете, – балагурил Марек, – и детишек побольше! Да мы вам первого уже доставили! Аделька, отдай младенца панне.

– Неужто это нашего пана Килера байстриук? – удивились в толпе.

– Да нет, ребенка Моравянка в лесу нашла.

– Так лес отцовству не мешает.

Карл этого не слышал, подождал, пока Олесь возьмет секретарша, и сграбастал меня в объятия:

– Адель, вы не ранены? Здоровы?

Пахло от него горьковатым дымком, травами и крахмальной чистотой сорочки. Хорошо пахло. Наверное, поэтому я не отстранилась. Пан Килер шептал:

– Зачем, Адель, зачем? Вы должны были оставаться дома...

В мое прижатое к сюртуку ухо быстро билось сердце фахана. Захотелось постоять так подольше, закрыть глаза, выбросить из головы все страшные мысли. Но меня дернули за локти, потащили в сторону.

– Ну, ну, вельможный пан, осадите. У нас в Тарифе ваших страстей заграничных не признают, хотите обниматься, сначала женитесь. – Говоря это, Марек сам обнял мои плечи. – Петрик, отдай господину бургомистру рога.

Наш работник – я не успела заметить, когда он появился на площади, – протянул Карлу трофей. В толпе загоготали:

– Бойкий хлопец пришлый, ловко сопернику на место указал.

Я ущипнула чернявого, вывернулась из хватки и подошла к бургомистру:

– Давайте внутрь зайдем. Петрик, да не тычь ты этими треклятыми рогами, в магистрат заноси, да, узел тоже. Панна Ясна, у вас молоко есть? То есть не у вас, – поправились я, перехватив с десяток заинтересованных взглядов, направленных девушке на грудь, – у вас на кухне. Младенец, кажется, проголодался. Его Олесь зовут...

Марек потирал бок, ущипнула я от души. Горожане роптали, не желая лишаться зрелища, но я взяла Карла под руку:

– Идемте, пожалуйста. Этот балагур не успокоится, пока вас окончательно не опозорит.

Пан Килер грустно улыбнулся:

– Ваша забота обо мне, Адель, так трогательна, что я, пожалуй, готов снести ради нее еще столетия позора.

И послушно проследовал со мной. Петрик взгромоздил трофеи на письменный стол в кабинете, панна Ясна, которой младенец на руках не мешал командовать, велела стражникам очистить помещение от посторонних. Марек юркнул в смежную комнатку, сразу из нее появился, рассматривая этикетку на винной бутылке, громко сообщил:

– Панна Ясна, я в вас влюблен! Давайте бросим все, кроме вашего погребка, и в него же удалимся от мира, пока ваша смерть не разлучит нас!

Секретарша поморщилась:

– Лучше придумайте, где достать молока ребенку.

– Молока? – Марек посмотрел на нас с бургомистром, сидящих на диванчике, держась за руки.

Карл и не думал меня отпускать, да я и не рвалась, отвращения от прикосновения не испытывала, даже приятно было оттого, как фахан поглаживает подушечкой большого пальца мою ладонь. И смотрел хорошо, не с голодной жадностью, а...

– Молока! – Марек с грохотом поставил на стол бутылку и схватил из корзины яблоко. – Пока у младенца зубки не появятся, его можно, например, соком кормить.

Встретив многозначительный взгляд черных глаз, я вздохнула и поднялась с дивана:

– Дай сюда.

Пан бургомистр закашлялся, когда я выдавила плод над фарфоровой чашкой.

– А теперь представь, – Марек плюхнулся рядом с Килером, наверное, чтоб я там не села, – что панна Моравянка точно так же яблоки для твоего сидра плющит.

Я, конечно, могла бы похвастаться, что на сидр я одновременно два обычно раздавливаю, но не стала. Карл и без того, кажется, испугался.

Панна Ясна присела в кресло, держа младенца на коленях, Олесь стал хлебать из чашечки, попискивал, я салфеткой вытирала руки от яблочных ошметков, Марек открыл вино, налил немного в бокал, принялся с довольной улыбкой.

– Итак, – проговорил после продолжительного молчания бургомистр, – наш оборотень оказался волшебным оленем. Большая удача, что первыми его именно вы обнаружили.

– Представляю, какую головомойку могла устроить вышняя канцелярия какому-нибудь гипотетическому принцу фаханов, если бы на его территории погибло любимое животное сиятельных фей. Удача, да. Удача, что я первым успел. – Марек налил себе еще, никому больше не предложив.

– А панна Моравянка?

– Аделька? Моя вкусная панна послужила приманкой.

– И ты посмел подвергнуть опасности...

Мне показалось, что глаза Карла полыхнули алым. Чародей холодно улыбнулся:

– Цель оправдывает средства. С тебя тысяча талеров призовых. Это для начала, вес рогов и золотой чешуи придется оплачивать

отдельно. Ты же не хочешь, чтоб опасная для смертных оленья плоть распространилась по городу?

Фахан не слушал, он резко встал:

– Адель могла пострадать. Ты на это надеялся, приманивая на ее чудесный запах это существо? Ты ждал, чтобы воспользоваться случайной царапиной...

Марек отсалютовал мне бокалом:

– Но вкусная панна была очень осторожна. Кстати, Караколь, ты играешь в же-де-пом? Предлагаю сразиться на пары, мы с панной Моравянкой, ты с Ясной, ну или мальчики против девочек, но тогда мы точно проиграем.

– Какое же ты чудовище, – с душераздирающим вздохом Карл рухнул на диван.

Мужчины стали торговаться, я заскучала, поэтому с удовольствием пошла с секретаршей в ее кабинетик, малыш обмочил свои импровизированные пеленки, его нужно было переодеть. К моему невероятному удивлению, Ясна достала из ящика стола голубую распашонку, крохотные пинеточки и младенческий льняной колпачок. Олесь по-оленьи брыкался, сопротивляясь, но противостоять двум чадолюбивым паннам не мог, и очень скоро стал «нашим сладеньким мальчиком», «красавчиком», «уняняшей». Мы с секретаршей наперебой придумывали прозвища, ревниво наблюдая, какое из обращений доставляет младенцу больше удовольствия, Олесь лежал в удобном мягком кресле, мы стояли перед ним на коленях, отталкивая друг друга локтями.

Когда я сообщила, что собираюсь усыновить чудесного младенца, Ясна фыркнула:

– Панне Моравянке этого никто не позволит. Я бы и настоящего ребенка вам не доверила, а уж этого...

– Какое счастье, что не вам это решать! – парировала я. – Господин бургомистр...

– Решение о будущем волшебного оленя будет приниматься на самом верху.

– Я его нашла! Он мой!

Мы так горячо спорили, что перестали обращать внимание на Олесья, он, тем временем, стащил с ноги пинетку и стал ее с аппетитом жевать.

– Да какие вам дети, панна Моравянка? С вашим-то образом жизни? Трактир? Пьяные пейзажи, шум, гвалт, пивная вонь.

– Можно подумать, ребенку будет лучше в магистрате.

– Разумеется, у нас с паном Килером довольно слуг, мы найдем Олесю лучших нянь, гувернеров, он станет достойным членом общества, воспитанным, образованным. – Ясна ойкнула, заметив, чем занимается будущий достойный член общества. – Он сейчас подавится!

Олесь закашлялся, выпустил изо рта парочку пузырей, угрожающе зарычал, когда девушка потянула на себя слюнявый изжеванный лоскут. Ясна сюсюкала что-то успокаивающее.

– Может, отвлечь его другим лакомством? – предложила я.

– Вон в том шкафу, – секретарша махнула свободной рукой, указывая направление, – блюдо с фруктами.

Запасы рачительной хозяйки фруктами не ограничивались. За дверцей шкафа я обнаружила еще копченый окорок и несколько видов сыра, на фруктовом блюде лежала гроздь винограда, а яблоко было одно, оно закатилось к задней стенке за деревянную подставку, в которой крепился окорок. Я потянулась к фрукту. Захотелось копченого мяса, пахло оно очень вкусно. Панна Ясна отрезала себе кусочки прямо здесь, тоненькими пластиночками. «Попрошу, – решила я, – накормим Олесю...» Ладонь обожгло болью. Я отдернула руку и с ужасом уставилась на набухающую кровью царапину.

– Готово! – воскликнула секретарша, потрясая в воздухе пинеткой. – Адель?

– В шкафу был нож... – я слизнула с пальцев соленую капельку. – Бегите, Ясна, запирайте меня здесь...

Другой рукой я уже доставала из-за спины сковородку. Олесь возбужденно возился, пытаюсь сползти с кресла.

– Адель! Адель! – на разные лады вопили мужские голоса, неотвратимо приближаясь.

Чародеи почуяли кровь.

Секретарша посмотрела на меня, на ребенка, бросила взгляд на дверь:

– Волшебная кровь панны Моравянки. – Девушка с неожиданной при ее хрупкости силой, приподняла кресло с младенцем, крикнула мне. – Откройте!

И вытолкала массивный предмет мебели в кабинет бургомистра. Мельком я заметила двух борющихся на ковре мужчин и готова была поклясться, что за спиной рыжеволосого топорщится вовсе не плащ, а крылья.

Секретарша с грохотом захлопнула створку, повернула ключ:

– Надеюсь, они не поубивают друг друга. Ну же, Моравянка, делайте что-нибудь, остановите кровь.

Я многозначительно округлила глаза, держа палец во рту. В углах комнаты клубился бурый туман, приبلуды со всей округи спешили на пиршество.

– Зря вы не ушли, сейчас здесь очень опасно будет.

Сообщение прозвучало неразборчиво, но девушка его поняла.

– Опасно? – Тонкий носик Ясны дергался, глаза блестели. – Пожалуй. Такого плотного запаха лессеров мне раньше чувствовать не приходилось. А ты смелая... И кровь твоя действительно пахнет необычно.

Секретарша сосредоточенно принюхивалась:

– Верхние цветочные ноты, густая основа, горьковатое послевкусие.

Ясна вздрогнула, когда сковородка описала полукруг над ее головой, сбивая шипастое щупальце лишайной злыдни.

– Ладно, Аделька, – решила девушка, – ты развлекайся, я, кажется, поняла, чем твою кровь остановить.

Обождав, пока я расчищу проход, Ясна подошла к письменному столу, спокойно уселась, разложила перед собой какие-то коробочки, склянки, аптечные крошечные весы, нацепила на нос очки. Дальше я не смотрела, приبلуды лезли со всех сторон. Были они разными, от простых бесформенных сгустков до человекоподобных призраков. Одна покойная пани попыталась набросить на меня цепи, которыми были скованы ее руки. Убийца, наверное. Прощай. И вы, пан с головой под мышкой, тоже прощайте.

Этих я не боялась, дело привычное, опасения вызывали другие, живые, которые шумно сражались с дверью кабинетика. Хорошо, что она наружу открывается, и хорошо, что мужчин за ней двое, они мешают друг другу.

Но и у меня дела обстояли не прекрасно. Из-за того что драться приходилось, держа во рту поврежденный палец, да еще умудриться

наружу ни капельки кровавой слюны не выпустить, мое дыхание сбилось, рука стала уставать. Это ведь простейшему лессеру достаточно к моему оружию прикоснуться, чтоб развоплотиться, для тварей посложнее требовался удар в определенное место.

– Готово, – сказала наконец секретарша. – Иди сюда.

Я еще пару минут попрыгала, зачищая пространство, и послушно протянула девушке свой обслюнявленный палец. Ясна быстро залепила царапину полоской чего-то зеленого. Рассмотреть повнимательнее не удалось, передышка закончилась, я бросилась в контратаку.

Пока я отколачивала клыки и рога с многоголовой каракатицы, девушка достала из шкафчика бутылку вина, отхлебнула, закусила полоской копченого мяса:

– Долго еще?

Я поразила каракатицу в спрятанное под хвостом жало, посмотрела, как она истаивает, и выдохнула:

– Все.

Ясна протянула мне бутылку и весело прокричала:

– Ваше высочество, милорд, у вас все в порядке?

Пан Килер после паузы сообщил, что да, и спросил, не пострадала ли его драгоценная Адель.

– Олеся вы там с господином Марекком не придавили? Нет-нет, мы пока не откроем. Когда? Предположим, три четверти часа. Да, как раз хватит, чтоб возбуждение неких неназванных персон на убыль пошло. Да, у нас все хорошо. Милорд, там в приемной должны были уже кормилицу привести. Что? Хорошая женщина? Олеся с ней? Великолепно. До встречи, мой лорд. – Ясна мне весело подмигнула. – Пей, не стесняйся.

Вино было светлым, кисловатым и довольно освежающим. Секретарша отрезала ломик мяса, стало еще вкуснее.

– Моравянка, – позвал из-за двери чернявый, – подай голос.

Мы с секретаршей переглянулись и захихикали. Ясна пропела:

– Панна Аделька с теми, кто ее съесть хочет, не разговаривает.

Чародей пригрозил:

– Дождетесь, девицы, что я ворвусь!

Дерево скрипнуло от нажима, что-то глухо сказал Карл, Марек огрызнулся, они завозились. Я посмотрела на свой пострадавший

палец. Зеленая полоска впиталась в кожу и теперь выглядела аккуратным мазком краски.

– Хорошее средство, – решила я вслух. – Спасибо. Из чего оно?

– Да так, – секретарша расставила на столе закуски, еще одну бутылку вина, плюхнулась в кресло, – травки разные, свертывают кровь и своим запахом твой нейтрализуют. Большую кровопотерю не скроют, но с царапинами справятся. Я тебе потом еще этих пастилок сделаю, про запас.

Устроившись в другом кресле, я отщипывала ягодки от виноградной грозди, жевала сыр, мясо, пила вино. Бессонная ночь, помноженная на усталость. Поспать бы не мешало. Сейчас я не была уверена, что смогу из магистрата до дома дойти. Спросила девушку, откуда она о травах столько знает.

Семья Ясны уже много поколений занималась виноделием. Вот откуда. Где вино, там и настойки разные, и добавки для усиления вкуса, брожения, осветления. Риквир. Ее родина называлась именно так. Шато Риквир в долине Дювали. Секретарша бургомистра была родом из Ардеры и, кроме имени, носила фамилию ван Диормод.

– Получается, ты дворянка? – удивилась я. – От бедности в услужение пошла?

– Да нет. – Ясна нетрезво хихикнула. – Семейство Диормодов процветает, у нас монополия на производство белых вин, заказы из всех пяти королевств. Разумеется, пришлось постараться, чтоб именно легкие вина в моду вошли. До смешного доходило, матушка бродячим менестрелям, так в Ардере миннезингеров называют, специально платила, чтоб в их песнях все только наше вино пили.

Мы чокнулись «Шато Риквир» какого-то непонятного, по причине намокшей этикетки, года, выпили за женскую дружбу.

Ясна рассказывала о клятве, которую принесла ее прародительница принцу фаханов Караколю.

– Крыса? – не поверила я. – Твоя прапрабабушка была крысой?

– И еще несколько «пра». Неужели после знакомства с Олесем тебя это удивляет?

– Пожалуй, нет. Зато теперь мне понятно, почему Марек тебя так назвал. – Я смутилась.

Ясна оскалила зубки:

– Чародей! Де если бы господин мне не запретил, я в первый же день этому попугаю отравленного вина предложила.

– Пан Килер добрый, – сказала я осторожно.

– И несчастный. От таких, как твой Марек, страдает. Знаешь, как милорд рисует? А умный какой...

– Женщину ему надо.

Фразочка была расхожая, ее каждый трактирщик вбрасывает, чтоб беседа без пауз продолжалась. Можно эту или многозначительное – «время лечит», или «а раньше-то...». Клиент обычно затравку подхватывает вместе с добавкой напитка, начинает подходящую к случаю историю рассказывать. Но Ясна взвилась:

– Женщину. Конечно женщину. – Она с ненавистью посмотрела на приткнутую между папок сковородку.

Тяжело вздохнув, я взяла девушку за руку:

– Догадываюсь, о чем ты думаешь. Опасаешься, что после Медоточия нахальная Моравянка в твой дом хозяйкой войдет, будет в хоромах колбаски свои жарить, на драгоценном мраморе капусту шинковать.

Именно так она и думала.

– Ты, Адель, даже не представляешь, как я тебе завидую, что только бы не отдала, чтоб местами с тобой поменяться, чтоб меня в младенчестве росой волшебного цветка напоили. Тогда Караколь меня бы заметил.

Конечно, все бы заметили, и Карл, и чернявый Марек, и сотни сотен других опасных существ. Дурочка, она даже не представляет, какое это бремя, когда все тебя замечают.

– Не знаю, как в твоей Ардере, – сказала я, – а тарифские панны от мужчин первых шагов не дожидаются. Нравится тебе парень, так действуй. Мало ли что там бургомистр себе вообразил. Я, например, пани Килеровой становиться не собираюсь.

– А кого ты на празднике выберешь? Неужели Марека?

– Неправильный вопрос, Ясна. На самом деле он должен звучать так: «Кого выберет себе в мужья хороводная королева?» То есть ты, Ясна. Это просто. Королевой становится та панна, которая в танце больше всех янтарных бусин соберет. Поверь, мне в этих сборах равных нет, тебе останется только рядом держаться, чтоб добычу

незаметно принимать. А потом, когда тебя коронуют, указать на избранника.

– Ты представляешь, как я опозорюсь, если Карл откажется?

– Не сможет, не при скоплении народа.

Секретарша все еще сомневалась, хотя глазки ее горели радостным воодушевлением:

– Что ты попросишь взамен на услугу?

– Общение с фаханами тебя испортило. Я человек, со мной при заключении сделки можно не осторожничать. Взамен? Ну, позволишь мне с Олесем видеться, когда захочу. И еще, пока не забыла. Янтарное ожерелье мне после праздника отдашь и к камням на ночь не пойдешь.

– Почему? То есть про Олеся согласна, но...

– Это не твоя битва, Ясна, с камнями я сама разберусь.

Девушка задумчиво барабанила пальчиками о подлокотник кресла:

– Если этот план потерпит фиаско, господин меня прогонит. Скандал... родители... клятва... предательство...

– Ты никого не предаешь, стараешься для господина как лучше сделать. Ну какая из меня бургомисторша, сама подумай, безродная необразованная трактирщица? Ты – другое дело, утонченная аристократка дворянской заграничной фамилии.

Я была очень убедительной. Честно говоря, еще недавно я собиралась звание медовой королевы панне Франчишке мясниковой предложить, она бы согласилась с радостью и бестолковых вопросов про камни задавать не стала. Ясна неожиданно подвернулась, но на роль подходила лучше.

Теперь с браслетом для Марека можно не торопиться. Предупрежу его о подмене, чтоб не безобразничал, а со временем разберусь, как без амулета чернявого обезопасить.

– Ладно, Адель, – девушка достала из поясного кармашка часики, посмотрела на циферблат, – можем к нашим мужчинам возвращаться. Шкатулку с артефактом подчинения я еще ночью в поленнице на трактирном дворе спрятала, не забудь забрать. И постарайся своего бойкого работника еще до праздника браслетом наградить. Если наш план увенчается успехом, я получу супруга, господин – послушного чародея, а ты... Знаешь, тебе неплохо было бы выйти замуж за Марека. Мой лорд прикажет и...

Дослушивать я не стала, отперла дверь комнаты. Очень неприятно, когда посторонняя особа начинает твое будущее планировать. Ее лорд прикажет, и Марек вприпрыжку побежит жениться. Прикажет, и чародей начнет меня с непередаваемым отвращением целовать.

Видимо, похожее отвращение читалось на моем лице, когда я вышла в бургомистров кабинет. Мужчины синхронно обернулись.

– Адель, вы здоровы? – пан Килер поднялся из кресла.

Марек его опередил, метнулся ко мне, провел ладонью по спине, принюхался:

– Ты пила?

– Шато Риквир, – сообщила секретарша, протягивая мне забытую сковородку. – Вам, пан Марек, не оставили.

Чернявый продолжал раздувать ноздри, осматривая зеленую полоску на моем пальце:

– Полынь и дикий чеснок?

– И десяток других ингредиентов... – Ясна прервала саркастичную тираду, всплеснула руками. – Милорд, этот злодей вас покалечил?

Бургомистр действительно выглядел не особо, он горбился, нетвердо стоял на ногах. Марек хищно ухмыльнулся:

– Пойдем, Моравянка. Пану Килеру нужно отдохнуть, да и нам с тобой не мешает. – Он тяжело оперся мне на плечи, кажется, «этот злодей» на сдачу от Карла тоже получил прилично. – Пойдем. Олененок в надежных руках пани Футтер... Какая женщина! Какая грудь... У тебя тоже ничего, я помню, но там...

Чародей неразборчиво бормотал весь путь до приемной, но как только мы переступили порог, перед ожидающими там горожанами, будто по волшебству, возник привычный Марек-балагур.

– Петрик, – велел он весело, – беги за мешком, получишь у пана казначея мою награду. А вас, добрые люди, мы с панной Моравянкой вечером ждем в «Золотой сковородке», угощение сегодня бесплатно! Да, пан Рышард, для всех, в честь избавления Лимбурга от оборотня.

На главной площади было по-праздничному многолюдно, карета бургомистра с плотно занавешенными окнами медленно пробиралась

сквозь толпу. Ясна посмотрела на болезненно обмякшего на парчовых подушках господина. Карл встретил ее взгляд:

– Да, милая, мы с чародеем дрались, как пара мальчишек за конфету. И да, мне невероятно стыдно.

– Кажется, панна Моравянка на вас не сердится.

– К счастью... Но Ясна, я даже не представлял себе, сколь сильна окажется тяга. Это было как молния, как... Я стал зверем, диким зверем...

Глаза фахана были алыми, зубы заострились, секретарша достала из кармашка бонбоньерку:

– Попробуйте мои пилюли, монсиньор, на время они приглушат вашу жажду.

Карл бросил в рот зеленую горошину, покатав ее на языке, улыбнулся:

– Великолепно, милая. Что бы я без тебя делал?

Ясна довольно покраснела:

– Младенец с кормилицей, наверное, уже ждут нас дома. Я отправила час назад, трофеями занялся командир стражи.

– Прекрасно, нужно немедленно передать все частички оленьей шкуры в канцелярию. Они представляют опасность для людей.

– Нет, милорд, – возразила девушка. – Мы займемся этим завтра, вы пострадали, этот дикарь Марек, кажется, вас покалечил.

Караколь фыркнул:

– Всего лишь несколько ссадин, я тоже намял чародейские бока. После магии, к которой ему пришлось прибегнуть, иницируя обращение оленя, великий Мармадюк стал слабее котенка.

«Котенок? – подумала Ясна. – Тогда страшно себе представить, что может творить чародей, обладая силой».

– Милая, – фахан высыпал в рот горсть пилюлек, – расскажи мне, что происходило за закрытой дверью твоего кабинета.

– Панна Моравянка случайно оцарапала руку кухонным ножом и немедленно вступила в бой с лессерами, мне стала понятна болтовня черноглазого про жё-де-пом, Аделька орудует сковородой как спортивной ракеткой. После того, как я обработала ее рану, мы беседовали. Милорд, знаете, как она себя называет? Берегиня! Она защищает Лимбург от лессеров точно так же, как это делала ее

покойная мать. И Морава... Это невысказано! Морава использовала дочь в качестве приманки!

– Бедное дитя, – вздохнул Карл, – лишенное родительской любви. Теперь понятны некоторые... странности характера Адели. Самоотверженная защитница, женщина-воин. Надеюсь, я смогу дать ей то, чего она достойна.

Глаза фахана приобрели мечтательно выражение, он отодвинул занавеску, полюбовался холмистым пейзажем. Ясна вздохнула:

– Моравянка не хочет выходить замуж, более того, намерена...

И девушка слово в слово пересказала господину свою беседу с трактирщицей. Карл расхохотался:

– Адель предложила тебе стать моей супругой? Как забавно! Что ж, не будем мешать развлечениям хитроумной панны. А ночью к камням мы отправимся все вместе, я, она, покорный Мармадюк.

– Господин выяснил, что за тайну хранят медоточивые камни?

– Да, и думаю, чародей, следуя моему приказу, сможет избавить Лимбург от неприятностей на долгое-долгое время. Некогда, милая, в нашей долине открывался проход в нижние пределы, его запечатали глыбами, но, к несчастью, от обилия магии камни приобрели свое сознание. Они хотят жертв, хотят, чтоб раз в год самая ловкая и красивая девушка уговаривала их держать проход закрытым. На этот раз мы не станем просить, а заставим камни умолкнуть. Это доброе дело, оно мне зачтется.

– А как же свадьба? – напомнила Ясна. – Мы уже объявили всем, что на празднике Медовая королева выйдет замуж.

Карета остановилась у белоснежных колонн, обрамляющих двери хором пана бургомистра, Карл спрыгнул с подножки, подал девушке руку:

– Все просто, милая, когда тебя коронуют, ты выберешь супругом Мармадюка.

Поздним вечером, когда принц фаханов общался с начальством в своей лаборатории, а пани Футтер, опустошенная прожорливым подопечным, храпела в спальне, Ясна ван Диормод, примостившись у колыбельки, перебирала пальцами светло-золотые локоны Олеся и горько рыдала:

– Ваше высочество знает, я прекрасно чувствую запахи человеческих эмоций. Когда Адель говорит о чародее, она излучает

явные телесные эманации. А он... А я... Милорд, вы сделаете несчастными всех троих. Но главное, главное, чтоб вы сами обрели хотя бы толику счастья...

Глава 5

ОКОВЫ ЛЮБВИ

Проснулась я на закате. Тетки, как по команде, склонились над постелью и стали наперебой ругаться:

– Пьянчужка! Видела бы тебя покойная матушка! Что ни день, на бровях являешься! Ни капли, Аделька, больше ни капли!

– Ребенок ей понадобился! Фаханчик беззубый, сама родить не хочет, хочет, чтоб на все готовенькое!

– Замуж она не пойдет! Фу-ты ну-ты, все пойдут, а она в девках останется!

– Подружку себе нашла! Нормальных панн вокруг нет? Крыску? Сын у нее олень будет, подружка – крыса, тараканов еще пусть заведет, вот клиенты из трактира разбегутся...

Самое ужасное было в том, что я абсолютно не помнила, что успела наболтать теткам, когда ввалилась в покои и, не раздеваясь, рухнула на постель. Видимо, немало.

Я зажмурилась, хотя делать вид, что еще сплю, было поздно.

Мы с Мареком кое-как добрались до трактира. Он в лицах рассказывал, как почуял сладкий аромат моей крови, что фахан тоже бросился к двери.

– Крыло, главное, хрупкое такое оказалось, на вкус – как кожаный ремень. Ага, я пана Килера за него цапнул. Ты не представляешь, что твоя кровь с мужчинами-магами делает. Твое счастье, Аделька, что Караколь – сильный фахан, смог меня даже с переломами держать.

Счастье, да. И удача, что панна Ясна в зельях разбирается. Марек попросил разрешения зеленую полоску на моем пальце лизнуть и сделал это, хотя я не позволила. Прицокнул языком:

– Хорошая штука, надо попросить у леди Крыски этого снадобья про запас. И вина... Проклятье, Моравянка, я женился бы на Ясне, ни минуты не раздумывая, если бы она в приданое свои погреба предложила.

– Она бургомистра любит, – наябедничала я не без удовольствия. – Его готова в вине хоть купать. А ты пьяница, ни одна девушка за тебя замуж не пойдет.

– А вот давай спросим? Вельможные панны, – заорал Марек во всю глотку на многолюдной Княжей улице, – если между мною и господином Килером выбирать, вы за кого?

Мнения разделились, в обсуждении приняли участие не только девицы, но и замужние пани и большинство мужчин. Последние, к моему удовольствию, выступали на стороне бургомистра. Вездесущий пан Рышард и сам бы за пана Килера сходил, если бы имел нужный пол и не имел рядом пани Рышардовой. Уточнения последовали только после супружеской увесистой оплеухи.

Я тоже отвесила затрещину, только Мареку:

– Идем домой, жених, твоими стараниями сегодня в трактире гостей будет...

Марек пообещал, что отомстит, отдохнет и отомстит драчунье-Адельке. Я расхохоталась. В те моменты, когда удавалось забыть, какие именно чувства ко мне испытывает черноглазый чародей, мне было с ним очень здорово, весело, бесшабашно. Как будто Моравянке лет десять от роду, и у нее настоящий приятель есть, партнер по детским проказам. Только ничего этого не было.

Петрусь вывалил на стойку целый мешок талеров, они с Госей стали их считать, какие-то селянки сновали с этажа на этаж, на втором работали плотники. Марек отобрал у меня сковородку, поставил на плиту:

– Видишь, без нас разберутся, пошли спать. А давай вместе? Не то чтобы я жаловался, но моя кровать слишком короткая для человека нормального роста. На цвергов ее делали? Нет, для ребенка. Да, кто-то говорил, что это детская комната. Что, Моравянка, материнский инстинкт проснулся? Я заметил. Значит, предлагаю так: я переезжаю к тебе, в мою комнату Олеся поселим с грудастой кормилицей... Что? Ясна тебе фаханчика не отдаст? Мы ее спрашивать не будем. Ну чего ты, право слово, одна в своих апартаментах кукуешь? Вдвоем веселей. Обещаю на честь твою девичью не покушаться и с поцелуями не приставать. В губы точно нет. Что значит: помнишь? Я объяснял? И ты поверила? Ну да, правда, как смерть. Но, во-первых, я привыкну, может, не сразу, а во-вторых... Проклятье, как же ты пахнешь!

Свою дверь я захлопнула перед длинным чародейским носом, сказала теткам:

– Потом, все потом...

И отправилась спать, как оказалось, сразу не замолчав. Теперь вот пожинала горькие плоды собственного красноречия. Слушала, зажмурившись, стыдилась, хотела пить и уединиться в ванной. Когда поток ругани стал иссякать, зевнула и приоткрыла один глаз. Фигуры тетушек виднелись на фоне окна.

– Ладно, Гражиночка, не хочет девочка замуж, не надо. Без любви оно как-то неправильно.

– Да рушится ведь все, Рузечка. Как лавина с гор сошла, трудность за трудностью. А все чернявый Марек виноват, не явись он в Лимбург...

– Пан Килер и раньше Адичкой интересовался. Я думала, влюбился.

– А я тебе говорила: унюхал волшебный запах нашей девочки.

Осторожно спустившись с кровати, я отправилась в ванную, отвернула завитушку крана, приникла к струе. Гражина басовито бухтела на пороге:

– Идея женить бургомистра на секретарше посетила Адичку кстати. Этого браком обезопасим, на другого – амулет наденем.

Рузя возражала:

– Если бы, получив браслет, Марек нашей девочке подчинился, все стало бы замечательно. А так... Ну кого когда из их князей жены останавливали? Скажешь, Килер благородный, прикажет чародею Адичку не трогать?

Я закончила неотложные дела, разделась и встала под душ. Тетки, услышав звук струй, появились в ванной.

– Вот что думаю, Адичка, – Рузя присела на табурет, – нужно амулет подчинения с тобою связать, заклинанием.

– Пан Килер мне его не скажет. – Душистое мыло пенилось в волосах, горячая вода смывала грязь и слабость. – Поэтому...

Я выключила душ и обернулась в полотенце:

– Поэтому, дорогие родственницы, браслета на Марека я не надену. Вы, тетечка Рузечка, правы. Надежда на благородство фахана с нашей стороны станет непростительной глупостью.

Гражина трубно вздохнула:

– Что ж теперь – ждать, каждую минуту опасаясь каверз от нашего работника?

– Придется. Вы, тетечка, за ним присмотрите. А еще неплохо будет, если сможете, сквозь сон парню нужные мысли внушите: «Уходи, Марек, из Лимбурга, лет через сорок вернешься, когда Моравянка состарится. Что чародеям время? Ничто. Мир посмотришь, попутешествуешь, а после старушка Адель артритными пальцами сама тебе свою жилу откроет». Все в таком роде. Накануне Медоточия я это Мареку и сама скажу.

– А если не уйдет? Ты позволишь нам с Рузей его убить?

– Не позволю, – ответила я твердо и пошла одеваться.

Крахмальная блузка приятно холодила кожу, жилет плотно охватил талию, юбок было три, синяя в складку верхняя и две шелковых нижних. От пышности наряда мне показалось, что из зеркала на меня смотрит благородная пани, я даже присела в реверансе.

– Нужные мысли, это, конечно, хорошо, – прошептала Рузя. – Но заклинание будет надежней.

Я обернулась, чтоб повторить о нежелании бургомистра мне это треклятое заклинание сообщать, но замерла с открытым ртом, тетушка хихикнула, трясая завитыми локонами:

– Да, Адичка, оно у меня есть. Прекрасное, скомпонованное из нескольких, найденных в умных чародейских книгах. Все, что к нему требуется: узнать настоящее имя нашего черноглазого.

Радость моя лопнула, как мыльный пузырек:

– Даже Марек его не помнит.

– Зато бургомистр, скорее всего, прекрасно его знает, – сказала Гражина. – Килера заморочь, улыбнись, позволь приобнять...

– Поцелуй, – поддакнула Рузя. – После лобзания ни один мужчина перед тобой не устоит. Противно? Потерпишь.

Я смущенно сообщила, что с некоторых пор прикосновения Карла не вызывают во мне отвращения, и что, пожалуй, поцелуй не будет неприятен. Тетки обрадовались.

– Наконец ледяная статуя Аделька таять начала, – хохотнула Гражина. – Даже догадываюсь, кто в костер страсти дров подбросил. Марек. Кстати, Адичка, я еще вот что попробую: когда парень заснет, нашепчу, чтоб имя вспоминал, мысли на это направлю. Знаешь, как бывает, бессознательно чего только из глубин памяти не вылезает. А

браслетик-то из поленницы забери, пусть здесь лежит, под Рузиным присмотром.

Я выглянула в темноту за окном:

– После закрытия принесу, когда гости разойдутся.

И отправилась исполнять свои обязанности хозяйки трактира.

Зала была почти пуста, народ столпился снаружи, как и вчера, кольцо вокруг крыльца, очередь сельских девиц, Марек в драной на плече рубахе.

У него другой одежды нет? Нужно завтра же смену заказать или тетечку Рузю попросить?

– Чего там? – спросила Гражина над плечом. – Мне отсюда не видно.

– Пан чародей поцелуями за работу рассчитывается, – фыркнула я вполголоса.

– Не поцелуями, – возразила Гося. – Сегодня деньгами, девки-то на другое губы раскатали, только пан Марек сказал, что его невеста, вы, то есть панна-хозяйка, ему с посторонними женщинами лобзаться запретили. Петрик горсть бургомистровых талеров на четвертинки специально выменял.

Я вытянула шею. В очереди действительно не целовались и, судя по недовольным девичьим личикам, четвертаки радости доставляли гораздо меньше, чем могли бы бесплатные поцелуи чародея. Расчет закончился, я отошла к стойке, освобождая дорогу возвращающимся в трактир гостям. Меня приветствовали, поздравляли с удачной охотой и ладным женишком. Тот вошел одним из последних, за ним хромал незнакомый мужчина, пожилой, с длинными седыми волосами, крючковатым носом и яркими голубыми глазами.

Марек остановился в центре залы, хлопнул в ладоши, привлекая внимание:

– Дорогие гости, прошу любить и жаловать, это пан Шпильман – бродячий миннезингер, явился в Лимбург на праздник Медоточия. Сегодня он дает единственный незабываемый концерт в «Золотой сковородке».

Миннезингер раскланялся, достал из-за плеча инструмент, ротту с блестящими струнами, сел на подставленный Марекон табурет. Музыка была привычной, тарифской, гости подхватили песню с первых аккордов.

Чернявый ущипнул Госю, чтоб спешила с заказами, кивнул Петрику и вразвалочку подошел ко мне:

– Шпильмана на втором этаже поселим, уговорились бесплатно, вроде как за работу, чаевые ему.

– Экий ты быстрый!

– А чего тянуть? Развлекать публику после вчерашнего я, прости, не в состоянии. Тем более сегодня работаем в минус.

– Имя свое помнишь? – спросила Гражина осторожно.

Марек вздрогнул, хотя слышать ее не мог, тряхнул головой:

– Что?

– Говорю, – хмыкнула я, – что твоими стараниями в минус сегодня обслуживаем. Зачем бесплатное угощение обещал?

Чародей помолчал, послушал песню Шпильмана, голос у того был хороший, в ноты попадал.

– Не бойся, Аделька, сегодняшняя недоприбыль нам с горкой вернется. Что же касается имени, я точно слышал, ты о нем меня спрашивала, то его я в один прекрасный момент обязательно вспомню.

«Ну да, прекрасный. В момент, когда моя кровь будет стекать по твоему подбородку», – подумала я, награждая неосторожную тетечку гневным взглядом.

Марек моих кривляний не заметил, пялился в вырез крахмальной блузки, велел сесть за столик бургомистра и украшать вечер своими прелестями.

– Ступай, Аделька, я после присоединюсь. От визита пана Килера мы, судя по всему, на сегодня избавлены. Госька тебе попить принесет.

– Не вина, – предупредила я, – простой воды.

Гражина шепотом это решение одобрила. В этот раз Марек не вздрогнул, но плечи его напряглись. Когда он проводил меня к столику и ушел, я пробормотала:

– Он вас слышит, тетечка, абсолютно точно слышит.

Гося поставила передо мной хрустальный графин в проволочной оплетке, бокал, я кивком поблагодарила, провела пальцем по металлу. А если он Гражину слышит, значит, мог и того призрака в лесу. Убийцу Ласло.

– Тетечка, – шепнула я возбужденно, – не могли бы вы Рузечку попросить обыскать детскую? Не помню, рассказывала ли я вам про

золотые чешуйки, которые после превращения волшебного оленя остались...

Оказалось, что говорила, и Гражина, к чему я веду, немедленно поняла. Она вернулась довольно быстро, пан Шпильман успел спеть только две песни.

– Кусок золота, – отчиталась тетка, – с ноготь большого пальца величиной. Марек его и не прятал особо, на столике рядом с гребнем для волос чешуйка лежит. Рузечка спрашивает, может, заразу эту в клозетный сток бросить?

– Не нужно, оставьте все как было. Может, Марек больше одной прихватил. Пусть пока думает, что я ни о чем не догадалась.

– Рузечка говорит, что если эту заразу в порошок измолоть и в еду подсыпать, у того, кто откушает, кровь горлом пойдет.

– Знаю.

– Ничего из рук чародея не бери, – велела Гражина. – Даже воду. В ванной будешь пить из-под крана, за закрытыми дверями.

Я пообещала, а тетке сказала, чтобы отправлялась к сестре. Она послушалась, скоро рядом со мной за столик присел чародей, отмахнулся от Гози:

– Ничего не нужно. – Налил воды из графина, выпил, кисло мне сообщил: – С вином действительно притормозим. Не то чтобы я боялся пьянчужкой в городе прослыть, но, раз жениться на панне-владелице заветных погребов не получится, приходится экономить.

– Не опускай руки, прояви свое мужское обаяние, очаруй Ясну и, может, она с ключом от сердца вручит тебе и другой, от погребов.

– Ты удивительная женщина, Аделька, – протянул мне Марек бокал, в котором плескалось на доньшке. – Всю жизнь в глуши живешь, а речь правильная, богатая даже.

Воду я допила: если чародей ее отхлебывал, то и мне безопасно. Марек ответов не ждал, продолжал болтать:

– Что же касается нашей панны Крыски, даже если я ее соблазню, что, уверен, не так и сложно, жениться на ней не получится. Для брачного обряда настоящее имя надо, то самое, которое я забыл.

Ну да, так положено. У алтаря жених с невестой произносят полные имена друг друга. Иногда смешно получается. В прошлом году, когда прачка Елка за пана Михася шла, они торжественно прокричали: Миханопулус и Елкипаклия. Целовались уже под хохот толпы. Потому

что одно дело, как тебя родня и соседи прозывают, другое – каким именем волшебная пани фея наградила. Они ведь, как всем известно, те еще забавницы. Из книг я знала, что в прочих государствах красноволосяе пани поскромнее себя ведут. У нас же в Тарифе... Эх...

Я глубоко вздохнула и поняла, что совершенно потеряла нить марекового монолога:

– Чего ты там раскрыл?

Он взял мою руку и провел по ладони подушечкой большого пальца, как совсем недавно делал пан Килер.

– Вот это, Аделька. Я твою чувственность раскрыл, понимаешь? Думаешь, не заметно было, как ты на площади к фахану льнула? Вчера едва робкие прикосновения его вельможности терпела, а сегодня... – Я выдернула руку, Марек криво улыбнулся. – Мой поцелуй тебя возбудил, растопил ледяные оковы, в которых ты пребывала. А это значит... значит...

Черные как ночь глаза остановились на моих губах:

– Воспользоваться плодами своих трудов я никому не позволю.

Тут его отвлек один из гостей, попросив рассказать об охоте на златорогого оборотня. Я вдохнула, выдохнула, ущипнула себя над коленом. Морок он, а не Марек! Глупостями своими так заморозил, что я как дышать забыла. Пан Шпильман как раз отдыхал, и чародей пошел к стойке, взгромоздился на нее и около получаса вдохновенно врал.

– Адичка, – встревоженный шепот Гражинки был едва слышен, – беда. Рузечка в календарь поглядела, мы с лунными циклами ошиблись.

Мой организм как будто ждал этих слов, живот болезненно скрутило, на лбу выступила испарина. Те самые дни, женские, опасные.

Я вскочила, поймала за передник растрепанную Госю:

– До послезавтра меня в трактире не будет, захворала.

Девушка кивнула, ей моя таинственная хворь была привычна:

– Мы с хлопцами со всем справимся, ступайте, панна-хозяйка.

– Какое счастье, что Госька за Анджеем не ушла, – басила тетка, когда я взбегала по лестнице. – Надо все-таки придумать, кого ей в женихи подобрать, чтоб...

Шкатулка, амулет! Я не успела его забрать! Неважно, это как раз подождет. Все подождет. Я захлопнула дверь своих покоев, повернула ключ, набросила засовы, придвинула к порогу комод. Рузя стучала ножками впереди, расчищая дорогу:

– Быстрее, Адичка, чудом успели. Это я виновата, неправильно эллипс черной луны заложила.

Приблуд не было, ни одной, кажется... Голосок тетки пропал, отсеченный прозрачной хрустальной мембраной моего тайного места. Ни звука, ни ветерка, только два силуэта снаружи. Гражина прижалась лицом к стеклу, я погладила сквозь преграду синюю щеку:

– Спасибо, тетечки. Что бы я без вас делала?..

Мои драгоценные родственницы, два неупокоенных духа. Познакомились мы так. Юная Аделька, действительно юная, только ходить научилась, отправилась трактирные закоулки исследовать. Тогда дом казался мне огромным и полным тайн. На чердаке я их и нашла, и тайны, и теток. Довольно долго не понимала, с кем именно подружилась, мне тогда без разницы было – живой, мертвый или приблуда. Если напасть пытается, верещу в голос, матушка из трактира прибегает и развоплощает опасность. Но эти призраки оказались безвредными. Кто они, откуда, покойницы не знали. Имена им Морава придумала, уже после того, как позволила остаться, специально со звуком «р», чтоб я побыстрее картавить разучилась.

– Бывает, что неупокойники за сильными артефактами увязываются, – объяснила мама, когда обнаружила меня на чердаке в компании с новыми подружками. – Артефактов у нас с тобой два, вот и призраков парочка. Вдруг у пана нашего Спящего на них свои особые планы? Если так, настанет нужное время, и все решится само собой.

А пока нужное время не наступило, тетки проводили свою послежизнь с нами и пытались быть полезными. Рузя ловко управлялась с иглой и ниткой, могла отыскать в фолиантах любую информацию, составить заклинание, сварить зелье. В отличие от Гражины, Рузечка имела некоторое телесное воплощение – скелет, остатки седых волос, кружевную сорочку, похожую на саван. Гражина была эфемерна, кроме меня с матушкой ее никто обычно видеть не мог. Огромное раздутое тело утопленницы, синюшное, бесформенное. Наверное, это смотрелось страшновато, но я привыкла. Чего не скажешь о тех немногих незадачливых воришках, которые пытались

проникнуть в трактир. Тем Гражина показывалась с ошеломительным эффектом. Ранняя седина, заикание, недержание мочи – вот небольшой список последствий для злоумышленников.

Из дома тетушки выходить не могли, Рузя вообще была ограничена в перемещениях по комнатам третьего этажа; наверное, это было как-то связано с близостью нашего второго артефакта. Первым была золотая сковородка. Мама говорила, что полезные вещи ей отдали вельможные феи, чтобы защитить излишне щедро одаренного ими ребенка, меня то есть. И, видит Спящий, без этих предметов я бы до своих теперешних лет не дожила.

Из-за теток мы не могли нанимать на работу в трактире семейные пары. Дети, как известно, прозорливее взрослых. Однажды (я сама этого, конечно, не видела, матушка рассказала) пани Богуслава, мясничиха, явилась к нам за пьяненьким мужем с Франчишкой на руках, девочка увидела Гражину, сидящую на перилах лестницы. Детский припадок списали на сглаз, но Морава причину его поняла прекрасно и решила – никаких детей в трактире больше не будет.

Фигуры теток за хрустальной крышкой истаяли, все исчезло, панна Моравянка – Берегиня вольного города Лимбурга – погрузилась в сон. Тело мое лежало в хрустальном гробу, нашем втором артефакте, установленном под самой крышей трактира. Матушка специально нанимала пришлых работников, чтобы выложили балки полой пирамидой и потом об этом не болтали. Здесь я проводила несколько дней в месяц с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Тело погружалось в сон, дух же блуждал в радужном тумане. Хода времени я не ощущала, мыслей особых никогда не было. Раньше. В этот раз их оказалось в избытке, мыслей. Жарких, неприличных. Про губы и руки, и прочие мужские части. Чувственность он во мне раскрыл, балабол. Время просто такое пришло, я знаю, читала. Да, у других женщин оно раньше, чем в двадцать три года наступает, ну так и я особенная. Чудовище...

– Адичка, деточка, проснись, – звала меня Рузя.

Я открыла глаза и села, опершись руками о хрустальные бортики, крышку тетечка успела открыть.

– Сколько времени прошло?

– Пять дней, четыре ночи. – Рузя помогла мне выбраться. – В этот раз дольше, чем обычно.

Босые ноги ощутили шершавость досок, я перебросила на грудь отросшие до щиколоток волосы, скрутила их в жгут, тетка щелкнула ножницами, я бросила темную косицу в гроб. Мы посмотрели, как пряди в нем растворяются. Так было положено. В процессе сна хрустальная коробка поглощала мою опасность и всю одежду, а после закусывала волосами. Сейчас я стояла перед ней абсолютно голой и волшебно чистой. За чердачным окошком обе луны перемигивались на ночном небе.

Я расспросила Рузю, не случилось ли чего подозрительного, не шалили ли приبلуды, не поднимались ли умертвия. Но город жил подготовкой к празднику, даже зло по этому поводу затаилось.

– Гражиночка подсматривала, – отчитывалась тетка, когда мы спускались по веревочной лесенке в комнату, – в трактире все в порядке.

Марек за прошедшее время проявил чудеса дипломатии и оборотистости. Отправился на площадь встречать прибывающих в город гостей и притащил в трактир семейство доманского купца по фамилии Диего. Сам купец, супруга, двое взрослых дочерей, женихи последних, десяток слуг. Все комнаты второго этажа оказались заняты. Повар? Теперь на нашей кухне трудилась пани Марта, вдова кузнеца из Застолбенек, с тринадцатилетней дочерью Мартусей в качестве поваренка.

– В пристройке поселились, – тараторила тетушка, помогая мне с волосами, – хорошая женщина, чистоплотная, девчонка бойкая. Марек у них в доме ночевал по дороге в Лимбург... Нет, пока только на время праздника наняли, после решим, нужен ли в трактире постоянный повар. Но, кажется, Адичка, пригодится. Например, сегодня на завтрак лесорубы пришлые заглянули, перед работой горячего чего-нибудь перехватить.

Мой желудок заурчал, он тоже хотел чего-нибудь существенного. Сейчас спущусь на кухню, поем. Нет, я неправильно оделась, в домашнее. Рузечка почему-то мне шелковый халат подала с кушаком.

– Марек имя свое вспомнил?

Гражина возникла в центре комнаты:

– Он даже не старается, балбес чернявый. Я изо всех сил его на нужные мысли наталкиваю, шепчу...

– И сюда ворваться ни разу не пытался?

Тетки переглянулись и пожали плечами, костяшки Рузи щелкнули, соприкоснувшись. Я напряглась, мне явно что-то недоговаривали, попыталась поочередно заглянуть в лица родственниц, те отворачивались.

– Что здесь произошло?

Мои глаза скользили по привычной обстановке. Все как обычно? Все, да не все... Мужская рубаша лежала на подлокотнике кресла. Шелковая мужская рубаша!

– В ту же ночь вломился, – прошептала Рузя, – Петрик дверь вышиб и...

Она всхлипнула, как будто могла плакать. Гражина меняла цвет из голубого с синюшно-черный и обратно:

– Что мы могли? Ну, Петрика я шуганула, ну свалился хлопец без чувств, все равно... Теперь кошмары у него, а на закате блюдец с молоком для меня в коридоре ставит, дурачок запуганный. Нет, его Марек в покои не допустил.

– А сам на твоей постели спит. – Рузя аккуратно сложила рубашу. – Со сковородкой под подушкой.

– Но мне это, Адичка, не мешает ему сквозь сон правильные мысли нашептывать, – похвасталась Гражина. – Нас-то Марек узреть не смог, Рузька в шкаф спряталась, а я...

Тетка мерцала, то становясь полностью прозрачной, то обретая обильные свои формы. Не рассмотрел, это хорошо.

Дрожащими пальцами я стала развязывать кушак.

– Нет, Адичка, – остановила меня Рузя, – дверь снаружи заперта.

– Он, – дернула я узел, – мне не хозяин! Много этот мерзавец здесь рассмотреть успел?

– Все, – признались тетки, – в каждый уголок заглянул, стены с полами простучал. Хрустальный гроб обнюхал даже.

– Хорошая работа, сказал, – басила Гражина, – ничегошеньки наружу не пахнет.

Представив, как чернявый смотрит на меня голую под крышкой, я бессильно заскрипела зубами.

– Успокойся, Адичка, присядь. Не время скандалить, подумай лучше, как шкатулку из поленницы достать.

Я плюхнулась на постель:

– А толку? Имени мы не знаем...

Рузя присела рядом, сложила костяшки ручек на коленях:

– Придется тебе, Моравянка, пану Килеру сдаваться. Других вариантов не вижу.

Мне и этот представлялся сомнительным. Я заперта в своих покоях без связи с внешним миром. Сама виновата, пустила в дом мерзавца, позволила хозяйничать. Правду о чародеях говорят, дашь палец, откусит руку. От тебя, Моравянка, чернявый и крошки не оставит.

Я спросила о бургомистре. Сам пан Килер нас не посещал. В Лимбург начали прибывать сановные его гости, Карл был занят с ними, а панне Ясне работники сообщили, что хозяйка мигренями мучается. Но если я и на Медоточии не появлюсь...

– Чего? – перебила я. – Этот нахал меня до конца праздника под замком держать собирается?

– Похоже, – вздохнули тетки.

– Ему сказали, что камни только меня ждут?

– Разумеется, Гося с Петриком не преминули, но на это чародей ответил, что перетопчутся, что пусть в этот раз другая лимбургская девица обряд совершит. Потому как Моравянка слишком добрая, жители и забыли, от какой напасти она город бережет. Вот сказал, пусть вспомнят.

– Секретарша два раза кошели в трактир приносила, за того бешеного кабана, что ты на темное полнолуние упокоила, и за стригоев, – сообщила Гражина. – Пан Килер все бумаги свои по нечисти поднял, выяснил, где твоя работа была. Марек у Ясны деньги взял под расписку. Нет, ты, Адичка, плохого не думай, в сундук спрятал под туалетным столиком.

Я даже проверять не стала. Подумаешь, талеры. В детстве тетки по очереди читали мне волшебные сказки про прекрасных златовласок, заточенных драконами, про рыцарей-спасителей. Я сейчас была как та златовласка, в башне с сокровищами и с Марек-драконом. Вся надежда на принца. Настоящего принца фаханов.

Мы с тетками сидели в спальне, прислушиваясь к затихающему трактирному шуму. Пан Шпильман, чей «единственный концерт» стал ежевечерним, закончил выступление, кто-то поднимался по лестнице, переговариваясь по-иностранному, хлопали двери и створки окон.

Марек прощался на улице с паном Рышардом, тот, кажется, нынче опять перебрал.

«Ладно, – спокойно размышляла я, – битва проиграна. Враг захватил мои позиции и празднует победу. Но один бой – еще не война. Нужно отступить и перегруппироваться. Вариант первый: вернуться в хрустальный гроб и лежать в нем, пока все как-нибудь не устроится. Но тогда придется пропустить Медоточие, да и тетки... Вариант два: вылезти через окно третьего этажа и бежать к бургомистру, пусть Карл просит для меня защиты вышних сфер. Только есть ли этим сферам дело до лимбургской трактирщицы? И рискнет ли фахан своим положением ради меня? Его интерес каков? Ну, кроме невероятного желания моё тело понакусывать? Сентиментальная Рузечка всегда вмешивает в сделки любовь, только ею тут не пахнет. Пахнет мною, и вполне аппетитно. Предположим, прибежала я к бургомистру в хоромы. Там гости сановные из столиц...»

– Марек идет сюда, – испуганный басок растворился в темном уголке спальни. – Рузечка, прячься.

Под скрип дверцы шкафа, в который юркнула другая тетка, я села прямо на постели.

– Волшебный сон освежил мою драгоценную хозяйку, – протянул чародей, появляясь в дверях.

Он исполнил нечто вроде поклона, отведя в сторону руку со сковородкой. Осторожный какой мерзавец! Артефакт даже прихватил. От меня отбиваться или все же о тетках подозревает?

– Итак, – я забросила ногу на ногу, качнула носком парчовой туфли в разрезе халата, – чего ты хочешь?

– Сейчас? – Марек улыбнулся. – Только спать, я, знаешь ли, исхлопотался во благо процветания твоего заведения.

Он шагнул к кровати, но замер под моим тяжелым взглядом.

– Не находишь, – я скрестила на груди руки, рукава халата скользнули, обнажая локти, – что это удобнее делать в твоей комнате?

– Не удобнее, поверь. Детская кровать мне слишком коротка, для умывания приходится тащиться фахан знает куда. Брось, Адель, я смиренный сосед, не брыкаюсь во сне и, кажется, не храплю.

– Адичка, – прошептала невидимая Гражина, – корпус-то расслабь, заметно, что ты для броска приготовилась...

Дверца шкафа бесшумно приоткрылась, Рузя медленно покачивалась в приседе. Драгоценные мои опытные тетушки. Да, скоро будем драться.

– Смирись, Моравянка. – Марек положил сковороду на кресло. – Петрик запер на ключ дверь покоев снаружи, получил приказ открыть нас утром...

Он приблизился, сел на краешек кровати (я с нее немедленно вскочила), наклонился, стягивая сапоги. Осторожный? Да нет, обыкновенный болван.

– Завтра, милая, все завтра... Я так устал...

Сковорода опустилась на чернявую макушку со звонким бумом, Марек упал на постель.

– Отдохни, песья дрянь! – сказала я бесчувственному телу и, отложив оружие, развязала свой кушак. – Рузечка, давайте все пояса, какие найдутся. Гражиночка, посмотрите, что делает Петрик, он мне потом понадобится.

– Адичка, – маленькая тетка выбралась из шкафа, затопала в гардеробную, вынесла ворох одежды, – боюсь, хлопец испугается и не сможет нам ключ поднести.

– Так мне ему показаться надо? – переспросила успевшая вернуться тетка большая.

– Нет, нет, – мы с Рузей в четыре руки привязывали чародея к столбикам кровати, как безумные алхимики лягушку для опытов. – Ключ у этого. Вы же сами говорили, он сам по лестнице поднимался.

Полы халата взметнулись демонскими крыльями, когда я запрыгнула на постель.

– Петрик мне для другого нужен. Он где?

– На кухне. – Тетка внимательно смотрела, как я обшариваю ладонями мужское тело в поисках ключа. – Ты осторожней елозь, Адичка. Чешуйка из детской пропала, вдруг чародей ее на себе прячет.

Чешуйки я не нашла, а ключ обнаружился в крошечном поясном кармашке штанов.

– Про золотинку мы Марека потом спросим, сначала нужно браслет на него надеть. Вы, тетечки, пока здесь за всем присмотрите. И поосторожнее: пана Килера, наверное, придется в спальню допустить.

Проверив еще раз тугие узлы, убедившись, что чародей пока без сознания, и засунув ему в рот первую попавшуюся тряпицу, чтоб не стал орать, я вышла из покоев.

Столы в трактирном зале были передвинуты к стенам, перила лестницы украсили флагами и цветочными гирляндами. Чисто, нарядно. Оторвав Петрика от поздней трапезы на кухне и сообщив, что уже здорова, я велела ему немедленно отправляться к бургомистру:

– Скажешь пану Килеру: Моравянка зовет. Ну и что, если спит? Пошумишь, разбудишь. Ничего не случилось, все в порядке. Не твоего ума дело – зачем. Ступай и без бургомистра не возвращайся.

Он что-то пытался возражать, ссылаясь на приказы Марека, но я прикрикнула, топнула ногой:

– Исполнять, болван! Или ищи себе другую работу!

Петрик нахлобучил на голову шляпу и ушел. Мне пришлось еще успокаивать выглянувшую на голоса Гося, знакомиться с новой поварихой, тоже появившейся на кухне. Обычная деревенская баба, полная, круглолицая, лет сорока или за сорок.

– Мясник с заказами не справляется, – сообщила Марта, – пан Марек велел завтра на завтрак рыбу жарить.

Осмотрев потрошенные тушки в тазу, я одобрила заготовки:

– Головы лучше на суп пустить, добавьте корень петрушки, морковь, немного картофеля.

– И клецки, – подсказала Гося.

Повариха многословно поведала, что без наших советов вполне проживет, и предложила Гесе своими клецками хоть подавиться, потому что они, как любой хозяйке известно...

Когда я вернулась с хозяйственного двора со шкатулкой под мышкой, скандал как раз был в разгаре. Женщины орали друг на друга, в выражениях не стесняясь. Я немного послушала, нашла прикрытый полотенцем холодный мясной пирог, угостилась им, решила, что пирог хорош, а Марта действительно прекрасная повариха, велела всем замолчать и веско сказала:

– Вы, пани Марта, отныне на трактирной кухне хозяйка, и никто, кроме меня, вам не указ. Ты же, Госечка, назначаешься главной по гостям, на тебе – зала, а Марек и Петрик – в подчинении.

Ход оказался крайне удачным, девушка приосанилась, повариха вернула на место скалку, которой размахивала. Мы обсудили

завтрашнее меню и пожелали друг другу спокойной ночи. Работницы отправились досыпать, я, прихватив с собой кусок пирога на дорожку, пошла к себе.

Как замечательно, что можно есть без опаски. И плохо, что чего-нибудь запить с собой не прихватила. Сидра, например. Надену на чародея браслет, после из-под крана напьюсь.

Я поднималась по темной лестнице, миновала второй этаж, шкатулка была небольшой и совсем легкой, полированное дерево приятно пахло. Сандал? Свернув к последнему пролету, я замерла. Туманная бледная фигура парила в нескольких шагах от меня. Призрак? Где моя сковородка? Так в спальне осталась. Домашние туфельки были без задников, при каждом шаге каблук могли стукнуть по ступеням. Я разулась и продолжила подъем на цыпочках, держа в одной руке шкатулку, в другой – туфли. Фигура приблизилась, но не потому, что плыла навстречу, наоборот – мы двигались одним и тем же маршрутом, только я чуть быстрее, и оказалась не привидением, а полуголой, то есть облаченной в одну ночную сорочку, черноволосой панной. Смоляные кудри блестели в лунном свете, и полуобнаженные плечи от них в плане блеска не отставали. Девушка осторожно крадась, прислушиваясь, но на меня ни разу не обернулась. У двери детской помедлила, а когда я шепотом спросила: «Вы кто?» – лишилась чувств.

«Песья дрянь!» – подумала я, опускаясь на колени. Панна оказалась молоденькой и не особо хорошенькой, тонкие губы, нос крючком. Я похлопала по смуглым щечкам.

– Ты, Адичка, ее туфлями отходила? – спросила Гражина, появившись на лестничной площадке.

Обувь стояла у головы бесчувственной девушки рядом со шкатулкой. Я фыркнула:

– Сама в обморок брякнулась. Это вообще кто?

– Так дочурка нашего постояльца Диего – Алондра или Костондия, я их не различаю особо. – Тетка склонилась над нами, рассматривая личико панны. – Скорее Алондра, она постарше, опять же, знаки внимания Марекку именно она оказывала... Значит, получается, пришла знаки свои подтверждать?

– Чего? – Я хлестнула посильнее.

– Не злись, Адичка, еще следы останутся.

Мы синхронно оглянулись, на втором этаже скрипнула дверь, мужской голос что-то негромко спросил, кроме «Алондра» не удалось разобрать ни словечка.

– Жених, – испугалась тетка, – он у девицы ревнивый.

Другой мужской голос из-за двери моих покоев выражался даже непонятнее. Пан Марек, кажется, пришел в себя, и кляп мой оказался кстати.

Распрямившись, я быстро обулась и повернулась к лестнице, по которой ко мне поднимался господинчик средних лет.

Господинчик был в ночной сорочке до пят, на голове его красовался ночной колпак, в руке ночник. Нет, точно не жених, батюшка смуглой сластолюбивы.

– Доброй ночи, пан Диего, – сказала я приветливо, когда ночник осветил носки моих туфель. – Позвольте представиться, Моравянка, хозяйка этого трактира.

Луч света пополз вверх по халату, остановился на груди. Так вот в кого наша Алондра в стремлениях своих неприличных пошла. В родителя.

Наклонившись, чтоб осветить лицо, я широко улыбнулась:

– Вечер, говорю, добрый, пан Диего!

Произнесла я это погромче, чуть не по слогам, чтоб, значит, поняли. Увы, не только не уразумели, ну и ответили не по-тарифски. Вот ведь незадача. Пришлось отбирать у постояльца фонарь, подносить его к бесчувственной Алондре:

– Ваша пропажа, вельможный пан? Так подберите, а то простынет еще на сквозняке.

Девица пана Диего отчего-то не заинтересовала, он безостановочно тархтел, кажется, стихи, я, решив, что обязанности хозяйки исполнила, поставила на пол фонарь, взяла шкатулку и, присев напоследок в реверансе, ушла к себе.

Марек извивался на кровати, мычал, из его рта торчали кружевные оборки. Только сейчас я опознала используемый в качестве кляпа предмет. Нижнее белье, а точнее, дамские панталончики, мои любимые, но все равно неловко. Я густо покраснела и жалобно посмотрела на Рузечку, та пожала плечиками и прикрыла за собой двери шкафа. Все правильно, скоро в покоях появятся посторонние, да

и Мареку ей на глаза показываться не стоит. Прозрачная Гражина была подле меня, я ощущала холодок ее присутствия.

Марек притих, выпучил глаза, наблюдая, как я открываю шкатулку. Снаружи доносились негромкие голоса, наверное, купец призвал на помощь слуг. Амулет оказался широким браслетом, кованная золотая пластина, украшенная орнаментом, изогнутая под размер человеческого запястья. Непонятно было, как он расстегивается. Может, нужно сквозь него ладонь просунуть? Попробовать на себе я не стала. Чародей дышал носом, но больше не стонал.

– Ну нет у меня другого выхода, – вздохнула я виновато, – слишком ты, Марек, властный мужчина оказался, порядки свои в трактире заводишь, меня запереть пытаешься. И если за порядки я даже признательна, то насилие последней каплей стало. Это, – я подняла браслет, – артефакт подчинения, сейчас его на тебя надену, а Карл заклинание произнесет...

– Папенька тоже явился, – шепнула Гражина, – скандал, скандалище...

«Что значит тоже?» – удивилась я, осторожно приблизилась к изголовью кровати и попыталась просунуть смуглую руку чародея в золотое кольцо, он сопротивлялся, растопыривал пальцы, больно ущипнул меня за мякоть ладони.

На лестнице громко рыдала женщина.

– Ты все не так понял, говорит, – перевела тетка. – А он ей...

Марек крутанул запястьем, выбивая артефакт, я выругалась, опустилась на четвереньки и поползла под кровать:

– Песья дрянь!

Гражина, подлетев к шкафу, смачно, но негромко пересказывала Рузе подробности скандала. Пан Руфус – жених пожилой, даже папеньки алондрового постарше, но ревнивый – страсть. Такие взгляды гневные бросал, когда невеста нашему чернявому куры строила, а уж когда застукал...

Вот всегда они так, у нас тут артефакт подчинения, вышнее колдовство, а моих теток больше любовные истории занимают.

Браслет обнаружился за дальней кроватьной ножкой, я вылезла с ним с другой стороны и с удовольствием обнаружила, что от удара об

пол кольцо разомкнулось. Марек, когда увидел, что я опять нацелилась на его привязанную конечность, забился пойманной рыбешкой.

– Прости, пожалуйста, прости...

– Адичка! – ахнула Гражина. – Беда! Доманцы дверь в покои вышибают.

Я быстро защелкнула артефакт на запястье чародея и побежала наружу. Слуги купца оказались хлопцами рослыми, пришлось поднапрячься, чтоб вытолкать их за порог.

– Прощения просим, – низко поклонилась я, закрывая за спиной дверь. – По какому праву...

Меня не понимали! На лестничной клетке толпилось человек десять или больше. В основном доманцы. Пан Руфус при моем появлении приосанился, одарил страстным взглядом. Только вот этого сейчас не хватает! От разноголосого лопотания я немного растерялась, переводила взгляд с лица на лицо. Ни словечка не понятно. Тетушка Гражина, почему вы меня иностранным языкам не обучили?

Трактир тряхнуло, как при землетрясении, доски пола ушли из-под ног, я покачнулась, чтоб не упасть, схватилась за чью-то руку. Пальцы скользнули по золотому браслету. Марек?

Чародей был бос и растрепан. Когда толчки успокоились, он меня отпустил и с глумливой улыбкой протянул кружевные панталончики:

– Кажется, по прямому назначению эту вещицу использовать уже не удастся.

Изгрыз и обслюнявил, конечно не удастся. Покраснев, я спрятала тряпочку под халат. Чародей пробормотал:

– Так, что тут у нас?

И без паузы перешел на доманский. Сначала пристыдил пана Руфуса, потом осыпал комплиментами Алондру. Слов я не понимала, но предполагать их значение могла. Девицу держали за плечи две женщины, наверняка мать и сестра, батюшка, оказавшийся не старше жениха, всем своим видом выражал скорбь и смирение. Марек продолжал вещать, и глава семейства стал на глазах веселеть. Чародей развел руками, произнес гортанную фразу, пан Руфус приблизился к Алондре, опустил на колени, облобызал девичью ручку.

Все зрители на этажной клетке не поместились, усеивали лестницу, перегибались через перила, среди голов в ночных колпаках и

чепчиках я заметила шлемы стражи. Значит, Петрик исполнил приказ, и бургомистр явился в мой трактир.

Марек негромко беседовал с паном Диего, похлопал его по плечу, постоялец кивнул слугам, увлек за собой супругу. Скандал явно заканчивался. Интересно, что все-таки говорил чародей?

Гражина восхищенно пробасила:

– Вот ведь сказочник чернявый. Сомнамбулизм, очень модная сейчас болезнь, донья Алондра ей, оказывается, подвержена. Бродит, бедняжка, во сне, себя не осознавая. Дон Диего тут же припомнил, что и матушка его этим недугом страдала. Разумеется, врет. Но, к счастью для всего семейства, Руфус им столько должен, что ему лучше поверить.

Со второго этажа, рассекая движущуюся навстречу толпу, поднимался Карл. На меня он не смотрел, искал глазами Марека.

– Я, Адичка, лучше с Рузей пережду, от греха, – решила тетка. – Эх, жалко парня...

Ее морозное присутствие исчезло вместе с голосом. Я поморщилась. Дело сделано, чего теперь жалеть?

Бургомистр улыбнулся, поклонился, облобызал мои руки:

– Поздравляю, панна Моравянка, с удачным завершением операции.

Четверо стражников стояли на верхних ступеньках, постояльцы разошлись.

– Какой ты все-таки урод, Караколь, – сказал чародей по-тарифски. – Ну давай, начинай читать свое уродское заклинание.

Пан Килер, кажется, удивился. Нет, не кажется, точно. Наверняка он заранее все, что нужно, произнес. Марек тоже это понял, криво улыбнулся:

– Что, не сработало? А ну-ка, прикажи мне что-нибудь.

Внизу хлопнула входная дверь, дробно застучали каблук женских туфель.

– Милорд, ваше высочество, срочная информация.

Запыхавшийся голосок принадлежал секретарше панне Ясне; перегнувшись через перила, я увидела и саму девушку, взбегающую вверх, и Петрика, подслушивающего из угла залы.

– На два слова, господин, это важно.

Карл спустился навстречу помощнице, они зашептались, из рук в руки перешла скомканная бумажка.

– Святые бубенчики, – сказал негромко Марек у моего плеча, – переполох в крысином семействе.

Я не успела даже ойкнуть, чародей втолкнул меня в покои, захлопнул дверь, на ней вспыхнула и погасла решетка запирающего заклинания. Браслет на запястье Марека огненно мерцал.

– Обряд не закончен, значит, ты, Адель, еще можешь снять с меня артефакт.

Я покачала головой:

– И не подумаю.

– Адель!

Я пятилась от Марека, стараясь не споткнуться. Гардеробная, спальня. Здесь царил разгром: от кровати остались обломки, матрас лежал на полу, ширма перевернута. Дальше отступить было некуда, я остановилась в центре комнаты. Надеюсь, тетки не пострадали.

– Адель! – Чародей поднял ко мне руки в молитвенном жесте. – Умоляю, освободи меня от этой побрякушки. Только ты это можешь. Не хочу становиться рабом фаханьего принца! Обрекать меня на такую судьбу жестоко. Ты ведь добрая, Моравянка.

По моим щекам потекли слезы. Добрая? А еще живая, пока живая.

– Прости меня, – бормотал Марек, – за все прости. Никогда не буду тебя ни к чему принуждать. Болван был, решил, если запрю, ты после спасибо скажешь.

– Права мою судьбу решать у тебя нет!

– Нет, Адель, ни малейшего права.

– Я свободная сильная женщина.

– Да.

Врет или действительно соглашается? Ну же, Моравянка, решай. Да, этот пан пытался тебя свободы лишить, но, кажется, раскаялся. Он опасен? Да? Настолько, чтоб его самого обезволить? Подожди еще немножко, отдай Марека во власть фахана. Тебе этого совсем не хочется? Ты ведь добрая.

– Обещай, – я прикоснулась ладонями к его запястьям, – что, освободившись, немедленно покинешь Лимбург. Решешь вернуться не раньше, чем через сорок лет. Ты ведь чародей, что тебе время. Обещаешь?

Марек поднял чернящие глаза от наших рук к моему лицу:

– Уйти? И если поклянусь, ты этот браслет снимешь?

– Да!

– И сорок лет будешь здесь без меня стариться?

– Да!

– В обществе милейшего Караколя?

Артефакт выглядел сейчас как раскаленный в кузнечном горне, а наощупь оказался ледяным. Я чувствовала подушечками пальцев загогулилку замка, надавить, и кольцо разомкнется. В дверь гостиной требовательно стучали, пан Килер устал ждать на лестничной клетке и наверняка уже снял чародейское заклинание. Ну же, почему Марек медлит? Пусть поклянется, я немедленно сниму браслет. Ждет ответа? Что он там спросил? В чьем обществе я собираюсь провести ближайшие четыре десятилетия?

– Да какая разница? – фыркнула я. – Придет время, будете опять с фаханом за мою уже постаревшую тушку сражаться.

– А до этого Караколь все свои силенки на то, чтоб тебя в себя влюбить, бросит.

– Обещаю не поддаваться. – Я нажала на загогулину, браслет немножко разошелся, я придержала его ладонью, чтобы в случае опасности снова закрыть. – Ну же, поклянись.

– Непременно, моя ядовитая, – шепнул интимно чародей, тесня меня к стене, – всё, что захочешь, но на прощанье мне нужно одну вещь проверить...

Моя спина вжалась в резную шпалеру, полы халата распахнулись, ладонь соскользнула, Марек выдернул руки:

– Одну важную вещь...

Он что-то шептал, не по-нашему, гортанное, нездешнее, на меня накатила горячая слабость. Браслет? Какой браслет? Вдалеке, нет, в каком-то другом мире открывались двери моих покоев, разоренную гостиную наполняли голоса и топот ног, а здесь, в этой вселенной, мужские руки гладили мое тело сквозь тончайший шелк сорочки, и требовательные губы целовали мои.

– Адель! – В вопле фахана звучал нечеловеческий ужас.

Я оттолкнула Марека, чародей пошатнулся, держась за грудь:

– Что происходит? – Он поднял к лицу руку, браслет не мерцал, плотно охватив запястье, я даже не заметила, когда успела его

закрыть. – Заклинание сработало? Адель... я... Я люблю тебя?

На Карла было страшно смотреть, он посерел лицом, на лбу блестели бисеринки пота. Ясна придерживала господина под локоть, и она же сочла своим долгом пояснить:

– Этот амулет подчинения действует на носителя не болью, а внушает ему безграничную любовь.

– К кому?

Тут я заметила, что за пряжку башмака бургомистра зацепились мои многострадальные панталоны, видимо, выроненные еще на лестничной клетке, и попыталась подцепить тряпочку ногой. Вот ведь позорище.

– Я люблю Моравянку, – сказал Марек.

Ясна тяжело вздохнула:

– Амулет активируется поцелуем. За каким фаханом вы... – Тут девушка смутилась. – Простите, мой принц, я не имела в виду вас. Зачем эти целовались?

– На прощание, – ответил с готовностью чародей, – между людьми так бывает, особенно если их двое, и они разнополюе. Поцелуем? Так лорд Караколь собирался меня, несчастного...

Марек картинно испугался, схватил меня за руку:

– Для всех будет лучше думать, что поставить на моих невинных устах рабское клеймо было поручено панне Крыске.

Секретарша густо покраснела. Мои щеки тоже пылали, чернявый интимно поглаживал мою руку:

– Адель, любовь моя. Моя драгоценная... Ну и что, что не любишь? Ответственность придется взять, да... Потому что артефактом наградила, влюбила...

– Значит, так, – я отстранилась, – сейчас я сниму с пана Марека этот треклятый артефакт и попрошу его покинуть Лимбург...

Браслет не поддавался, загогулинка замка исчезла, а металлическая пластина так плотно прилегала к мужскому запястью, что ее невозможно было даже сдвинуть. Чародей хихикал от щекотки:

– А вельможное начальство не думает, что пора оставить наш гостеприимный трактир? Время позднее...

Он взгромоздился на лежащий на полу матрас, пошарил под подушкой, достал сковородку. «Точно! Попробую ею браслет сбить», –

подумала я, попыталась отобрать свое оружие. Марек обхватил меня за плечи, мы завопили, как парочка щенков.

Песья дрянь! Артефакты, поцелуи! Ответственность еще какая-то за подчинение! Да гори оно огнем!

– Значит, так. – Освободившись из мужских объятий, я пригрозила чародею сковородкой. – Вы все мне надоели! Все! И вы, пан Килер, тоже! Забирайте своих стражников, секретаршу, своего Марека и ступайте прочь из моего трактира!

Где-то в недрах шкафа одобрительно заухала тетка Гражина:

– Так их, Адичка!

– Что значит его Марека? – попробовал возмутиться чародей. – Я твой, до смерти влюбленный.

– Ничего не знаю! Пан Килер хотел на тебя браслет надеть, вот он ты, вот он – артефакт подчинения. Дело сделано, прочее – не моя забота. Нет, Карл, вы тоже не возражайте! Вы – бургомистр, должны нас, жителей вольного Лимбурга от беззаконий оберегать. А что получилось? Мое имущество пострадало, теперь и покой под угрозой?

– Пусть перед уходом приберутся, – предложила тетка. – Или разрушения оплатят. Сегодня на полу попиши.

– Адель, – фахан твердо взял меня под руку, – нам нужно поговорить наедине.

Марек завопил:

– Какое еще наедине, да я от ревности умереть могу! Адель, любовь моя, жизнь моя, брось этого рыжего, я для тебя все что угодно сделаю.

– Даже заткнешься? – холодно улыбнулась я. – Кстати, пан Марек, твоя любовь – только твоя забота. Умрешь – обещаю поплакать.

И я гордо вышла из спальни с бургомистром. Мы присели в кресла гостиной, чародей за нами не последовал, судя по звукам, переругивался с секретаршей.

Карл был многословно встревожен:

– Адель, моя дорогая Адель... нелепая случайность...

– Вельможный пан видел, что я пробовала этот треклятый браслет снять!

– Мы обязательно с этим разберемся, я испрошу совета вышних сфер.

– Уж будьте любезны! Я, на минуточку, гражданка! И права имею, потому что обязанности исполняю! Из-за вас, Карл, я в этой нелепой ситуации очутилась!

– Но Адель, вы сами его поцеловали. Иначе Мармадюк...

Мне едва удалось сдержать нервный смешок. Мармадюк? Какое забавное совпадение. Я перебила фахана:

– Что? Вы пытаетесь сейчас на меня вину переложить? С кем хочу, с тем целуюсь! Я, слава пану Спящему, женщина совершеннолетняя! А вы мне не муж и не отец!

Он пробормотал что-то вроде «к сожалению», захотелось огреть по рыжей макушке, даже пальцы сжались на ручке сковородки, но драться я не стала:

– Значит, так, вельможный пан бургомистр, сейчас вы своего смертельно влюбленного Мармадюка из трактира забираете. Видеть его больше не хочу. Что? Не моя забота, делайте с ним, что хотите. Колдуйте, перецеловывайте, в вышние сферы отправляйте. До праздника Медоточия чтоб никто из вашей волшебной братии меня тревожить не смел!

Килер уточнил, не передумала ли я случайно у камней танцевать.

– Не передумала, – пожалала плечами, – только в балаганах с выборами супруга участвовать не буду.

Марек появился из дверей спальни:

– Ты, Моравянка, нашему Караколю все планы рушишь, на площади плотники уже свадебный алтарь сколотили.

Чародей успел обуться и надеть свой потрепанный камзол, панна Ясна следовала за ним грустной тенью. Тетки не показывались.

– Что ж, – бургомистр поднялся из кресла, – дражайшая Адель, примите мои глубочайшие извинения. Позвольте откланяться.

Он поморщился и обратился к Мареку:

– Сам пойдешь или будем магическую дуэль изображать?

– Желание любимой, – улыбнулся чернявый, – закон для благородного мужа. Меня не хотят видеть, это разбивает мне сердце, но Мармадюк покорен злой воле моей ядовитейшей.

Фахан еще больше помрачнел:

– Ясна?

– Это не я, милорд, – пискнула девушка.

– Не она, – чародей подошел ко мне, опустился на колени и облобызал пальцы, сомкнутые на ручке сковородки, – это вишнеглазая Моравянка по кусочку воспоминания в мою голову вколачивает.

– И много вколотила? – осведомился Карл.

– Потом расскажу, – Марек поднялся на ноги, – перед сном. Ты ведь меня в приличных покоях у себя поселишь? До свидания, моя ядовитая, до скорого жаркого свидания.

И они ушли, все трое, секретарша, замыкавшая процессию, неодобрительно покачала головой и хмыкнула. Тоже, наверное, считала, что я во всем виновата.

Я с тяжелым вздохом поднялась и отправилась в спальню.

Что же ты наделала, Моравянка? Что натворила? Невинного в общем-то человека к себе любовью привязала. Грех, ужасный грех. Да Марек сам виноват! Не полезь он с поцелуями, сейчас бы уже топал через Застолбеньки. Болван! Зачем? Говорил ведь, что со мною лобызаться, все равно что со смертью!

От погрома не осталось и следа. Спальня была прибрана, мебель цела, постель застелена, шторы плотно задернуты. На ширме аккуратно висела одежда, мой дневной комплект.

Дверь шкафа медленно открылась.

– Как-то все очень странно, Адичка, – пискнула Рузя, – слишком странно.

– А то. – Гражина проявилась у моего плеча. – Ума ни приложу, зачем ему адичкины панталончики понадобились.

– При чем тут панталоны? Я про то, что Адичка браслет снять не смогла.

– Разберемся, – хихикнула Гражина, – фолианты почитаем, а вот кого про кружавчики, которые наш великий Мармадюк присвоил... Я, говорит, великий чародей Мармадюк, и ну колдовать... Стул еще испепелил, о который мизинцем треснулся. Мне, грешным делом, показалось, что он секретаршу упокоит, но нет, мебелью ограничился.

– Это Марек разгром убрал? – уточнила я, замечая, что стул действительно исчез.

– Он, – тетка развела руками. – Надо же, Мармадюк. Ты, видимо, сковородой ему имя вернула. Знала? Признайся, знала? И про то, как заклятие на себя привязать? А я-то, дура старая, удивилась, что наша дикая Аделька послушно целоваться полезла.

Пришлось признаться:

– Не подозревала даже. Действительно хотела с Марека браслет снять и отпустить на все четыре стороны.

Тетки шаловливо переглянулись, Рузя сказала:

– На руку нам адичкино сластолюбие сыграло. Не красней. Было и было. В двадцать три года я... Ах, молодость... Нет, я про себя подробностей не помню, ну уж точно в твоём преклонном возрасте в девках не сидела. Ощущаю. Что скажу, дамы, браслетик этот...

Тетки болтали, да, да, все к лучшему. Один чародей наш с потрохами, другой на безопасном для адичкиных потрохов расстоянии. И хорошо девочка решила Мармадюка прогнать. Без него в трактире справимся, как раньше справлялись. Адичка молодец.

Молодцом я себя не чувствовала, помнила полные боли черные глаза, Марека по привычке куражился, но разве меня теперь обманешь? Колдовская страсть причиняла ему страдания. Сам виноват! Болван! И я... немножко...

Спать не хотелось, слушать болтовню теток тоже. Я переделалась, вооружилась сковородкой и отправилась патрулировать ночные безлюдные улицы, чтобы отвлечься.

Глава 6

Приручила на свою голову!

Из бесславного похода в трактир Моравянки возвращались в молчании. Навязанный Аделькой чародей, очутившись в карете, веселость свою куда-то растерял, недолго, но витиевато поругался и задремал, прислонившись к дверце. Карл о чем-то размышлял, хмурил бледный лоб, Ясна сидела на подушках кареты тише мышки. Она не виновата, абсолютно точно, ни в чем. Дурацкую инструкцию к артефакту подчинения смело со стола сквозняком. Прискорбная случайность. Если бы господин позволял слугам убираться в своей лаборатории, эта проклятая бумажка обнаружилась бы гораздо раньше. Ее нашла Ясна. Когда в хоромы бургомистра явился трактирный Петрик, Карл велел секретарше принести из башни манускрипт с необходимым заклинанием, чтобы прочесть его по дороге, и приказал слугам запрячь карету. Девушка побежала исполнять. Когда уже выходила из круглой комнаты, порыв ветра вынес к ее ногам какой-то листок. Господин торопился, Ясна не стала задерживаться, подобрала бумажку и сунула в кармашек платья. Неосознанный жест. Она проводила милорда, шепча молитвы Спящему за удачный исход дела, а листок рассмотрела, вернувшись в пустую гостиную. Инструкция! Артефакт звался Болтун! Он не причинял боль, а влюблял своего носителя во владельца. Девушка вскрикнула, заметалась по комнате. Господин ни о чем не догадывается! Его заклинание не сработает. Нужен поцелуй.

Ясна ван Диормод трепетной дамой не была, она умела принимать решения и немедленно их исполнять. Если Моравянка уже надела на чародея браслет, при толике удачи...

Секретарша позвонила в колокольчик, сказала явившемуся на зов лакею:

– Лошадь, быстрее. Нет, не запрягать, я поеду верхом. Плащ! Не этот, мужской.

Плащ пах Караколем; сидя по-мужски на спине вороного скакуна, девушка прятала в воротнике тонкий носик. Она успеет поцеловать чародея первой, Мармадюк подчинится силе артефакта, и Карл

получит покорного себе раба. Как там говорят в Ардере? Вассал моего вассала – не мой вассал? Глупости! Раб леди ван Диормод становится рабом принца фаханов.

Ясна подъехала к трактиру «Золотая сковородка» на четверть часа позже господина, бросила поводья кучеру ожидающей бургомистра кареты, вбежала в залу.

– Милорд, ваше высочество, срочная информация. На два слова.

Караколь спустился, секретарша быстро ввела его в курс дела, показала листок-инструкцию. Господин выругался.

– Позвольте мне поцеловать Мармадюка, – шепнула девушка.

– Да, милая, это прекрасная идея. Пойдем.

Четверка стражников расступилась, Ясна подергала ручку двери. Заперто. Ладонь обожгло болью, девушка отшатнулась. Колдовство? Она жалобно посмотрела на господина, тот бормотал заклятия, пытаюсь открыть дверь.

Что за ней происходит?

Когда Ясна прошла вслед за Караколем через богато обставленную гостиную и гардеробную, ее любопытство было полностью удовлетворено. Какой кошмар!

Чародей прижимал к стене ничего не соображающую Моравянку. Халат девушки был распахнут, грудь под тончайшим шелком сорочки вздымалась, лицо запрокинуто. Адель жарко отвечала на поцелуи, тая от страсти.

Они опоздали. На Карла было страшно смотреть, он осунулся и даже как-то постарел. Ясне пришлось поддержать господина под локоть, когда он пошатнулся. Зачем? Зачем они целовались?

Именно об этом девушка думала сейчас, сидя в карете.

– Что ты сказала, милая? – спросил Караколь.

Видимо, секретарше не удалось сохранять молчание. Ясна зашептала, косясь на спящего чародея:

– Панна Аделька оказалась гораздо хитроумнее, чем мы с вами предполагали. Она соблазнила Мармадюка... Не спорьте, милорд, достаточно вспомнить, во что она была одета! Малихабарский шелк и парча? Думаете, тарифские трактирщицы именно такие наряды носят, когда снимают блузки и передники? Это явно оружие соблазна.

Бледные щеки фахана окрасил румянец, он вспоминал.

– Моравянка нас обыграла, милорд. Теперь она, а не мы, получила верного раба чародея. И, что самое противное, устроила все таким образом, чтоб похвастаться перед вами своей победой.

– Это случайность, милая, – попробовал возразить Караколь. – Не буду сомневаться в твоей женской проницательности в области нарядов, но Адель абсолютно точно не могла знать о том, как именно активировать браслет. Это все шут, проклятый сластолюбец набросился на невинную девушку...

Упомянутый господин зевнул:

– Ты замечала, милая, что мужчины превращаются в болванов, когда дело касается их любви? И сейчас я имею в виду целых двух болванов: твоего крылатого принца и, к сожалению, уже не совсем своего себя.

Ясна скрыла улыбку, отвернувшись. Да, замечала. Адель знала, абсолютно точно знала. Покойная Морава оставила дочери обширную библиотеку, которой панна умела пользоваться. Знала и соблазнила Мармадюка. С ее внешними данными это несложно.

– Адель не могла, – повторил Караколь. – Иначе...

– Отвлекись на минутку от любовных терзаний, – предложил чародей, – и подумай, почему именно эта панна поселилась в твоём черном сердце?

– Мне больше интересно, зачем в моем городе появился ты.

– Со мной все просто. Меня лишили сил, восполнить которые может только цветочная дева этого мира. Я ее искал и нашел. В отличие от тебя, Моравянка мне жизненно необходима.

– Ты ее не получишь! Я этого не позволю!

– Ты тоже, – Мармадюк приподнял руку с браслетом. – Патовая неразрешимая ситуация, от которой выигрывает только Адель.

– Нет, шут, девушка загнала себя в ловушку. Накладывать чары подчинения простым людям само по себе запрещено, к тому же, если ты пострадаешь, ей придется отвечать перед вышними сферами.

– Пострадаю?

– Болтун – вовсе не невинная игрушка, внушаемые им чувства болезненны и даже могут привести к смерти. Если сердце влюбленного чародея будет разбито... – Караколь растянул губы в недоброй улыбке. – Я очень постараюсь, чтоб именно это и произошло.

Мармадюк высокомерно сообщил, что посмотрит. И остаток пути мужчины молчали, наполняя карету эманациями вражды.

Что, если Моравянка захочет выйти замуж за его высочество? Собрать весь козырный расклад? Влюбленный артефактом чародей и фахан. Если бы такие карты пришли в ручки панны ван Диормод, она именно так бы и поступила. Адель обещала ей бусины. Хитрая интриганка. Ясна станет медовой королевой и женит на себе Мармадюка. Господин не отменял приказа, значит, Ясне придется именно так поступить. Она выйдет за чародея, безумно влюбленного в трактирщицу, Моравянка станет супругой Караколя и...

От этих ужасных мыслей девушка ворочалась в постели без сна до самого рассвета.

Утром Карл нашел ее в детской, где секретарша наблюдала за кормлением милашки Олеся. Выслушав отчет о прекрасном аппетите младенца от пани Футтер, господин увлек секретаршу в свой кабинет.

– Ты оказалась права, милая, Адель нас одурачила. – Он потер ладонями воспаленные глаза. – Не понимаю, как она добыла информацию, но все сходится. Я сообщил в канцелярию о загадочном поведении артефакта, мне ответили, что браслет может снять только тот, кто его надел. Значит, вчера Моравянка разыграла для нас с тобой представление с неудачной попыткой освободить чародея от украшения.

Похвала могла бы стать приятной, но Ясна слишком сочувствовала господину, который был расстроен. Нет, пожалуй, не расстроен, убит.

– Что рассказал вам Мармадюк? – спросила девушка.

– Проклятый шут морочит мне голову. Тут он помнит, тут не помнит, изображает из себя жертву. И, тысяча проклятий, вышние сферы его именно пострадавшей стороной считают. В ошибке обвинили меня. Адель должна предстать перед судом.

– Когда? – Ясна великолепно скрыла злорадство за встревоженным тоном.

– Сферы требовали скорейшего разбирательства, но мне удалось отложить его на несколько дней. После праздника, я надеюсь, у нас будет что предъявить во искупление проступка драгоценной Адели.

– Простите?

Секретарша растерялась. Господин и сейчас, зная, какая трактирщица злонравная интриганка, пытается ее защищать?

– Если Моравянка уничтожит ворота, которые стерегут медоточивые камни, вышние сферы ее простят. Понимаешь, милая? Адели всего-навсего нужно будет приказать Мармадюку.

– Но тогда ворота уничтожит он.

– Нет, милая. Чародей подчинится силе браслета, лавры отойдут владелице артефакта.

Караколь повеселел, но девушке это никакого удовольствия не доставило. Трактирщица выйдет сухой из воды, а она, Ясна?

– Обряд выбора супруга Медовой королевы, – напомнила секретарша.

– Его придется видоизменить. Ты, милая, будешь избавлена от необходимости принести свою молодую прелесть в жертву проклятому сластолюбцу Мармадюку. Королевой станет Адель. Помнишь, я говорил тебе, что слегка переделал под наши нужды древнейшее действие, описанное в фамильном фолианте?

– Там выбирали девицу в жертву каменному кругу, – кивнула Ясна.

– Именно. Обряд пройдет так: королеву принесут в жертву, оставят после положенных песнопений, опутанную янтарными нитями и... Нет, пожалуй, не голую, этой традицией можно пренебречь.

Секретарша согласилась, что да, лучше не обнажать.

Они еще долго беседовали в кабинете, строили планы, в том числе и того, как доставить проклятому Мармадюку неприятности. Чародей должен ревновать, страдать от безответного чувства. И, видит Спящий, очень скоро Мармадюк пройдет все семь кругов фахановой бездны.

Проснулась я в прекрасном настроении задолго до обеда, понежилась в постели, щурясь от яркого солнца. Теперь все будет по-старому. Трактир свободен от захватчика, никто не станет приставать ко мне с поцелуями, командовать, нашептывать непристойности и петь ардерские песни. Хорошо?

– Тетечки! – позвала я весело. – Вы где?

Судя по шуму, стенная панель гардеробной отъехала в сторону. Значит, родственницы ночь провели в библиотеке. Она у нас тайная, с

замаскированной дверцей. Последняя тетке Гражине была без надобности, это Рузя не могла сквозь нее просочиться.

Я приветствовала теток и спросила:

– Нашли в фолиантах, почему с чародея браслет снять не получилось?

– Нет, – Рузя плотно задернула шторы и села ко мне на кровать, громыхнув костями, – везде пишут: кто надел, тот и снимает до заклинания-привязки, после обряда – тот, кто его совершил. По всему, ты, Адичка, только это сделать и можешь.

– А вот не смогла. – Я тоже вздохнула.

– И не надо. – Настроение Гражины тоже было прекрасным, она парила под потолком, нарезаю круги вокруг люстры. – Пусть так все и остается. Грех? Глупости. Этот Мармадюк нашу Адичку под замком держать собирался, вот это и есть настоящий грех. Нет, если бы они, например, в браке состояли, тогда другое дело...

Я выбралась из постели, посетила ванную, оделась. Перевязала узел на переднике, потому что сперва в задумчивости расположила его на неправильной, замужней, стороне. Сама расположила! Вот ведь дурочка.

– Между прочим, – болтала Гражина, пока другая тетка помогала мне с прической, – ты, Адичка, опять кошмарами мучишься. Так жалобно сквозь сон кричала. Снилось чего?

– Не помню.

Кошмар? Что за глупости? У меня и снов-то никогда нет, настолько выматываюсь, что проваливаюсь в забытье, только голова встретится с подушкой.

В гардеробной я ненадолго задержалась, чтоб оценить подготовленный к празднику наряд. Многослойная синяя кружевная юбка, расшитый разноцветным стеклярусом лиф, в хороводе я буду смотреться прекрасно. Примерки не требовалось, Рузя никогда с размерами не ошибалась.

В общей зале как раз заканчивался завтрак, за большим столом разместились постояльцы, семейство Диего. Женихи девиц, слуги и горничные сидели за небольшими столиками у стен, еще один отвели для местных: человек шесть дровосеков молча работали челюстями, пан Рышард, сбежавший от супруги в трактир, с отвращением цедил из пивной кружки молоко. Гося с Петриком разносили блюда. «Работа

спорится, хорошо ее Марек наладил», – подумала я с оттенком профессиональной ревности, спустилась по ступеням, поклонилась, представилась, пожелала доброго утра и приятного аппетита. Так положено, пусть гости привыкают, что в трактире одна хозяйка.

Повариха Марта, выглянув из кухни, поманила меня:

– Панна Моравянка, муженек вас заждался.

Это еще кто? Ну разумеется!

Когда я отодвинула занавеску и вошла, «муженек» первым делом посмотрел на узел моего передника, жалобно всхлипнул и предложил любимой присесть к накрытому столу. На завтрак у нас была каша, молоко и свежие, только из пекарни, булочки.

– За каким фаханом, – спросила я строго, – ты в трактир явился?

– Работаю я здесь, – объяснил Марек, поглядывая на прочих присутствующих, как будто за поддержкой, – о чем имеется бумага, заверенная в магистрате.

Прочие – Гося, Петрик, повариха, дочь ее прыщавая, две новеньких девицы и пан Рышард, выглядывающий из-за занавески вразрез трактирным законам – поддержку оказали.

– Да-да, бумага... Моравянка парня прогнала, но это же только из спальни... Мало ли, может, хлопец ее, Моравянку, как-то неправильно по ночам ублажал, кто этих пришлых знает...

Разозлившись, я стукнула кулаком по столу так сильно, что задребезжала посуда:

– Посторонние немедленно покидают кухню! Немедленно! Ты, Марек, на меня не работаешь, пошел вон! Гося, Петрик, в залу! Вы...

Как этих девиц-то зовут? Неважно! Все вон!

Меня послушались. То есть на самом деле это чернявый развил бурную деятельность: кого ущипнул, кого дружески по плечу хлопнул, извинился перед обиженным паном Рышардом, помог Марте прибраться. Я же, делая вид, что не злюсь, приступила к завтраку. Каша была холодной и слишком сладкой, булочки на вкус как глина.

– Адель, – проговорил Марек, когда я отодвинула тарелку, – ну прояви хоть толику милосердия. Я ведь люблю тебя, в разлуке страдаю.

– Это понарошку, не на самом деле.

– Любовь, может, и не настоящая, а боль вполне реальная.

– Мне что за печаль?

Мы помолчали, чародей несколько раз вздохнул, промокнул сухие глаза кружевным платочком. К слову, за ночь Мармадюк успел разжиться новой одеждой, судя по тому, что камзол был длинноват и узок в плечах – шитой на пана бургомистра. И платочек был с караколевой монограммой. Поняв, что сочувствия от меня не дожидаться, чернявый решил зайти с другой стороны:

– О трактире, Моравянка, подумай. Лучшего работника, чем я, тебе не найти. Не хочешь, чтоб я тебя домогался – не буду, позволю только днем здесь подле тебя находиться.

– На здоровье, – холодно улыбнулась я, – в зале общей хоть до закрытия сиди, только за пиво платить не забывай. Мы гостям рады.

Пришлось на минуточку отвлечься: Марта с поваренком, закончив прибираться, пошли к себе, я поблагодарила за работу и попрощалась. На кухне мы остались вдвоем с Мармадюком. Он потоптался с другой от меня стороны стола, немножко подумал, спросил растерянно:

– Ты мне мстишь? За то, что я тебя в спальне запер? Прости... Если есть что-то, чем я могу эту вину искупить...

– Пожалуй, есть... – Выдержав торжественную паузу, я продолжила: – Отдай мне золотой кусочек оленьей шкуры, который ты припрятал, и будем квиты.

Удачно мне про чешуйку вспомнилось, очень удачно. Марек прав: он прекрасный работник, в таком качестве он трактиру нужен. Но если сейчас начнет юлить, изворачиваться, попытается оправдаться или скажет, что уже фаханьему принцу кусочек отдал...

Рука Мармадюка скрылась в кармане штанов, и через мгновение чешуйка лежала на скатерти:

– Изволь. Только не припрятал, этот фрагмент случайно в волосах запутался, когда мы с тобой в лесу волшебное превращение оленя наблюдали. Я прощен?

– Да, можешь остаться здесь работать на прежних условиях, – отвечала я рассеянно, размышляя о том, что золотинку нужно в носовой платок для безопасности обернуть, а я, кажется, его не захватила, кармашек передника пуст. – Но только днем, понял? Ночевать к пану Килеру ступай или...

– А давай, – вдруг предложил Марек, – мы прямо сейчас силу чар артефакта проверим? Проколи себе пальчик.

– Это еще зачем?

– Затем, что я тебя люблю и не смогу никакого вреда причинить.

– Не вздумай, Адичка, – подала голос Гражина, чье морозное присутствие ощущалось уже довольно давно.

Я передернула плечами и взяла острую чешуйку:

– Давай!

Капелька крови на кончике указательного пальца была похожа на крошечный рубин. Я на нее долго не смотрела, а Марек не мог отвести взгляда. Его лицо исказилось болезненной гримасой, ноздри раздулись:

– Это пытка, любовь моя. Заканчивай.

И пока я зализывала ранку, чародей голыми руками разобрался с набившимися в кухню приبلудами. Хорош, даже без сковородки хорош.

– Поняла, – спросил он, отдышавшись, – насколько я с этим браслетом для тебя, Моравянка, безопасен?

Что ответить? Поняла. И жалко тебя, болвана. Не полезь ко мне с поцелуями... Эх, что сделано, то сделано.

– Платок одолжи, – велела я, завернула в ткань золотинку и спрятала в кармашек передника.

А потом вышла в зал. Хозяйских – то есть моих – указаний там не требовалось. Гося и еще две новенькие девушки (Орыся и Зеня, вспомнила!) убирали после завтрака, Петрик за стойкой наливал пиво тем панам, что захотели промочить горло, поваренок Мартуся пробежала к выходу, чтоб поторопить доставку от мясника, повеселевший после моего прощения Марек тоже встал за стойку. Трактир работал, и места в нем мне не было.

Я вышла на улицу и побрела прочь от главной площади, отвечала на приветствия знакомых, кланялась, улыбалась. Мне было грустно и одиноко. Как в таких случаях поступают обычные девушки? Отправляются в гости к подругам, чтоб излить душу, получить немного поддержки и утешающих слов. Обычные девушки. Я, к сожалению, к таким не относилась. Подруг у меня не было, ни одной. Тетки не в счет, то есть они хорошие и верные, и любят меня, но сейчас мне нужно было поговорить с кем-то совсем посторонним. К счастью, я этого «кого-то» знала, впрочем, как и каждая панна вольного города Лимбург.

Выйдя за городские ворота, я сошла с дороги, направляясь к горной ложине. Людей здесь совсем не было, можно было лица не держать. Я щурилась от яркого солнца, смаргивала слезы, они текли и текли. Медоточивые камни громоздились на берегу Лимбовки, гладкие серые валуны охватывали полукругом утоптанную площадку. Пан Малер, местный художник, на картинах их изображает: в закатном свете, рассветном, ночью с двумя полными лунами над верхушками, при дожде и снеге. Иногда девушек хороводных дорисовывает или чародея со спины в длинном мерцающем плаще, или красноволосую фату, разумеется, отвернутую. У пана Малера с портретами не очень, зато пейзажи с камнями расходятся, не успев толком просохнуть. У меня в трактире тоже пара штук висит.

Я вытерла ладонями щеки и ступила в круг.

– Красавица, – зашелестело отовсюду, – нет таких больше. Волосы как шелк, кожа – мрамор, очи – звезды, зубы...

Немедленно полегчало, лесть – она для девичьей души очень приятна, даже когда понимаешь, что это всего-навсего лесть. С четверть часа я стояла в центре площадки, слушая комплименты. Умна, величественна, прекрасна. Все у тебя хорошо будет, венец княжеский, деток пятеро, муж работающий. Всё ты правильно сделала, всё. Выхода другого не было, потому себя не кори. Тем более чародей сам браслет напялил, сам. И теперь тебя любит, без разницы, что от артефакта, чувство сильное, полезное. Да как такую красавицу не любить? Волосы как шелк...

Камни хвалить умели, правда, только незамужних панн. Стоило девице замуж выйти, сколько бы лет ей при этом ни было, льстивый шепот она слышать переставала. Проверjali уже многократно.

Насладившись незаслуженными похвалами и пустыми обещаниями, я повнимательнее рассмотрела валуны. Как обычно бывало в преддверии праздника, их поверхность украсилась сероватым орнаментом, в ночь Медоточия эти линии превратятся в сочащиеся жидким огнем трещины. А потом еще и картинки всякие покажут. Вот даже сейчас, если присмотреться...

– Прекратите! – прихлопнула я ладошкой начавшую проявляться похабщину. – Это на праздник!

Многоголосый вздох, изображение осыпалось яркими безвредными искорками. Вот и правильно, так и должно быть.

– Воюешь? – спросил Марек, когда я вышла из круга.

Он расположился на траве, прикрывался ладонью от палящего солнца.

– Чего за мной потащился? Дел больше нет?

– Потащился, – Марек кисло улыбнулся, – потому что совершенно без тебя места себе не нахожу. Любовь, Аделька, близости постоянной к объекту требует. А что касается дел... Тут же главное – организовать процесс, чтоб как вагонетка по рельсам все шло, без усилий.

Я вздохнула и побрела прочь от камней. Какой кошмар.

Да, именно он все организовал, и без него, наверное, все это быстро в упадок придет. Зачем ты настолько хорош, несчастный Мармадюк? Думаешь, я не страдаю? Только не от любви, от вины.

– Моравянка, – нагнал меня чародей, – раз ты, кажется, гнев на милость сменила, приголубь меня, влюбленного бедняжку.

Говорил Марек жалобно, но, осмотрев эту хитрую рожу, я фыркнула и выдернула руку из цепкой мужской хватки.

– Обойдешься!

В город возвращаться не хотелось, я спустилась к реке, набрала в руку прибрежных мелких камешков, стала бросать их в воду. Марек грустно постоял, повздыхал. Его общество меня тяготило. А он, как будто нарочно, умножал мою вину.

– Однажды, – начала я, прервав затянувшееся молчание, – медоточивые камни мне любопытную картину показали. Они, знаешь ли, самые потаенные наши страхи наружу тащат. На этой картине девицу, невероятно на меня похожую, некий чародей жрал. Просто так, как будто обедал.

Неприятные воспоминания заставили поморщиться, я зябко обхватила себя за плечи:

– Понимаешь? Это мой ужас, он с самого детства со мной.

– Что, прямо за столом ел? – заинтересовался Марек.

– С салфеткой и столовыми приборами.

Марек расхохотался и попытался меня приобнять.

– Вот ты, Адель, селянка дремучая! С ножом и вилкой? Ты именно так все это себе представляешь?

– Ну так просвети, – не стала отстраняться я. – Как это делал бы ты, не будь связанным артефактом?

– Ты стала бы цветком, милая, белоснежным эдельвейсом, и... – В голосе Марек слышались мечтательные нотки, его пальцы гладили мою кожу в вырезе блузки, жаркое дыхание обжигало щеку. – Но это теперь неважно, нежная моя девочка. Неужели я совсем тебе не нравлюсь? Ты же хочешь меня, Адель, я знаю... Мы с тобой на всю жизнь связаны, так зачем откладывать приятный миг соединения? Я ведь страдаю, милая, ты обязана мою жажду утолить. Не ту, волшебную, а вполне человеческую, мужскую... Ты меня подчинила, ты за меня в ответе...

Мы не разжимали объятий, но я понемножку, шажок за шажком, теснила чародея к реке. Когда он отстранился, чтоб развязать шнуровку моей жилетки-корсета, я изо всех сил толкнула его в грудь. Марек сорвался вниз, полетел в ледяную воду.

– Остынь, пан пришлый! – крикнула я весело, наблюдая, как он барахтается. – Ну или голод свой мужской как-нибудь без меня утоли.

Он с трудом вскарабкался на берег, по-собачьи отряхнулся, уточнил, как именно я себе это утоление представляю, и, не получив вразумительного ответа (лучше б промолчал, честное слово!), расхохотался:

– Тебя, Аделька, очень забавно воспитали. Знаешь, в древности женские ордена были, где юных дев не к жизни, а к войне готовили. Ты точь-в-точь как те девы, только со сковородкой.

Я улыбнулась: все правда, воспитали из меня настоящую Берегиню, и никто не жаловался, кроме получивших по макушке сковородой.

– К тебе же память от моего удара вернулась, – вспомнила я ночную драку, – расскажи.

Марек хитро прищурился:

– А награду за правду я получу? Ну хоть крошечный поцелуй? Тогда ладно.

Я награды не обещала, но и не возразила. Марек еще потянул время, повел меня прочь от реки, усадил в сухой сочной траве, сел напротив, скрестив ноги, уперся ладонями в колени:

– С чего бы начать? Пожалуй, надо издали...

Чародей растерянно заморгал, зевнул и, к моему невероятному удивлению, завалился на спину.

– Что происходит? – Приподнявшись, я посмотрела на сладко спящего парня.

– Мармадюк привык дурочкам головы морочить, – сообщил незнакомый тенорок. – Расслабился в вышних сферах. Феи, между нами, особым умом не отличаются. Адель? Ты меня слышишь? Рукав ему закатай.

Свободной от бережной дули рукой я обнажила мужское запястье. Браслет блестел на солнце, на гладкой пластине виднелось круглое личико, не человеческое, а как будто нарисованная ребенком рожица, глазки-кружочки посмотрели на меня, ротик зашевелился:

– Болтун, к услугам прекрасной панны. Тьфу на тебя!

Это я засунула кончик указательного пальца в ротовое отверстие артефакта.

– Простите. То есть извини, – исправилась я, решив браслету все-таки не «выкаты». – Ты можешь говорить?

– Эти болваны из канцелярии решили, что могут лишить меня, высший артефакт... Впрочем, – Болтун вздохнул, – слышать меня пока можешь только ты и то, когда мой хозяин спит. К счастью, погрузить Мармадюка в сон для меня не представляет никакого труда.

– погоди, – я тряхнула головой, – хозяин?

Браслет хихикнул:

– Ты разве не догадалась?

Вспомнив утешительную болтовню медоточивых камней: «Сам чародей его надел, сам...», я недоверчиво переспросила:

– Мармадюк надел на себя артефакт подчинения и его активировал?

– Конечно!

– И теперь он твой хозяин?

– Когда бодрствует, конечно. Но сейчас, как видишь, я сам по себе. И мне очень хочется с тобой поболтать.

– Зачем?

– Ты, кажется, тоже умом не блещешь. Больше не с кем, только с тобой.

– Я не об этом спросила. Зачем Мармадюку это представление понадобилось? Он ведь, получается, тебя в любой момент снять может? И вообще, как это произошло? Откуда чародей знал, что ты именно поцелуем активируешься? И...

– Не части, – перебил Болтун, – раскудахталась. Знал, не знал... Мыслей я не читаю. Скорее не знал. Вспомни, он, прежде чем на тебя с поцелуями наброситься, бормотал себе под нос заклинание-привязку. Зачем? Решил, что, если кто-то его подталкивает цветочек волшебный зажевать, он этого делать не будет. Наверное.

– А поцелуй? – напомнила я.

– Послужил наградой за удачно проведенную комбинацию. То есть чародей так, наверное, думал. Я так мысленно хохотал, Адель, когда вы целовались! Ха-ха!

Я жарко покраснела:

– Мармадюк все о прошлом вспомнил? Он ведь, наверное, вчера немало пану Килеру рассказал?

– Все, не все... Мармадюк – хитрый пройдоха, многое я бы отдал, чтоб мысли его прочесть. А фахана... да, развлек беседой, когда понял, что тот его в свою магическую лабораторию пускать не собирается. Такие, знаешь ли, подробности о житье-бытье с вышними феями изложил, что крысиный принц чуть в обморок не брякнулся. Фахан, Аделька! Чтоб ты себе знала, эту породу вообще мало что смутить может. Рассказать?

– Обойдусь.

Мой отказ услышан не был. Подробности. Да гори они огнем, если честно. Интересно, Болтун с нашими медоточивыми камнями в родстве не состоит? Они такие истории тоже обожают. Фу, гадость.

– И что теперь делать? – перебила я, как только удалось вставить слово.

– Помочь этому ненормальному силы свои вернуть и в каннибализме не замараться. – Браслет выпустил из глазок стебельки, как улиточные рожки, и ткнул ими в мою сторону. – Каннибализм – это такое извращение, когда существа других существ своего вида поедают. Вы с Мармадюком – оба люди, поэтому так называется. Если, например, ты Караколю достанешься, тогда...

– В вышних сферах человекоедение процветает?

– Ну это же фигурально, твоя сущность превратиться в прекрасный цветок... Погоди, погоди... Адель по прозвищу Моравянка, что-то мне аура твоя подозрительна... – Один из стебельков молниеносно удлинился, уколол меня в палец, спрятался

внутри пластины браслета. Вскрикнула я после, рассматривая запекшуюся корочку на месте ранки.

– Прижег, сразу прижег, – успокоил Болтун, – кровь для анализа понадобилась. Да, сам могу. Что, значит, невозможно? Высший артефакт, знаешь ли, это не рядовой лессер, а... Любопытненько... Что ты там Мармадюку наговорила? Волшебный эдельвейс темной королевы?

– И лотос, – призналась я. – Цветка было два, кажется. Матушка покойная так говорила.

– Понятно, – стебельки, их стало много, изобразили праздничный салют. – Знаешь, Адель, цветочных дев в этом мире, кроме тебя, еще парочка найдется, может, с десятков даже, но ни одну из них обе наши королевы одновременно не одарили. Хотя это тоже фигура речи. Не думаю, что Нобу и Алистер хоть какое-то дело есть до человеческих дел, или... Значит, так. Нам нужно как можно быстрее выяснить, кто и зачем нашему Мармадюку такой вкусный кусочек под нос положил. Рот закрой. Да, нам. Тебе тоже. Что значит – ни при чем? Случайно такими подарками людей не одаривают. Брось. Наврала тебе матушка покойница, не для здоровья. Ладно. Уберу стебельки, раз они тебя раздражают, лицо даже скрыть могу. Не надо?

Я давно потеряла нить разговора. Ладно, разберемся. У нас ведь дел других и нет вовсе. Кушать только хочется. Опять.

Я сказала, что хочу возвращаться домой, выслушала подробную инструкцию и, не дожидаясь пробуждения Марека, поднялась с травы и зашагала в направлении города.

Разберемся. Вместе? Ну, пожалуй. Только по отдельности. Про болтовню с Болтуном я чародею пока рассказывать не буду. Потому что осторожность нужна, всегда нужна. И если подумать, меня обмануть пытались, использовать. Как-то вовсе на искреннее отношение не похоже. Вот и я схитрю.

Значит, вчера Марек попытался в какую-то магическую лабораторию проникнуть, за тем в палаты ехать и согласился. Лаборатория... В ней Караколь, наверное, с вышними сферами общается. Не пустил. Я бы тоже не пустила. Ой, да кого я обманываю?

– Адель, подожди! – растерянный донельзя Марек догнал меня уже на дороге. – Что случилось?

– А я знаю? – изобразила я натуральное удивление. – Сидели с тобой, беседовали, тут ты зевать начал и уснул.

Марек посмотрел на солнце, потер глаза:

– Надолго? И ты меня разбудить даже не попыталась?

Я развела руками:

– Как добрая хозяйка, панна Моравянка позволила своему прилежному работнику отдохнуть.

– Мы, кажется, недоговорили?

– А я передумала, воспоминания твои мне особо не интересны.

Марек не обиделся, зато возжелал крошечный такой поцелуй, оплату за откровенность. Ну и что, что непроявленную. Он готов был, награды достоин. Я сообщила, что, во-первых, никаких поцелуев никому не обещала, а во-вторых, нечего ко мне при людях лезть, в городе уже, стыд какой.

– Доброго денечка, пан Рышард!

Горожанин нам поклонился, выдул в знойный воздух колечко вонючего дыма. Марек задержался возле рышардового крыльца, чтоб перекинуться парой слов.

В трактире на стойке меня ждал конверт, Гося с Петриком внимательно наблюдали, как я ломаю нарядную сургучную печать, достаю сложенный вдвое листочек.

– Чего там, панна Моравянка?

– Приглашение от бургомистра. Завтра в его хоромах торжественный ужин для гостей.

– Завтра?

Вбежавший в залу Марек успел услышать последнюю фразу, выхватил у меня листок, прочел:

– А почему я о приеме ничего не знаю?

– Может, тебя не пригласили? – предположила я невинно, забрала послание и пошла к себе, рассказать теткам. – Работайте, лентяи. Вон за тем столиком пан уже битый час в пустую кружку смотрит.

Гося захлопотала, я продолжала раздавать указания с лестницы:

– Петрик, как освободишься, сходи в лавку к пани Надельн, заberi у нее отрез шелка, который я в прошлом месяце заказывала, и канитель к нему. Она знает. Перед моей дверью оставишь. Орыся, Зеня, тряпками у притолок пройдитесь, паутина скоро до пола свисать

будет, не трактир, а таинственная пещера, только скелетов в цепях не хватает.

Скелет у меня как раз был, правда, без цепей.

– Что еще? Ах да, Марек, тебе наверх подниматься запрещено.

Гося сдавленно хихикнула, впрочем, немногочисленные посетители от нее в веселье не отстали. Пан, которому она успела поднести полную кружку, даже пиво расплескал. Ну да, слухи уже по городу распространились. Моравянка чародею отставку дала, за малые, так сказать, ночные старания. Он теперь у бургомистра спит. Несчастливая моя репутация, ничего от нее не осталось.

Марек, пробормотав возражения, ринулся за мной, но я взбежала по ступеням и захлопнула дверь покоев перед его носом.

– Адичка? – удивились тетки.

Я рухнула на постель и все им рассказала.

Родственницы ахали недоверчиво, переглядывались, когда я закончила, Рузя тихонько проговорила:

– Получается, чародею ничто не мешало на Адичку артефакт нацепить.

От такой перспективы я заледенела:

– Ему, может, в голову такого не пришло.

– Большая ошибка, Адичка, соперника недооценивать. Всё ему пришло, в этой чернявой башке одновременно сотни вариантов развития событий выстраиваются. И такой там точно был. Он умный, этот Мармадюк, поверь. Когда ему кажется, что на него никто не смотрит, в его глазах такая древняя мудрость читается, такая усталость...

Рузя у нас известный романтик, чего не рассмотрит – допридумает. Но в этот раз я ей поверила, потому что и сама что-то такое замечала.

– И что мне теперь делать?

Гражина исчезла, опять возникла в комнате:

– Стоит перед дверью, молчит, глаза грустные, без древней мудрости.

– Знаешь что, Адичка, – сказала Рузя, – самое время деву в беде изобразить. Поплачь, вроде обиделась, пусть прощения попросит. Прости.

– И от себя не прогоняй, – поддержала ее Гражина, – когда заснет, ты с артефактом поболтать сможешь.

– Так, а на что обидеться? За то, что Марек меня в спальне запер, мы рассчитались. – Я достала из кармашка сверток.

– Заберу, – решила Рузя. – Зелье одно попробовать давно собиралась... На что? Чем нелепее причина, тем охотнее мужчина в нее поверит.

Она посмотрела на Гражину, та басовито хохотнула:

– Только сразу не прощай, не положено. Пусть вино искупит чем-нибудь. Рузька, что там у вас, кокоток легкомысленных, в заводе, цветы, драгоценности?

Маленькая тетка на «кокотку» привычно обиделась, родственницы стали ругаться. Я поискала в себе причину обиды, кажется, нашла – крайне нелепая, подойдет, – на цыпочках миновала гардеробную, приблизилась к двери покоев, прислушалась:

– Марек, ты там?

– Страдаю, – сообщил чародей после паузы, – сердце ноет.

– У меня тоже, от обиды.

– На меня? За что?

Не ответив, я всхлипнула.

– Аделька, – голос стал чуть громче, наверное, парень наклонился к замочной скважине, – скажи, чем я могу вину загладить, я все сделаю.

– Не зна-аю, – по щекам действительно потекли слезы, – зачем ты вчера целоваться ко мне полез? Сам говорил, что противно, а сам...

– Не говорил я такого! – почти крикнул Марек. – Ты, Аделька, что-то додумала и в это поверила.

Я разрыдалась:

– Обозвал меня чудовищем, смертью, обещал, что больше ни разу...

Испуганно охнув, я придержала ходящую ходуном дверь, Марек навалился на нее снаружи.

– Адель, любовь моя, судьба моя, прости, прости...

Шмыгнув напоследок носом, я вытерла ладошками слезы и деловито проговорила:

– Две песни на ардерском языке и один долгий спарринг.

Меня попросили уточнить.

– Чего непонятного? Именно это я и хочу в качестве извинительного подарка. Нет, это не эвфемизм, под спаррингом я именно тренировку в виду имела. А песни... ну мало ли какие у девиц нелепые желания могут быть.

Мармадюк пообещал все исполнить. Тетки быстро попрятались и не видели, как я открываю дверь, как ворвавшийся в покои чародей заключает меня в объятия и поцелуями осушает мои слезы. Стыд, Моравянка, какой стыд! Ни один мужик по-нормальному тобою не соблазнится, браслетами волшебными приходится к себе привязывать? Злыдня могла бы мне такие мысли нашептывать. Только приبلуд рядом не было, ни одной. Потому что Марек рядом, вот почему.

– Есть хочу, – пожаловалась я, – а спускаться вниз – нет.

– Ты устала, милая, очень устала. – Марек повел меня в спальню. – Приляг, отдохни...

Ни капельки я не устала, прекрасно выспалась, а до камней священных прогуляться – невелика работа, но легла на постель, позволила чародею себя укутать. Капризная панна Моравянка, слабенькая, беспомощная. Приятная какая роль.

– В библиотеке спрячусь, – сказала Рузя, когда Марек побежал на кухню за обедом, – тихонечко над зельем своим поработаю.

– Чудесная мысль. – Я зевнула, поправила на груди покрывало. – Тетечка Рузечка, там скоро Петрик ткань нарядную принесет. Успеете до завтра что-нибудь из нее пошить? Прилично чтоб и без особых декольте, ну, солидная трактирщица средних лет, без кокетства и прочих глупостей. Пан Килер на торжественный прием меня пригласил, долго там гостить не собираюсь. Отмечусь для приличия, и все. Олеся еще навещу, если панна секретарша позволит.

Рузечка достала из-под савана растрепанный блокнотик с набросками, полистала:

– Три складки от пояса, юбка в пол, ворот высокий, канитель пушу асимметрично, чтоб внимания к груди не привлекать. Шелк хоть купила?

– Да, коричневый, – кивнула я, – а на отделку – бронзу, такую с прозеленью, под старину. Может, вдовью вуаль приколоть?

– Чтоб румяным личиком не красоваться? – тетка вздохнула. – Эх, Адичка, будь моя воля...

Про ее волю мы с Гражиной прекрасно все знали. Алое воздушное платье, многослойное, как распутившийся цветок розы, обнаженные плечи в пене кружев, алмазные росинки на лепестках, золотые туфельки с тонкими алыми каблукками. Рузя исполнила этот эскиз в цвете почти десять лет назад. Сейчас показать не успела: Марек возвращался, тетке пришлось спешно скрываться в библиотеке. Гражина осталась, только стала прозрачной.

Парень поставил на столик у кровати поднос:

– Пани Марта желает хозяйке скорейшего выздоровления и передает ей свежий бульон для укрепления сил.

Для укрепления также требовалось кормить меня с ложечки. Будь я привычной Моравянкой, не преминула бы возмутиться, но была я Моравянкой капризной, слабенькой, послушной сильному доброму мужчине, поэтому ела вкуснейший бульон и пирог с угрем, позволяла промокнуть губы салфеточкой, морщилась от горячего, просила сначала на ложку подуть, хихикала оттого, как забавно Марек исполняет приказы.

Неужели любовь именно такая? Один любит, другой позволяет вокруг себя хлопотать? Не особо справедливо. Приятно? Пожалуй, но ненадолго. Завтра меня это все начнет раздражать, ложка с миской полетят в угол или в чернявую голову, а спальня будет оглашена моими воплями.

На десерт у меня был яблочный штрудель с сахарной посыпкой и кружка горячего глювайна, такой у нас варят только зимой или для больных.

– Ты меня опять напоить хочешь? – вдохнула я аромат пряностей, меда и вина.

Чернящие глаза наполнила скорбь:

– Беспочвенные и обидные подозрения, Аделька. От огромной своей любви дювалийское на ваши дикарские компоты трачу.

Отхлебнув, я передала глювайн страдальцу:

– Попробуй, жадина, я больше не хочу, на штрудель даже не рассчитывай, не поделюсь, хотя за волшебницу пани Марту... – Отщипнув кусочек, я засунула его в улыбающийся рот чародея. – Заслужил. Скажи, пища богов?

Десерт мы поделили примерно поровну, хихикали над пятнышками сахарной пудры на носах и щеках, поили друг друга из

кружки. Марек спросил меня об отце.

– Не знаю, никто не знает. Маменька... Нет, это не то, о чем ты подумал, болван! Мутти приличной женщиной была! И очень, очень одинокой. Она хотела ребенка, так хотела, что однажды у нее появилась я.

– Что значит «появилась»?

– Так бывает, когда Берегиня о чем-то просит у вышних сфер, о чем-то действительно важном, эту просьбу обязательно исполняют. Мораве нужна была наследница, кто-то, кто сможет после нее берегиней стать. Маменьке отдали меня. Волшебные фаты принесли...

– Куда? – перебил Мармадюк, подавшись вперед. – В Лимбург? В этот трактир?

– Разумеется, нет. Просьбы не так работают. Нужно на священную гору подняться к тому самому озеру, через которое в наш мир феи выходят. Маменька туда паломничество совершила, как положено, искренне помолилась. И две прекрасные девы появились из озера с колыбелькой на руках. Сказали ей, как меня зовут, и предупредили, что младенец не простой, его пришлось росой с волшебного цветка напоить, иначе ребенок бы не выжил. Вот и все.

– Что значит «все»? Имена фей? Откуда они тебя взяли? Моравы твоих настоящих родителей искать не пытались?

– Имен своих волшебные панны не сообщили. – Я пожалала плечами. – Откуда? Мутти решила, что меня в жертву темнейшей королеве в одном из горных поселений принесли. Там, знаешь, до сих пор такой культ Нобу процветает. Поэтому она и семью мою искать не стала.

– А ты сама не пробовала?

– Зачем? – хихикнула я. – Да и времени у меня на поиски не было. Берегиня постоянно на посту или после дежурств отсыпается. Мне тринадцать исполнилось, когда мама заболела и слегла, пришлось и трактир на себя взять.

– Неужели твоя мутти, – последнее слово парень почти выплюнул, – не видела, что ты совсем на тарифку не похожа?

– Мужчинам, наверное, неизвестно, что у всех младенцев после рождения голубые глаза, и появляются они на свет без волос? Когда пушок на моей голове потемнел и глаза стали карими, матушка уже настолько меня любила, что никому бы не отдала. Да и, сам подумай,

что бы простые люди делали с ребенком с моими особенностями? Матушка, по крайней мере, могла меня от лессеров защитить.

– Золотой сковородкой и хрустальным ящиком, – пробормотал чародей. – Как Моравя этот гроб с гор приволокла?

– Волшебные панно артефакты эти сами сюда прислали. Когда матушка домой вернулась, ящик стоял на чердаке, на крышке, прижатая золотой сковородкой, лежала записка, что оба предмета помогут цветочному созданию выжить, чтобы свое предназначение исполнить.

– А что за предназначение? Записка сохранилась?

На оба эти вопроса ответов у меня не было. Про послание можно было потом теток спросить, они ведь одновременно с артефактами в Лимбурге появились. Но в эту тему мне сейчас углубляться не хотелось. И без того расслабилась, болтаю с чародеем как с приятелем. Осторожность, Адель, прояви осторожность. Он тебе не друг, а хитрый интриган, ведущий свою игру. Ты тоже играешь.

– В сон клонит, – фальшиво зевнула я, – а ночью надо будет по улицам пройтись, чтоб приبلуды не множились.

– Вместе пойдем, – решил Мармадюк, – пока отдыхай.

– Хороший какой хлопец, – сказала Гражина, вылетая из темного угла спальни, – хоть к ране прикладывай.

– Тетечка все время здесь находилась?

– Приглядывала, – согласился почти прозрачный сгусток тумана, – собиралась, если что, Рузьку на помощь звать.

– Не бойтесь, – широкая улыбка должна была маскировать то, насколько мне сейчас гадостно, – пока браслет на Мармадюке, он абсолютно безвреден.

– А ведь парень тебе нравится, деточка. – Рузя, шагнувшая через порог, не спрашивала, утверждала. – Очень нравится.

– И это ужасно. – Откинувшись на подушках, я натянула одеяло на голову, потому продолжала говорить приглушенно. – Моравянке нравится мужчина, который к ней ничего, кроме гастрономического интереса, не испытывает.

Костлявые пальчики погладили мою макушку сквозь ткань:

– Отчего же, чародей любит.

– Из-за браслета, и поэтому мне еще противнее.

– Хлопец, Петрик который, от портнихи сверток уже доставил, под дверью с той стороны лежит. – Донесся в мое укрытие бас Гражины.

– Не вставай, Адичка, – костяной стук отдалялся от кровати, – сама возьму.

– Отдыхай, деточка, мы с Рузькой в библиотеке посидим, там сейчас ножницы будут, иголки... Поспи...

Через некоторое время хлопнула дверь покоев, щелкнул замок, съехала в пазах и вернулась на место панель в гардеробной. Еще чуть-чуть подождав, я откинула с головы покрывало, бесшумно всхлипнула и вытерла ладонями мокрое от слез лицо. Как больно! Невыносимо просто. Если именно такова плата за жизнь, ну ее, такую жизнь, к фаханам. Сегодня же после патрулирования предложу Мармадюку браслет снять и моей цветочной плоти отведать. Только пусть пообещает потом теток не обижать. Да, о них расскажу. И Медоточие... Возьму клятву, что чародей с камнями что-нибудь сделает. И... приятного аппетита. Что сделает? То есть что он вообще может сделать? Передник по-женски повязать и мною притвориться? Так дух Медоточия не поверит. Он невинную панну хочет, а не болтливую мага. Нет, потерплю. До окончания праздника побуду любимой Марекком Аделькой, а когда ворота в фаханову бездну закроются, тогда и отдамся. То есть ну не в этом смысле отдамся, а в кулинарном... А берегиней кто после того, как я в чертоги пана нашего Спящего отойду, станет? Не годится. Значит, сначала мне дочь нужна. Мармадюк согласится потерпеть? Ой, для детей еще муж понадобится, влюбленный маг за другого не отпустит. Сам отцом стать согласится? Или, по старинке, у фейского озера ребеночка попросить? Хорошая мысль. Гесе можно трактир подарить, Петрик пусть на ней женится, дочку тетки как нужно воспитают...

Нет, Аделька, ты совсем умом тронулась. Родного ребенка сиротой ради какого-то постороннего мужика оставлять. Драгоценную... Малгожатку. Да, ее именно так звать будут, Малька, Малечка, Малюся... Каким бы именем доченьку панны феи не наградили...

Я заснула и проспала до самого заката.

Глава 7

Фаханова ловушка

Я стояла перед зеркалом, поправляя подол моего приличного парадного платья. Мармадюк заглянул в комнату, хлопнул в ладоши:

– Прекрасно ровно настолько, чтобы я здесь не мучился ревностью.

Вчера мы с ним пришли к соглашению: я отправляюсь на прием к бургомистру, он остается в трактире за хозяина. Беспроегрышный вариант с хозяйским статусом и в этот раз не подвел, Марек с радостью согласился. Мы вместе прогулялись по ночному Лимбургу, развеяли парочку приبلуд и даже не спорили, кто где ночует. За целый день я так отоспалась, что согласилась разделить с магом свою кровать. Действительно разделить, на две половинки, волшебной золотой сковородкой. Марек еще потешался, что Спящий, если верить легендам, когда был еще человеком, использовал в подобных целях меч. С какой именно из своих жен, в легендах не уточнялось. Может, меча было тоже два. Я думала, Марек заснет первым, и я поболтаю с его артефактом. Отоспалась же, как было уже сказано. Ошиблась.

Сначала, когда мы оказались по обе стороны от разделяющей сковородки, со мною беседовали на самые горячие темы, не кулинарные.

– Адель, – шептал чародей, – когда ты наконец сдашься, я поцелую тебя всю, от макушки до кончиков пальцев на ногах, не пропуская ни кусочка твоего белого сладкого тела...

Не знаю, на что Мармадюк рассчитывал, мне от слов «сладкое» и «тело» в одном предложении было так страшно, что зубы стучали. А там же еще «кусочки» фигурировали!

– Расскажи, – перевела я тему, – о тех феях, с которыми ты на волшебной горе жил.

Ну вот кто меня за язык тянул? Плохая тема и Болтуном уже развитая чуть больше чем полностью.

– Ты совсем не ревнуешь, милая? – Марек мечтательно улыбнулся. – И ты абсолютно права, ни одна из фат не сравнится с

моей Аделькой, и ничто, что у нас с ними происходило, даже не приблизится к тому, что будет с драгоценной Моравянкой. Она будет...

– Феи, – перебила я мужские грезы. – Как их звали?

– Асмодия и Флоризея.

– Красивые имена, – поддержала я беседу по обыкновению всех трактирщиков и отпихнула сковородкой придвинувшегося Марека. – И что же, эти панны были красноволосы и красноглазы?

– Что? – переспросил он, потирая место ушиба. – Ах, нет, это фаты, что по нашему миру бродят, придерживаются во внешности классических традиций. Мои подружки были благородными дамами, обитательницами вышних сфер, фрейлинами самих королей. Асмодия служила, то есть, наверное, все еще служит, темнейшей Нобу, а Флоризея – наперсница светлейшей Алистер. Поэтому... Флоризея – очень статная светлокожая блондинка с голубыми как зимний лед глазами, у нее тонкий носик, большой рот, точеные черты лица и...

Марек посмотрел на мою грудь, я прикрылась сковородкой:

– А как выглядит Асмодия?

Мармадюка позабавили то ли воспоминания, то ли мой пугливый жест.

– Точно так же, милая, только в других цветах. Волосы как ночь, глаза как фиолетовые драгоценности. Знаешь, мне раньше не приходило в голову, но панны эти... Ну, как будто двух одинаковых фарфоровых куколок мастер просто решил по-разному раскрасить. И, – чародей мне подмигнул, – не знаю, как ты, смешная пейзажка, воображаешь себе наши развлечения...

– Ты им пел? – перебила я, уже собираясь огреть нахала по голове сковородкой.

– Точно! – Мармадюк вскочил с кровати, прошел сквозь туманную тетку Гражину (совсем родственница осторожность потеряла, еще чуть-чуть, и ее заметят), порылся в сундуке и достал мандолину. – Я должен своей любимой две ардерских песни. Пусть первая будет колыбельной.

Он плюхнулся обратно на постель, подложил под спину подушку.

– Да будет тебе известно, милая, что ардерский называют языком любви.

– А скасгардийский – войны, тарифский – торговли, малихабарский – мудрости, – фыркнула я, отпуская сковородку, –

доманский тоже как-нибудь называют. Все уже поняли, что ты ардерец. Пой!

Длинные смуглые пальцы нежно коснулись струн, в полутьме я видела, что голова тетки Рузи высунулась из-за двери, Гражина парила под потолком огромной кляксой, колышась в такт мелодии. Мармадюк запел, гортанно, нездешне... Колыбельная оказалась нескончаемой, куплет за куплетом, припев, проигрыш, может, я вполне это допускала, чародей исполнял песню по кругу. Очень скоро веки мои налились тяжестью, спина расслабилась, затылок уютно вжался в подушку, и я бесславно заснула.

Утром тетки отчитались, что покушений на мою честь не воследовало, а браслет с ними говорить не пожелал или не смог. Марек мотался по трактирным делам, оказываясь одновременно в десятке мест, но успел забежать на кухню, где мы Госей завтракали, чтобы проверить, с какой стороны у меня завязан передник. Мальчишка!

После обеда Моравянка с «женишком» прогулялась за городскую стену. Честные жители предавались полуденной неге, поэтому мало кто увидел и удивился, что трактирщица одета в мужской костюм. На просеке мне отдали часть долга, выступив спарринг-партнером в тренировке. Я долг не засчитала:

– Пан пришлый дерется вполсилы, наверное, боится получить сдачи.

Марек хохотал, потирал ушибы:

– Не могу, Аделька, действительно не могу. Умом понимаю, что тебя бревном не перешибешь, Берегиню драчливую, а сердце не позволяет боль причинять. Ну хочешь... Не знаю... Тебе же просто какой-то мальчик для битья нужен?

– Петрика не предлагать, – надула я обиженно губы.

В них меня и чмокнули, пообещав прекрасного мальчика для моего полного удовлетворения найти. Да, да, сильного, как медведь, и беспринципного, чтобы с панной подрался, и не чародея, чтоб почестному все было. Когда? Как только, так сразу.

– Люблю, – шептал чародей, – больше жизни... Мармадель, ты ведь абсолютно ни в чем не виновата, я сам браслет подчинения на себя надел, сам... Не знал, какое это невыразимое счастье...

Он признался в обмане!

Невинный, в общем-то, поцелуй перетек во второй, слишком долгий и страстный. Я ощущала, как свободная от корсета грудь трется о ткань сорочки, пока моей, тихонько стонала, вскрикнула, когда мужская ладонь скользнула по телу под одеждой. Совсем Моравянка разгорячилась, самое время все вчерашние фантазии воплотить. Кровь? Что кровь? Этот мужчина сможет с любым лессером справиться. Да, Мармадюк уверен. Он любит и хочет, и знает, что я тоже хочу...

Я не хотела. Получится, что я как те две... кокотки волшебные с человеком поступлю. Как бы Марек не хорохорился, и мне и ему ясно, что панны-феи его зачаровали и воспользовались. Так же, как сейчас собиралась, то есть, наоборот, не собиралась поступить я.

– Послушай, – сказала я отстранившись, – послушай, если после того, как ты с себя этот проклятый браслет снимешь... если... и тогда захочешь... Без любви, без обещаний, без обязательств...

Дышала я прерывисто, тяжело, пальцы дрожали на стянутом вороте сорочки.

– Клянусь, Мармадюк, если ты захочешь, Мармадель по прозвищу Моравянка станет твоей.

И все, больше ничего говорить я не могла, отвернувшись, побрела к пастушьим воротам, чувствуя в затылке холодок, то ли от взгляда чародея, то ли оттого, что клятва моя была настоящей.

Марек меня не догонял, следовал шагах в десяти и ни разу не попытался разделяющее нас расстояние уменьшить. А я не оглядывалась. Ну, может, раз или два. Ровно чтобы увидеть, что плетется понуро.

Все-таки ты, Адель, дурочка. Он же захочет, непременно захочет. Какой нормальный мужик от «без любви, без обязательств» откажется? А ты останешься одна, до последнего вздоха вспоминать...

«И ладно, – подумала я, отодвигая плечом замершего на пороге пана Руфуса, – клятва есть клятва».

Смешной доманец попытался схватить меня за руку, болтал «аморе».

– Ни словечка вашего, вельможный пан, не понять, – широко улыбаясь, я показала себе через плечо. – К этому вон хлопцу с «аморами» приставайте, он оценит.

Вошла в пустой трактирный зал, взбежала по лестнице. Марек задерживался снаружи, видно, оценивал рулады гостя. И тоже ладно... У меня визит к бургомистру вечером, лучше, чем терзаться, посплю, сил наберусь.

– А вот любопытно, – пробормотала я, завалившись в постель, – отчего вы меня другим наречиям не обучили?

– Морава не велела, – ответила Гражина. – Да и необходимости особой не было: ты, Адичка, за двадцать три года ни разу за пределами Тарифа не бывала. А если фолиант какой заграничный перевести, так мы с Рузей к услугам. Амор, говоришь? Это любовь по-домански, пан Руфус воспылал. Но ты и без толмача это поняла.

Потом тетка спросила, как наша тренировка с чародеем прошла и почему Марек к нам не поднимается. Я притворилась, что задремала, потому что отвечать не хотелось, и скоро действительно погрузилась в неглубокий беспокойный сон. Сквозь него я слышала, как открылась дверь, негромкие шаги, скрип половиц, шепот Гражины:

– Прячься, Рузка.

– Опять кошмар? – Прохладная ладонь скользит по моей скуле, ключицам, страшные картины отступают, я успокаиваюсь. – Мармадель... Какое редкое имя.

Матрас прогнулся, как будто рядом со мной еще кто-то прилег, талию обхватили чужие руки.

– И снова здравствуйте, – раздалось на уровне моего живота. – Магия засыпает, просыпаются честные горожане. Ну же, прекрасная трактирщица!

Опустив взгляд, я улыбнулась рожице Болтуна:

– Рада слышать. Идите сюда, тетечки.

Родственницы вдвоем нависли над кроватью, Марек уютно посапывал на подушке, уткнувшись носом в мои волосы.

– Привидения, – обрадовался браслет, – неупокоенные призраки, опекунши, так сказать. Что ж вы, опекунши, деточку свою так скверно воспитали? Ни гордости женской, ни осторожности. Знаете, что она Мармадюку сегодня пообещала?

– Ты слышишь его, Адичка? – пробасила Гражина. – Мне только видно, как ротик нарисованный шевелится.

Рузя тоже слова артефакта не слышала. Славно как. А то я уже собиралась Марека расталкивать. Не хватало, чтобы меня его

побрякушка перед родственницами позорила. Что, Болтун, съел?

С ехидной улыбочкой я проговорила:

– Высший артефакт Болтун выражает безмерное удовольствие от встречи с моими опекунами.

– Мы тоже, – тетки синхронно присели в реверансах, Рузя прищелкнула костями, Гражина посинела, – безмерно...

– Врушка, – сказал браслет, – и дурочка. Ты понимаешь, что именно чародею пообещала? Ты ведь девица, Моравянка, поэтому будет кровь...

Я недоуменно поморщилась. К чему он вообще ведет? Какая еще кровь?

– В двадцать три года ты таких вещей не знаешь? – веселился Болтун.

– О чем он, Адичка? Почему ты побледнела?

Кое-как сформулировав вопрос, я зажмурилась от обрушившейся на меня информации. Тетки зашептали одновременно в оба уха, костяшки Рузи сомкнулись на локте, чтобы я не дергалась. Что значит у собачек с кошечками такого нет? Только у людей? То есть у девушек? Только в первый раз? А раньше почему не рассказали? К слову не пришлось? А если бы я, не дай Спящий, с тем же господином Килером...

Рузечка испуганно ахнула, ей этого и в голову не приходило. И Гражине тоже.

Высший артефакт так хохотал, что я стала опасаться, что он ненароком разбудит своего носителя.

– За сотни лет таких забавных дурочек не встречал! Вот умора! Мармадель по прозвищу Моравянка... – Болтун посерьезнел. – Совпадение? Не думаю. Во-первых, совпадений не бывает, а во-вторых... Ну-ка, спроси своих страшных родственниц...

Внимательно выслушав указания, я проговорила вслух:

– Артефакт интересуется, кто именно из волшебных панн был моей феей, дарующей имена, и не она ли в трактир сковородку с хрустальным ящиком доставила.

Тетки не знали. В послежизни они сразу оказались на трактирном чердаке, себя почти не осознавали, поняли, что происходит, только когда я их заметила. Мутти им про фей особо ничего не рассказывала, записку, которая к артефактам прилагалась, Морава незадолго перед

смертью в камине сожгла. Вещи? Те, что при Адичке в колыбельке были? Тоже спалила. Да, тогда же. Почему? Не хотела, чтоб доченька расстраивалась и от пустых мечтаний. Пеленка какая-то, погремущка. Деревянная, да, дотла.

Рузя по швейной привычке припомнила, что ткань у пеленки была дорогая, и что ей теперь кажется – со срезанной окантовкой. То есть она вполне допускала, что там вензеля какие-то могли быть. А Гражина, не желая отставать от сестры, сообщила, что уничтожение младенческих вещей по времени с визитом в Лимбург бродячего миннезингера совпало.

– Разумеется, ты, Адичка, этого не помнишь. Водяницы тогда из реки полезли, ты день и ночь по щиколотки в воде скакала. Певец этот попросил разрешения публику развлечь, а после к хозяйке поднялся.

– Не миннезингер он был даже, пришлый. Менестрель, вот кто, – поправила Рузя, – доремарская, хвастался, песенная школа.

– Ну поиграл на ротте своей, то есть на мандолине, баллады жалостливые исполнил. Морава плакала, а как ушел, попросила тогдашнюю работницу ей помочь с одра сползти, ну и пожгла в камине вещицы младенческие.

– Что за баллады? – спросили мы с Болтуном, я, разумеется, вслух.

Тетки завели в два голоса. Заунывную невнятицу не понимала только я, Болтун хихикал как от щекотки, и даже подпел куплет. Пришлось уточнять:

– И о чем речь?

– Грустнейшая история о предначертанной, но так и не случившейся любви, – пояснил браслет. – Он и она, с парными, заметь, именами... Неужели ты их не разбираешь?

Гнусавый трескучий ардерский, как будто страдаешь от соплей, набрав полный рот речной гальки. Где тут разобрать? Хотя...

– Мармадель и Мармадюк, – фыркнула я, – и от этой чуши матушка опечалилась?

Гражина тяжело вздохнула:

– В последнем куплете что-то вроде предсказания было. Что-де судьба не любит, когда ею пренебрегают, и мстит.

Болтун повторил последние строчки песни и перешел на тарифский:

– Не имел чести с твоей мутти быть знакомым, но думаю, ей всего-навсего не хотелось, чтоб Берегиня славного Лимбурга, наплевав на обязанности, своим прошлым интересоваться стала.

– У тебя нет никакого права про матушку гадости говорить! – щелкнула я по браслету. – Понял?

Тетки немедленно уточнили, какие именно гадости. Я повторила.

– Каково?

Родственницы промолчали, но переглянулись с отвратительной многозначительностью.

– Это клевета! – Соскользнув с кровати, я стала мерить шагами комнату. – И бред!

– Если считать, что Морава поверила песенной байке, действительно бред, – согласился Болтун. – И остался у нас, Мармадель, только один вариант, мой. Не мельтеши. Правда, даже такая горькая, лучше приятной лжи.

– Да пошел ты...

Не закончив фразы, я выбежала из спальни, пронеслась в ванную, захлопнула с грохотом дверь, открыла до упора краны с водой и стала срывать с себя одежду.

– В бездну, к фаханам, на ту сторону мира, пусть тебя водяницы до смерти защекочут, пусть стригои изжуют, пусть твои вышние сферы отдадут тебя в переплавку, в пыль измельчат...

Нырнув в ванну, я задержала дыхание.

Это правда, и мутти действительно заботилась о городе больше, чем обо мне.

Сев ровно, я вдохнула горячий влажный воздух.

«Морава настоящей берегиней была, мы так и должны поступать. Перед ее смертью я поклялась, что дело продолжу, Лимбург без защиты не оставлю. Сегодня, правда, Мареку в другом клялась, идиотка сластолюбивая... А все дурная кровь. Я ведь, если подумать и все, о чем сегодня узнала, сложить, самая настоящая ардерка. Тамошние люди очень страстям телесным подвержены, недаром их гнусавое наречие языком любви назвали. Нет, нет, я не такая. Мы, тарифки, женщины порядочные. Себя чародею пообещала? Так обещать – не значит дать... Не мои слова. Откуда только знаю? На девиз похожи...»

Власть наревевшись, я подремала в остывающей воде, выбралась из ванны, неторопливо высушила волосы. Сколько там уже натикало? Наверное, к бургомистру собираться пора.

В спальне перед ростовым манекеном, одетым в старушечье, хотя и нарядное платье, меня ждали тетки. За окном сумерки перетекали в настоящую ночь. Чародей покои уже покинул, наверняка удивляясь своим внезапным приступам сонливости.

Меня облачили, пригласили к зеркалу в гардеробной, чтобы причесаться. Тетки молчали, видимо, не желая расстраивать. Ну они-то должны понимать, что у мутти других вариантов с дочуркой не было? Они все о нас знают.

Рузя разбрызгала над моей строгой прической немного духов, потянула носом, юркнула вниз поправить подол. Очень вовремя: в комнату заглянул Марек, и тетка успела спрятаться за вешалкой.

– Прекрасно ровно настолько, чтобы я здесь не мучился ревностью.

– Повторяетесь, пан чародей.

Я рассмотрела свое отражение. Цвет мне не шел, от асимметрично нашитой канители вся фигура казалась грузной и несколько скособоченной. Стянутые в жгут на затылке волосы открывали широкий лоб, привлекали все внимание к густым бровям. Припудренные губы выглядели бескровными. Чудесно. Даже драгоценный пан Килер вряд ли покусится на такое страшилище. И духи правильные, пожилые: ладан и сырость. То есть, наверное, ладан и свежесть, но пахнут сыростью. Что ж, Моравянка, можно идти. Панна Ясна должна была мне бургомистров экипаж прислать. Внизу приглашения бисерным почерком секретарши было об этом написано. До торжества оставалось больше часа, и я надеялась, что подруга позволит мне это время провести с Олесем.

Настроение было почти великолепным, я попрощалась с тетками, позволила Мареку проводить меня вниз. Гости, которых в трактире было привычно много, сразу стали над ним подшучивать. Он балагурил, что да, только в этом наряде может любимую женушку в чужой дом отпустить. Ну, хорошо, пока не женушку, но дело за этим не станет. Ага, никуда от него Моравянка теперь не денется, даром, что ли, золотой браслет подарила? Он? Тоже подарил. Нет, не пояс

целомудрия, который под платьем не видно, а пану Рышарду явно к супруге возвращаться пора.

Подначки казались мне необидными, я даже хихикала. Вот бы и дальше так было: полный трактир народа, веселье, дружелюбный хозяин, расторопные работники.

Ливрейный лакей, сидящий у крайнего столика, встал и поклонился, когда мы к нему приблизились. Публика шумела, требуя прощального поцелуя. Мармадюк взглянул на мои напудренные губы:

– Вельможное панство, знаю другой способ вас развлечь. В отсутствие нашего миннезингера... пана Шпильмана, чтоб вы знали, за огромные деньги наняли услаждать бургомистровых гостей... сегодня...

Марек подтолкнул меня к выходу, сам направился к стойке, где Петрик уже доставал мандолину.

– Сегодня я исполню...

Вопли Марека и гомон толпы отсекала закрывшаяся дверь трактира. Я проследовала к экипажу. Великолепное почти настроение пропало как утренний туман. Не то чтобы мне очень хотелось сейчас поцелуев, совсем не хотелось, но равнодушие, с которым меня в гости отправили, не могло не расстраивать.

«В платье все дело, – решила я, – даже волшебным влюбленным от него ужаснется», и запретила себе дальше думать о чародее. Вот вернусь после полуночи, переоденусь, попрошу вторую извинительную песню спеть, сорочку на плече приспущу, посмотрим тогда, кто из нас больше в другом заинтересован.

В приглашении меня на прием ничего необычного я не усматривала. Хозяйка единственного приличного трактира – персона не рядовая, меня и предыдущий наш бургомистр приглашал, и матушку мою регулярно. Накоротке с властью предержавшими мы никогда не были, но в палаты были вхожи. Экипаж медленно вполз на холм, лошади пошли резвее. За окошком виднелись пустынная дорога и очертания раскинувшегося внизу Лимбурга. Красивый у нас город, правда, сейчас не видно особо, но нарядный, чистенький. Справные хозяева заботились о черепичных крышах, соревновались друг с другом в оригинальности флюгеров, и улицы у нас ухоженные, и дворы, в палисадниках у крылечек почти круглый год что-то цветет и зеленеет. Днем с этого холма чудесный вид открывается.

Странно, почему на дороге только мой экипаж? Прочие приглашенные горожане успели уже прибыть? Да нет, не похоже. И перед хоромами, когда я вышла из кареты, кроме панны Ясны никого не было. Лакей, помогавший мне спуститься, запрыгнул на козлы, экипаж немедленно тронулся, сворачивая во внутренний двор. Мы с секретаршей обменялись приветствиями, она скептически осмотрела мой наряд:

– Фантазия твоей портнихи превосходит...

Слов у девушки не нашлось, она скривилась и покачала головой.

– Нет, нет, – отвечала она на мои расспросы, – сегодня прием только для гостей его высочества. Милорд пригласил для развлечения музыкантов, но больше никого из посторонних не будет. Аристократы, Адель. Цвет Тарифа и даже, представь себе, некоторые представители Авалона. Вышняя канцелярия такую персону прислала... Ты? – Ясна хихикнула. – Скажем так, пригласить сегодня тебя было моей личной идеей. Господин не возражал. Олесь? Малыш прелестен! Идем, Моравянка!

Миновав парадный вход, мы углубились в переплетение коридоров и коридорчиков, поднялись на второй этаж, пересекли анфиладу гостиных. Здесь было безлюдно и тихо, торжественный ужин, как мне пояснила девушка, накрывали в одной из парадных зал, мы спустимся к гостям уже после начала и смешаемся с толпой. Нет, нет, пан бургомистр не будет возражать.

Наконец, толкнув белоснежную лакированную дверь, секретарша пригласила меня в детскую. Олесь уже ходил! Мальчик выглядел очаровательным пятилетним сорванцом, в голубом шелковом костюмчике, с золотистыми локонами и прекрасными глазами цвета весенней травы. Он подбежал поздороваться, боднул меня в бок, заливисто рассмеялся.

– Растет как на дрожжах, – похвасталась Ясна, – господин считает, что через несколько дней мы услышим от нашего проказника первое слово.

Олесь немножко поласкался, но быстро потерял к нам интерес, вернулся к сидящей в кресле кормилице. Пани Футтер, женщина выдающихся форм и вялого темперамента, едва ответила на мое «доброй вечер» и растянула на груди блузку. Мальчик устроился на ее коленях и стал есть. Я отвела взгляд. Олесь выглядел слишком

взрослым для такого питания, от этого сцена показалась мне слегка непристойной.

Детская была великолепно обставленной и раз в шесть больше той каморки в трактире, где я собиралась поселить своего найденыша. Сваленные у стен игрушки поражали воображение обилием и дороговизной: кукольные домики, отряд заводных солдатиков, щелкунчики, плюшевые медведи, фарфоровые балерины в невесомых пачках, деревянные мечи, щиты, копья, лошадки-качалки, лошадки-каталки, лошадки-распотрошенные валялки. Впрочем, большинство игрушек носили следы варварского к ним отношения.

– Резвый шалун, – пояснила секретарша. – Сама увидишь.

Пока Олесь подкреплялся – а процесс, судя по всему, грозил затянуться, – Ясна пригласила меня в оконный альков, где нас ждал круглый столик с удобными креслицами, сервированный легкими закусками и вином. От вина я отказалась, хозяйка позвонила в колокольчик, велела слуге принести воды. Юноша в ливрее опасно покосился на кормилицу с ребенком и отправился исполнять поручение. Олесь не только с игрушками безобразничает? Но Ясна на поведение слуги внимания не обратила, предложила мне попробовать кремовое воздушное пирожное. Я откусила и положила лакомство на краешек фарфоровой тарелки. Излишне сладко, да и перед ужином перебивать аппетит не хотелось. Мы поболтали, я рассказала, что дела в трактире обстоят прекрасно, в том числе и заботами Марека, заверила Ясну, что наш с ней договор о празднике Медоточия остается в силе. Говорить приходилось экивоками, потому что при кормилице. Секретарша улыбалась, но выглядела немножко рассеянной, как будто теоретическое замужество ее больше не интересовало. Странно... Это ее присутствие вышних персон от личных дел отвлекает?

Олесь закончил подкрепляться, спрыгнул с коленей пани Футтер. Женщина облегченно вздохнула, откинула голову и, кажется, задремала. Мальчик подошел к нам, Ясна потянулась к нему, чтоб приласкать, но сорванец стал вырываться, стол пошатнулся, графин с рубиново-алым вином упал, щедро заливая содержимым скатерть и мое платье.

– Псячья дрянь! – Вскочив, я безуспешно пыталась стряхнуть быстро впитывающуюся жидкость.

Секретарша бросилась ко мне с салфеткой, олененок звонко захохотал:

– Псячья дрянь! Псячья дрянь!

Да уж, вряд ли панна Ясна будет кому-то хвастаться первыми словами своего подопечного.

– Пустое, – попыталась я успокоить расстроенную девушку, – на коричневом пятна не будут заметны. Олесь, прекрати!

Мальчишка, бормоча так понравившееся ему ругательство, засовывал в рот одно пирожное за другим. Проснувшаяся кормилица потащила ребенка к себе, я отпихивала руки секретарши, слуга, вошедший в детскую с кувшином, испуганно наблюдал с порога вакханалию.

Шелк платья неприятно лип к телу, поэтому, когда Ясна перестала суетиться, я без возражений перешла в ее покои, чтоб умыться. В ванной около детской пани Футтер сражалась с вымазавшимся мальчишкой, покои секретарши находились чуть дальше по коридору. Квадратная спальня с узкой кроватью, туалетный столик у окна, букетик фиалок в вазе, за ширмой – гардеробная ниша и таз для омовений. Более чем скромно. Настенное зеркальце отразило мое лицо в потеках размазанной пудры.

– Ужасно, – решила хозяйка, – раздевайся, Адель, своими силами мы пятен на шелке не выведем.

Она позвонила в колокольчик, в спальню вошла пара молоденьких горничных, так быстро, будто ждали за дверью.

– Помогите разоблачиться панне трактирщице, – скомандовала Ясна, – и чтоб за полчаса ее платье было приведено в идеальный порядок.

Во рту у меня все еще был неприятный сладковатый привкус крема, поэтому, выскользнув из коричневых шелков, я подошла к туалетному столику, на который поставила захваченный в детской кувшин. Вода была холодной, кроме прозрачных осколков льда в ней плавали какие-то листики и дольки кислых лимонов. Довольно освежающе. Горничные унесли платье, Ясна сокрушенно пожалала плечами:

– Прости, Моравянка, дети всегда доставляют море хлопот. – Она посмотрела на мою нижнюю сорочку и слабо улыбнулась: – Хотя, если

быть честной, в белье ты выглядишь гораздо привлекательнее, чем в своем странном наряде.

– Надеюсь, кроме нас с тобой, этой привлекательности никто не оценит, – хихикнула я, убирая с губ прилипший листок.

– Да уж... – Ясна присела на пуфик около туалетного столика и повела рукой, приглашая меня сесть на ее кровать. – Пани Футтер мы твоим неглиже тоже шокировать не будем. И Олесь... Правда же, малыш прелестен?

– Если не считать того, что буквально олицетворяет хаос и разрушение... – Я плюхнулась на кровать, нагнулась, чтоб поставить кувшин у ног и, сделав это, решила не разгибаться, прилегла щекой на твердую подушку. – Красавчик, эти локоны и зеленые глаза... Как быстро он растет... Знаешь, а я ведь, кажется, знаю, как будет выглядеть взрослый Олесь. Я видела...

Язык почему-то заплетался, но я во всех подробностях поведала секретарше о первой встрече с волшебным оленем, то есть голым мужчиной в плаще из оленьей шкуры, то есть не в плаще, а... Узкое личико девушки покачивалось перед моим затуманенным взором. Она кивала, но, кажется, не мне. Ливрейный лакей, вдруг оказавшийся в комнате, показал секретарше фарфоровую тарелку с пирожным, Ясна кивнула на кувшин. Чьи-то руки приподняли мои щиколотки, помогая удобнее устроиться на кровати. Вытянувшись во весь рост, я рассматривала разрисованный цветами потолок. Хозяйка этой спальни любит цветы и разбирается в травах. Куда она подмешала дурманящее зелье? Наверняка начинила им пирожное, поэтому крем показался мне неприятным. Да, в пирожном, недаром секретарша так испугалась, когда Олесь набросился на лакомства. Но неужели от крошечного кусочка меня могло так развезти? Значит, отравы была и в воде, кувшин которой я так легкомысленно выхлебала.

Девушка присела рядом со мной, тихонько зашептала на ухо:

– Не бойся, Моравянка, мы не причиним тебе зла. Помнишь, я говорила, что сегодняшней прием только для своих? Он еще более узкий, чем ты можешь себе представить. Гости-люди насладятся прекрасным ужином и музыкой, а для существ волшебных подготовлено особое развлечение. Для него нам нужна цветочная дева и влюбленный в нее маг.

Скосив глаза, я рассмотрела туманный силуэт секретарши и вполне четкую приبلуду, свернувшуюся калачиком на ее голове. Злыдня пульсировала, питаюсь чистейшими эманациями зависти и злобного торжества. Что за ерунда? В доме, полном чародеев? Ясна хихикнула:

– Я сказала «цветочная дева»? Нет, Моравянка, ты нам для представления не понадобишься, хватит твоего нелепого платья, чтоб другая изобразила предмет волшебной страсти Мармадюка. Хочешь возразить, что он распознает подмену по запаху? А вот и нет! Мне удалось создать духи, точь-в-точь повторяющие твой волшебный аромат...

Эти слова заставили меня дернуться, и вовсе не от мыслей о несчастном Мареке. Я вдруг вспомнила, как тетечка Рузя разбрызгивала над моей головой другие духи. Тогда я не обратила внимания, что родственница принохивалась. Она быстро перестала, присела, чтоб поправить подол платья, но...

Мой жалобный стон был воспринят секретаршей превратно:

– Твой драгоценный чародей сегодня будет целовать другую!

Мне было ровным счетом на это наплевать. Тетка Рузя! Первый признак того, что неуспокоенный дух превращается в духа злобного – то, что он начинает различать запахи. Именно на этом я подловила покойного Ласло, зловещего спутника златорогого оленя. Тетечка! Как же так?

Панна Ясна, решив, что достаточно надо мной покуражилась, поднялась с кровати и ушла. У порога злыдня, уже разросшаяся до ее размеров, выбросила к потолку щупальце маслянистого тумана. Там, где оно коснулось штукатурки, набухло пятно. Дверь закрылась, на меня сверху спланировала новая приبلуда. Эта питалась страхом. Примитивный слабенький лессер, будь со мной сковородка... Меня окутал холодок подступившего страха. Я неподвижна, не могу пошевелиться, даже сковородка сейчас не поможет. Скоро весть о том, что Берегиня беспомощна, разнесется по округе, сотни злыдней набьются в эту спальню. Время шло, приبلуда на моей груди раздулась как пиявка, ей было вкусно и безопасно. Вот ведь...

– Псячья дрянь! – закончил мою мысленную фразу звонкий мальчишеский голос.

Олесь быстро ко мне протопал, наклонив по-оленьи головку, боднулся, из локонов торчали вполне реальные золотые рожки. Злыдня лопнула, брызнув во все стороны маслянистыми сгустками.

Мальчик расхохотался.

– Вот ты где, деточка.

Пани Футтер появилась как раз вовремя, озорник, видимо, успевший проголодаться, с гастрономическим интересом ощупывал мою грудь.

– Фу, – сказала кормилица, хлопнув мальчишку по рукам.

Тот ее обозвал, женщина повторила шлепок уже ему по рту:

– Немедленно извинись.

К моему невероятному удивлению, Олесь послушался, сложил ладошки, поклонился.

– То-то же. – Пани Футтер накрыла меня одеялом. – И веди себя потише, иначе, ты знаешь, пан Килер отдаст тебя той фате, что гостит у нас.

Жестами мальчик показал, что ему этого совсем не хочется, показал на меня, потом на свои рожки, возбужденно залопотал. Женщина умилилась:

– Ты ж мой защитник! Конечно, я понимаю. – Она с кряхтением наклонилась. Подняла с пола кувшин, понюхала содержимое. – Дурман, нашу Моравянку хозяйка опоила. Не наше дело, да...

Кормилица поставила кувшин на столик:

– Панна Ясна думает, мы с тобой ничего не понимаем, пусть бы и дальше так было. Только очень мне не нравится, что наши хозяйка Моравянку против ее воли опоили... Да, милый, даже если мне после этого на дверь укажут... Чего?.. Ну ты и без того почти взрослый. День-два, и мои услуги тебе без надобности. Ну и что, что вкусно? Не положено, чтоб здоровые хлопцы титьку сосали!

Пани Футтер послушала детский лепет, вздохнула и, склонившись над постелью, похлопала меня по плечу:

– Обожди, Моравянка, дитенка угощу напоследок.

Женщина села на пуфик у туалетного столика, мальчик устроился на ее коленях, приник к огромной груди, аппетитно зачавкал, поверх золотистой головки кормилица мне подмигнула:

– А хорошо бы этого постреленка в Лимбурге оставить. Видала, как он рожками управляется? Морава покойная, до того как

сковородкой разжилась, тоже все больше колола. Помнишь, кинжал у нее был специальный?

Я помнила, Берегиню с ним похоронили, меня, наверное, со сковородкой в чертоги пана Спящего отправят. По щеке скатилась горячая слезинка. Не от моей будущей смерти, а от тоски по мутти.

Пани Футтер гладила Олеся по голове, пухлые пальцы задерживались на острых рожках. Два золотых кинжала, оружие всегда при хозяине. Из мальчика может получиться прекрасная Берегиня, то есть Обережник. Ну и что, что слова такого пока нет? Значит, будет. Если промыслом Спящего это волшебное создание в наш мир отправили, Олесь добро должен творить.

Руки кормилицы опустились, она шлепнула мальчишку по попе:

– Хватит с тебя, проказник. Лечи нашу панну Моравянку и меня проводи.

Олесь прыгнул на пол, вытер рукавом атласной курточки рот, потом взобрался на кровать. Я ощутила на себе тяжесть детского тельца, мальчик долго не думал, наклонил голову и резко ткнул рожками мне в живот. От удара я охнула и схватила Олеся за плечи.

– Ну вот и славно. – Женщина поднялась с пуфика, поправила блузку. – И мне уходить, пожалуй, пора.

– Спасибо. – Я чмокнула олененка в макушку как раз между золотыми рожками и обратилась к кормилице: – Вы в свой дом теперь вернетесь?

Олесь вырвался, подбежал к ней, обнял массивные бедра и громко заплакал:

– Мама, мамочка...

Я всхлипнула, пани Футтер тоже, но улыбаясь сквозь слезы:

– То-то же... Мама, а не псячья дрянь.

Мальчик отодвинулся, подбежал к кровати, схватил меня за руку, отпустил, посеменил обратно, лепеча невнятицу.

– Говорит, некуда мне идти, – сообщила женщина. – Нет, дом есть, только в доме...

Сквозь рыдания пани Футтер рассказала, что вдова, что стала ею, когда ее ребенок уже под сердцем был, что и тут...

Ужасная, просто ужасная история. Она потеряла ребенка, но молоко пришло, бесполезное уже и никому ненужное. Нет, пригодилось. Ни одна кормилица в нашем городе волшебного

найденыша кормить не желала, и пани Футтер решила, что пусть хоть так... И рожки еще эти... И не хотела ничего к Олесю испытывать, а все равно... Сынок... И Олесь... Да, именно так своего назвать хотела...

Я обнимала широкие вздрагивающие плечи женщины:

– Ничего, ничего, мы что-нибудь придумаем. Хотите у меня в трактире пока пожить? Недельку или две. Там шумно, суетливо, пани это отвлечет. Олесь?

Мы посмотрели на притихшего малыша. Кормилице ребенка не отдадут. Похищение? Нет, пан бургомистр при содействии своих вышних сфер настигнет беглецов в два счета. Закон на его стороне будет. Закон? А кстати, очень интересно: по какому такому праву его секретарша трактирщиц вольного Лимбурга дурманом опаивает? А?

– Мы что-нибудь придумаем, – повторила я уже уверенно. – Идемте, пани Футтер, со мной. В трактире как раз премилая комнатка свободна. Завтра праздник, уйма влиятельных персон на него соберется. И мы с вами перед ними потребуем...

– Любопытно было бы на это посмотреть!

Панна Ясна, стоящая в распахнутых дверях, была одета в великолепное черное с золотом платье. За ее спиной я рассмотрела уйму народа, стражников в форме, несколько горничных, мужчину с нелепой высокой прической.

– Этих под замок, – секретарша указала на ребенка с кормилицей. – А ты, Моравянка...

Девушка показала мне зажатый в ладони флакончик:

– Попробуешь драться, это зелье немедленно будет распылено.

Я попятилась к окну, беспомощно наблюдая, как стражники выводят в коридор пани Футтер и Олеся:

– Распылишь, дальше что?

– Здесь, – Ясна тряхнула рукой, – сильный яд, каждый, кто его вдохнет, немедленно отправится в чертоги Спящего. Каждый, разумеется, кроме меня. Потому что... Ты хитра, Моравянка, но я хитрее и заранее, на такой вот случай, приняла противоядие.

Оглядев набившуюся в спальню публику, я решила, что никого здесь мне ни капельки не жалко, особенно этого с дамской прической. Любопытно, а какой высоты притолоки в посмертных чертогах? Пан за

них макушкой цепляться не будет? Ладно, жалко. И этих всех, и себя, молодую. И обидно, что Ясна с нами за компанию не удалится.

– Чего тебе надо, псячья дрянь? – спросила я почти любезно.

– Будь моя воля, – секретарша посторонила, и двое слуг внесли в комнату огромную медную ванну, – ты бы до конца этого мира здесь осталась. Но господин желает с тобой, пейзажкой грязной, момент своего триумфа разделить. Ты сейчас, Адель, абсолютно покорно позволишь себя в приличный вид привести и пойдешь к нему.

– К кому, к виду или к триумфу? – в голос расхохоталась я. – Что-то крысам тарифское наречие трудно дается. Никак не разберу...

Секретарша взвизгнула, попыталась заехать мне в живот кулаком, я без труда увернулась, поставила подножку, дернула мерзавку за волосы, наподдала носком башмака по костлявому заду:

– Тварь, подлая предательница. Думаешь, твои вышние защитники тебя от меня уберегут?

Пришлось отвлечься на стражников, крепкие какие мужики. И латы такие... звонкие... Упс!

Горничные с визгом жались к стенам, пан с башней на голове юркнул под кровать и теперь барахтался под ее обломками, прическа, оказавшаяся вообще париком, весело перекачивалась под ногами дерущихся, как мяч в спортивной игре.

Бум! Бамц! Шмяк!

– Прощенья просим! Кузнец поможет, расклепает обратно... Ага... И здесь... Ребра быстро зарастают. Нос? Так пан и да этого не особым красавцем был... Извините...

Чем скасгардийский бой хорош – он и для ограниченных помещений прекрасно приспособлен. Куча-мала, там удар, тут щипок, а клинком замахнуть места нет.

– Да, вельможный, бросайте, вам причиндалы этой рукой держать надо. То-то же! А прикройся сразу, не валялся бы сейчас с визгами на полу!

Придерживая на груди ошметки сорочки, я вывалилась в коридор, дверь закрывать не стала, времени не было. Так, направо. Флакончик секретарши в драке не разбился, или она мне наврала. Не важно... Домой. Там родные стены защитят. Кормилица? Потом. Мне нужна сковородка. Марек? Ну и чем я ему помогу беззащитная?

На бегу неплохо думалось, быстро так, ясно. Предположим, если бы не Рузечка, вздумавшая именно в этот момент превращаться в злобного духа, я бы осталась. Но тетка...

Налетев на какую-то преграду, я упала и кубарем скатилась по лестнице на первый этаж к мужским, обутым в кожаные туфли с пряжками, ногам.

– Что произошло? – пан Килер поднял меня с пола. – Адель, как вы неловки.

Нижняя сорочка осталась где-то на ступеньках, поэтому перед Карлом я стояла по пояс голой: башмаки, чулки, кружевные панталончики, все что выше – а-ля натюрель, если говорить по-ардерски.

Обрадоваться успехам в изучении языков не получалось, но и стыда не было. Караколь – фахан пожилой, голых женщин за столетия навидался, может, вообще без кожи лицезрел. Медоточивые камни и такие картинки мне показывали, про фаханов и снятия кож. Ладонями я энергично поворошила волосы, чтоб вытряхнуть последние шпильки и, расправив плечи, уставилась в серые с алыми искорками глаза:

– Объясните, вельможный пан, по какому праву...

– Милорд, – завопила со второго этажа секретарша. Обернувшись на звук, я с удовлетворением отметила, что мерзавка выглядит изрядно потрепанной. – Мой лорд, признаюсь в непростительном обмане: вместо того чтоб уговорить Моравянку одолжить ее платье, я опоила Адель и бесчувственную раздела!

Бургомистр сокрушенно покачал головой и протянул мне свой кафтан, оставшись в черном, расшитом серебром камзоле, красиво контрастирующим с белоснежными рукавами сорочки.

– Ты будешь наказана, Ясна!

– Приму даже смерть!

Приобняв мои плечи поверх кафтана, фахан забормотал:

– Простите, Адель, эта глупышка заверила меня, что вы согласились принять участие в розыгрыше, я даже вообразить не мог, что против вас применяется насилие. Идемте, дорогая, вам нужно одеться.

Из объятий я вырвалась:

– Никаких розыгрышей, Карл, я их не одобряю, сколько бы неприятностей в прошлом не причинил вам Мармадюк, глумиться над

потерявшим память чародеем низко. Впрочем, вряд ли моя скромная особа может помешать вашему наслаждению местью. Но и свидетелем ее я быть не собираюсь, мне нужно немедленно возвращаться в трактир.

Фахан хищно оскалился:

– В драгоценный трактир к драгоценным гостям? Или Адельку больше волнует спокойствие парочки неупокоеных призраков, с которыми она делит кров? Ах, моя дорогая, неужели вы не понимаете, каким грехом это является? Берегиня славного Лимбурга якшается с призраками!

Моя попытка оправдаться звучала жалко:

– Они не виноваты, мы с матушкой хотели им помочь в чертоги Спящего уйти, но не смогли убрать причину, которая теток, то есть... призраков в этом мире держит.

– В таком случае вы должны, нет, обязаны были развеять потусторонние сущности.

Должны. А то, что после развеивания души не получали возможности снова переродиться, дело десятое. То есть формально Карл сейчас был абсолютно прав. Таков закон. Только кому нужны законы, если они несправедливые. Два несчастных создания не нашли покоя в смерти по какой-то причине. Неужели им нельзя дать шанс ее найти? Тетки всегда со мной, и при первых признаках... Псячья дрянь! Признак-то я сегодня и прохлопала!

– Не тревожьтесь, Адель, – покровительственно сообщил фахан, – ваша оплошность уже исправлена. Моим людям, оснащенным необходимыми артефактами, было приказано развоплотить все потусторонние сущности в «Золотой сковородке». Сейчас, я думаю, отряд уже на обратном пути.

– Какой же ты мерзкий червяк!

Мой горестный вопль, должный разнестись на многие мили вокруг, оказался едва слышным.

– Сама подумай, – сказал фахан жестко, – разве могу я, такой замечательный и светоносный, взять в жены преступницу? Теперь ты чиста, призраки развеяны, в канцелярию я сообщу, что о них ты не имела никакого понятия. Чиста...

Карл расхохотался, у него это как раз получилось с эхом:

– Ясна! Доставь платье в мои покои!

Секретарша выглянула из-за перил:

– А куафер? Он слегка... покалечен.

– Дай ему денег и отошли прочь. Прекрасные кудри моей Адели не нуждаются в его услугах. Платье, девочка, и туфельки, достойные обнимать эти драгоценные ножки!

Одна из упомянутых ножек как раз сейчас собиралась заехать в пах его высочества. Но фаханы – это вам не примитивные лессеры, Караколь щелкнул пальцами и забросил мое безвольное тело себе на плечо.

– На чем я остановился? – Он шагал, я подпрыгивала. – О чистоте. Какое счастье, что ты чиста, Адель. Сейчас не о призраках, о них забыли. Я ведь подозревал мою Моравянку в еще больших грехах. Мы с Ясной решили, что ты притворилась неспособной снять браслет с Мармадюка, и думали так, пока не узнали... Ты не замечала, что в трактире за последние дни появилось больше пауков? Нет? Значит, мои волшебные шпионы прекрасно исполнили работу. Благодаря им я слышал все, что происходило в «Золотой сковородке», каждое словечко. Исключая, пожалуй, только произносимые твоей Гражиной. Теперь я знаю все: о том, что проклятый потаскун сам нацепил Болтуна, что последний вовсе не так нем, как мне обещали... Кстати, его я тоже не слышал.

Кажется, на меня вместе с чарами неподвижности набросили и что-то для молчания, потому что ответить я не могла.

Не то чтобы у меня нечто толковое для ответной реплики образовалось, ругательства в основном, но все равно обидно.

Глава 8

Бал у принца Караколя

Спальня у бургомистра, а доставили меня именно в нее, была обставлена с королевской роскошью. Позолоченная огромная кровать на постаменте, застеленная черным бельем, мраморный камин и неприличное количество зеркал. Даже потолок оказался зеркальный, я немного полюбовалась отражением своей распластанной на постели фигуры и скосила глаза в сторону. Караколь смущенно потупился:

– Адель, поверь, тебе не стоит опасаться...

В комнату заглянул ливрейный лакей, и хозяин быстро укрыл меня до подбородка тяжелым золоченым покрывалом. За лакеем показалась вереница слуг, они внесли ростовой манекен с алым бальным платьем, молоденькая горничная торжественно, как драгоценность, показала фахану пару туфелек на атласной подушечке. Ясна, она тоже вошла, вполголоса отдавала распоряжения. Секретарша успела сменить наряд, теперь она была в ужасном коричневом платье, которое, видит Спящий, ей шло еще меньше, чем раньше мне.

Вела себя мерзавка как ни в чем не бывало, как будто страшных угроз ее господина не было вовсе. Где-то невдалеке зажурчала вода, моих ноздрей коснулся аромат нездешних благовоний. Мне готовят ванну? Пан Килер собирается меня собственноручно купать?

Но обошлось. Фахан сел в кресло у камина, его сгорбленную фигуру скрыла от меня трехстворчатая ширма, как и все в спальне, золоченая. Если бы его высочество вздумал запрокинуть голову к потолку, он, разумеется, без усилий смог наблюдать, как парочка горничных спорю, в четыре руки обтирают абсолютно голую меня смоченными в горячей ароматной воде тряпицами. Но он не стал, я-то как раз за этим следила неотрывно. Меня обмыли, как покойницу, облачили в шелковое нижнее белье, горничных за ширмой оказалось уже четверо, они осторожно приподнимали мое неподвижное тело, поправляли ткань, не обменявшись при этом ни единым звуком. Я видела верхушки их крахмальных чепчиков и макушку секретарши, та стояла у края ширмы, наблюдая за процессом.

Алое белье, алые чулки, алые туфельки с тонкими золотыми каблучками, алое платье, пена кружев, точь-в-точь как на эскизе моей драгоценной Рузечки. Простите меня, тетечки, простите, что вас не уберегла. Одна из девушек осторожно промокнула мои слезы, другая расчесала волосы. Я смотрела вверх. Дорогая фарфоровая кукла, дожидаящаяся в кровати свою хозяйку.

Горничные, закончив работу, отошли, Ясна их отослала и велела лакеям убрать ширму.

– Адель готова предстать перед гостями, милорд.

Голос секретарши был полон не злорадного торжества, а грусти и даже, пожалуй, смущения. Я отвлеклась от самолюбования. Девушка плакала, стараясь при этом, чтобы господин не заметил ее слез. Ревнует, но без злобы, обреченно. Экие ардерские барышни тютти, сама соперницу нарядила, да любая тарифка это алое великолепие в лоскуты бы разодрала и еще мне волосы повыдергала, благо я сдачи дать не смогу. А эта... Тьфу!

– Прекрасно, девочка, – решил фахан, мельком взглянув на меня, – ты знаешь, что делать дальше.

Слуги удалились, унося ширму, таз и мои лохмотья. Одна из горничных задержалась, подала секретарше плотную кружевную вуаль.

– Да, господин, – сказала Ясна, набрасывая ткань себе на голову.

– Духи?

Девушка, как сомнамбула, достала из кармашка знакомый мне флакончик, открыла притертую крышечку и щедро оросила свою грудь и плечи. Духи? А мне наврала, что там страшный яд. Нет, хорошо, что не яд; а вот врать – плохо. Пахло цветами, не особо, к слову, приятно. Но фахан возбужденно раздул ноздри и даже... Ну, то есть он не шагнул к ароматной секретарше, но все его тело выразило порыв. Понимает Ясна в зельях, не отнять. Ну же, дурочка, сама приблизься, Караколь не устоит, набросится. И вот в этот самый момент – целуй! Ты же этого хочешь!

Но ардерские панны, как я уже заметила, тютти. Секретарша спрятала в карман закрытый флакончик и прикрыла вуалью лицо.

– Ступай, милая, – велел Карл охрипшим от страсти голосом, – мы с Аделью присоединимся к вам чуть позднее.

Ясна уходила как на казнь, медленно, печально. Мне хотелось кричать: «Куда, дурочка? Что значит «позднее»? А если он здесь сейчас... перевозбужденный твоими треклятыми духами...»

Дверь за секретаршей бесшумно закрылась, мы с фаханом остались наедине. Караколь немного постоял, зажмурился, потом, быстрыми шагами пересек спальню, раздернул оконные гардины, толкнул створки, свежий ночной ветерок ворвался в комнату. Когда густой цветочный аромат развеялся, Карл вернулся к кровати.

– Адель, – проговорил он серьезно, – я сниму с тебя заклятие неподвижной немоты, но сначала выслушай. Ты добрая, пылкая девушка, скорее всего, сейчас ты размышляешь, как помочь Мармадюку...

Размышляла я вовсе не об этом. Тетки, мои несправедливо упокоенные тетки. Не упокоенные даже, развеянные без права последующих воплощений. Я думала только о них. Отомщу тебе, поганый демон, отомщу! Тебе тоже не жить!

– Понимаешь, милая... – Точно так же Карл называл свою помощницу, и, кажется, сейчас тоже заметил повтор, поэтому запнулся. – Любезная моя Адель, Мармадель... Знаешь, этому беспутному чародею когда-то нагадали, что женщина с таким именем – его судьба. Нет, наверное, не знаешь... Неважно. Мармадюк, он недостоин чувств, недостоин помощи или защиты. Когда я решил, что ты, Адель, подчинила себе чародея при помощи браслета...

Он все говорил, и, хотя я не хотела слушать, его слова все-таки достигали сознания. Оказывается, вышние сферы не позволяют обычным людям вроде меня использовать верховные артефакты. Это наказуемо. Начальство фахана собиралось подвергнуть меня суду. То есть... Нет, до сих пор собирается. Потому что Караколь всей открывшейся ему правды вышней канцелярии не сообщил. Не успел. Врет, наверное, на потом новости придержал. Неважно. Важно другое: Мармадюк про грозящее мне наказание осведомлен прекрасно. И что? Чародей не сделал ни малейшей попытки свою любимую Моравянку оправдать.

– Он притворяется, Адель, всего лишь изображает любовь. Пытается морочить головы одновременно всем. Ты спросишь, зачем, каковы планы Мармадюка? На это я могу лишь пожать плечами и ответить: «Они чудовищны». Скорее всего, этот мерзавец хочет одним

ударом вывести из игры меня и заполучить твое тело. Но мы ему этого не позволим.

План фахана заключался в следующем: разбить лживое сердце Мармадюка.

Так себе план. Вообще дурацкий. Если чародей притворяется, его сердце жалкими муками ревности не перешибить. Позвольте! Мы же с Мареком опыт проводили, он целую минуту смотрел на капельку моей крови и не попытался меня сожрать. Да и какая разница? Ты, урод Караколь, родственниц меня лишил! Какие еще альянсы? Сдохни, тварь!

– Если ты согласна, Адель, закрой глаза.

Я послушно опустила веки. Пусть заклятие снимет, а там...

В дверь тихонько постучали, хозяин меня покинул. Разговор велся вполголоса, я наострила ушки. Чего там? Нет, ни словечка не слышно. Караколь вернулся к кровати:

– Мне сообщили, что Мармадюк только сейчас проник в дом и смешался с гостями. Странно, что так поздно. Что ж, милая, наш ход. Ты выглядишь вполне спокойной, но знаешь, я, пожалуй, не стану полностью снимать заклятия. Немного подчинения, послушание...

Он забормотал не по-нашему, повел руками.

– Псячья дрянь! – проговорила я громко и села. – Что в трактире?

– Прости? – от ругательства фахан поморщился. – Трактир? Наверняка уже зачищен от призраков, этих «страшных сестер»...

– Откуда ты знаешь о моих кошмарах? – перебила я, примеряясь, как поудобнее вцепиться зубами в выступающий над воротником сорочки кадык.

– Ты кричишь во сне, – улыбнулся Караколь. – «Страшные сестры хотят моей смерти!»

– И ты решил, что я боюсь своих теток?

Замечательный, продуманный до мелочей бросок не получился, тело конвульсивно дернулось и чуть приподнялись алые ноги. Псячья дрянь!

– Они не были твоими родственницами, Адель. В будущем мы обязательно выясним, что за злобные твари десятилетиями питались твоей жизненной энергией, чтобы продлить свое посмертие. Не спорь, милая, иначе им не удавалось бы так долго находиться в мире людей. Позволь, я помогу тебе подняться. Вот так...

Он сдернул меня с постели, поставил, придерживая за талию на пол, отступил:

– Первый танец за мной?

Я привстала на носок, прокрутилась под его поднятой рукой. Послушная фарфоровая кукла.

– Ты оставил меня сиротой, Карл.

– Нет, милая, освободил. Ты поймешь это потом.

Говорили мы, исполняя одну за другой фигуры танца: шаг, поворот, поклон, смена рук. Фахан толкнул дверь спальни, и мы протанцевали в коридор. Лакеи жались к стенам, освобождая путь. Когда моих ушей достигла отдаленная музыка, Караколь остановился:

– Прости, не смог отказать себе в удовольствии.

Я дышала так тяжело, что грудь вздымалась в неприличном декольте.

– Сейчас, Адель, мы присоединимся к нашим гостям. – Фахан протянул руку и выудил из воздуха атласную алую маску. – Надеюсь, ты не будешь при них скандалить и разбрасываться просторечными тарифскими ругательствами. Иначе мне придется опять лишиться тебя голоса. Развлекайся, насладись унижением своего обидчика. А завтра мы...

Завязок на маске не было, фахан просто прижал ее к моему лицу, и она прилипла, как глазурь на торте.

– Завтра Медоточие, – напомнила я.

– Оно пройдет по сценарию. Не бойся, я не заставлю тебя выбирать супруга. Планы изменились. Медовая королева будет принесена в жертву. Нет, нет, не нужно портить сюрприз, ты все поймешь уже в процессе. Ну же...

Сопротивляться было очень трудно, я обняла белоснежную мраморную колонну, мимо которой меня вели, и сцепила пальцы в замок:

– Сейчас!

Фахан поднажал заклинанием и остановился, когда мои суставы хрустнули, а я вскрикнула от боли.

– Завтра мы уничтожим медоточивый круг, – сдался Караколь, – тыобразишь жертву, проклятый шут ринется тебя спасти, не из лучших побуждений, а только чтобы не потерять сладкого тела

цветочной девы. Он будет истощен, но голод заставит его сражаться. Мармадюк закроет врата...

– Врата? – Я встряхнула кистями, план его высочества был мне понятен.

– Неважно.

Тело опять перестало слушаться, и я под руку с Карлом вошла в парадную залу первого этажа. Воспользовались мы не двустворчатой распахнутой дверью, из-за которой доносился шум праздника, а боковым тайным ходом, спрятанным за мраморной вазой. Вошли и немедленно смешались с толпой. Я с удивлением отметила, что музыкант всего один, мой трактирный пан Шпильман, и что он умудряется играть одновременно на десятке инструментов. Одной рукой миннезингер дергал струны огромной ротты, другой терзал мандолину, ноги его отбивали дробь в установленном на возвышении барабане, но это еще не все: к груди пана крепилась упряжь, из которой торчало несколько валторн. Какафония? Нисколько. Закрыв глаза, можно было представить, что в зале играет целый оркестр. Гости, те, которые не танцевали на открытом пространстве, сидели за составленными полукругом столами, официанты в ливреях двигались у стен. На наше с Карлом появление внимания никто не обратил. Фахан провел меня к центральному столу, отодвинул кресло, усадил, сел по левую руку. Справа от меня оказалась фея с серебряными волосами. Правда, ненадолго, ее почти сразу же пригласил танцевать какой-то пан. Он хотел со мной, но я отказалась. Почему? Потому что не собиралась давать фахану шанс сделать это от моего имени.

Мне было плохо, очень плохо. Рузя, Гражина... Даже о Медоточии не думалось. Отпляшу, уговорю, не в первый раз. Но как же я теперь без теток? Одна, совсем одна. Фаханово колдовство? Да плевать! Упокою мерзавца, сковородкой распотрошу. Марек? А что Марек? Вон он, развлекается, думает, его под клювастой птичьей маской не узнают? К слову, большинство гостей прятались под личинами. Это и понятно, нравы здесь царили слишком свободные. Танцующие пары сплетались в объятиях, кто-то уже целовался, а кое-кто делал это за гардинами, скрывавшими дюжину оконных проемов. Беспутники. Кого мне тут было жалко, так это пана Шпильмана, заколдовали мужика, наутро он и пошевелиться не сможет. Как бы ему отвращение

к музицированию на всю оставшуюся жизнь не внушили. Где я такого миннезингера справного в трактир найду? Трактир. Тетки...

Намокшая от слез маска неприятно липла к лицу. Я провела по ней пальцами, посмотрела на руку в алых разводах. Это маска растворяется или я уже кровью плачу?

– Смотри, – сжал мое запястье Караколь, – начинается.

Из-за гардины появилась фигурка в нелепом коричневом платье. Ясна неторопливо двигалась сквозь толпу, белокурая фея повернула к ней голову, мраморный носик под полумаской хищно раздулся.

– Твой собственный запах, Адель, мы немножко приглушили, – сообщил фахан, не отрывая горящего взгляда от помощницы, – моя милая девочка, как прекрасно она разбирается в зельях. Небольшой невинный розыгрыш, вышние сферы не будут возражать. Леди начальница...

Его бормотание стало неразборчивым. «Милая девочка» уже вовсю отиралась около Мармадюка, отесняя его партнершу, выдающихся форм даму в рыжем парике. Ну и чего они хотят достичь?

Я искоса посмотрела на Карла, тот подобрался в предвкушении. Псячья дрянь, я съем золотую сковородку, если это костистое лицо искажает не ревность.

Секретарша завладела вниманием чародея, он обхватил ее за плечи, покружил, что-то шепча, длинный нос зарылся в складках вуали. Бесстыдник!

– Сейчас, – сказала я сладко, – Мармадюк утащит Ясну в уединенное местечко.

– Нет. Ей было приказано при зрителях...

– Утащит. Целовать будет и не только. Я ему, представь, себя пообещала, если браслет снимет. Любопытно, от ядерного поддельного запаха возможно настолько голову потерять?

– Мармадюк, – хмыкнул фахан, – не рискнет снять с себя браслет, тогда артефактом сможет кто угодно другой воспользоваться.

В его тоне уверенности не ощущалось, я мелко и гаденько захихикала:

– Ты старенький, Караколь, уже не помнишь, как это – когда кровь кипит.

– Думаешь, твой Мармадюк – юный паж?

– Думаю, помоложе тебя. А если учитывать, что он памяти о прожитых годах лишился, так и вовсе щеночек. Горячий, бестолковый...

Ясна с чародеем скрылись за гардиной. Фахан пружинисто поднялся, меня не звал, но этого и не нужно было, я засемила следом:

– Там что? Окно?

– Тайный ход, – бросил Караколь раздраженно.

Парчовое драпри скрывало арку, за которой зияла чернота. Шагнув в нее, я поморгала, чтобы глаза привыкли, рассмотрела удаляющийся мужской силуэт и бодро зашагала в другую сторону. Хорошенького понемножку, кто куда, а мы в трактир, за сковородкой, тем более что фаханово колдовство на нас, кажется, уже не действует. Коридоры сменялись коридорчиками, те иногда заканчивались тупиками или глухими без окон комнатами, я придерживалась правой стороны, рассудив, что рано или поздно куда-нибудь выйду. Снаружи найду лошадь, а там... Поворот, еще, я бродила уже довольно долго, звуки праздника отдалились и исчезли, поворот. Да кто так строит, псячья дрянь? Темно, тихо, того и гляди, злыдни набросятся. Хотя, наверное, они сейчас все вокруг ароматной Ясны клубятся. Что...

На что-то наткнувшись, я едва не упала, каблучки скользнули по паркету.

– Мар... – мурлыкнуло над ухом и мужские руки обхватили меня за талию, – ...ма... дель...

Знакомые руки и губы, и горячий поцелуй.

– Как ты меня нашел? – спросила я, отдышавшись. – И где...

Мы продолжали, не говорить, нет, рты были заняты другим. Так вот для чего в бальных нарядах такие глубокие декольте! И тонкая ткань, сквозь которую ощущается каждый бугорок и изгиб тела. Юбки широкие, их так просто поднять, горячие жадные ладони на коже. Ах...

Мужчина отстранился, я разочарованно прошептала:

– Мармадюк?

– Мармадюк и Мармадель, – протянул он с неожиданной грустью, – моя фата, дарующая имена, говорила, что однажды Мармадель заставит меня... Впрочем...

Чародей хлопнул в ладоши, и темнота коридора исчезла, стайка светлячков зависла над нашими головами. Мужчина, стоящий рядом со мной, почти не походил на знакомого мне Марека, он казался старше; наверное, потому что его подвижное лицо сейчас было необычайно спокойным.

– Драгоценная Моравянка хотела спросить, где наши гостеприимные хозяева?

Холодный тон, черный лед в глазах.

– Выведи меня из этого треклятого дома! – велела я.

– Это будет непросто. А впрочем...

– Еще одно «впрочем», – показала я кулак, – получишь. Проводишь наружу, найдешь коня и ступай на все четыре стороны. Вышние сферы! Канцелярия! Чародеи! Провалитесь все к фаханам! И клятву свою я забираю, понял?

– Какую клятву? – Мармадюк, кажется, растерялся.

– Про то, что я тебе отдамся! Вот какую!

Гордо расправив плечи, я прошла вперед, светляки двинулись надо мной.

– Почему?

Вопрос остался без ответа. Почему? Да потому, болван ты эдакий, что иначе мне придется от тебя отказ получать, как только ты этот браслет снимешь! Фата, дарующая имена! Ну конечно!

С четверть часа мы шли по, казалось, бесконечным коридорам. Молчали.

– Где выход? – не выдержала я первой.

– Там же, где и вход. А вход там, где решил создатель лабиринта, наш рыжеволосый проказник Караколь.

Привычных ругательств пробормотать я не успела, голос фахана прозвучал одновременно отовсюду:

– Позвольте представить цветочную деву этого мира, Берегиню вольного города Лимбурга и мою...

Коридор исчез. Я стояла в большом зале, который покинула чуть больше часа назад, сотни глаз смотрели на меня сквозь прорези масок. Ясна, уже без вуали, переминалась за плечом Караколя. Он набирал в грудь воздух, чтоб закончить представление:

– Мою...

– Мою возлюбленную, – сообщили буднично у меня за спиной.

Отчего-то негромкий голос Мармадюка прозвучал гораздо отчетливее предыдущей тирады фахана. Два слова, тишина, наступившая после них, металлический щелчок. Я дернула рукой, на которой неожиданно оказался браслет, но больше пошевелиться не смогла.

– Прости, – шепнул чародей и быстро меня поцеловал.

Стало шумно, Караколь вопил: «Адель!» – кто-то поздравлял лорда Мармадюка, женский голосок глумливо интересовался, для чего тарифки скрывают лица под слоем краски, не от того ли, что боятся оскорбить взгляды почтенной публики своим уродством.

Чародей превратился в Марека-балагура, волшебным пассом снял с меня ужасную маску, рукой поправил локон, улыбнулся, пережидая восхищенные шепотки, и подмигнул белокурой фее:

– Продолжим веселье, дамы и господа! Музыка!

Он усадил меня в кресло у стола и увлек в танец какую-то даму.

– Не вздумай реветь, – сказал Болтун, – если меня слышишь, кивни, нет, не увижу. Топни ногой, нет, все подумают, что истеришь.

– Я тебя слышу, – вздохнула я, – дальше что?

– Великолепно. Теперь быстро отделайся от крысиного высочества. Надоел.

Караколь, протолкавшийся к креслу, надоел не только браслету, я выслушала пространные извинения и заверения, что мы все вместе непременно изыщем способ вернуть мне свободу воли, всхлипнула, промокнула сухие глаза предложенным носовым платком:

– Не правда ли, Карл, мой Мармадюк прекрасен? Какое величие, какая соразмерность черт.

Болтун подсказывал «чресел», мне в последний момент удалось исправиться. Вот ведь... болтун!

Разумеется, фахан немедленно удалился под неслышный ему хохот артефакта. Потому что ни один мужчина комплиментов сопернику слушать не захочет. Ясна попыталась выразить сочувствие, ее я послала по-простому, немало обогатив вокабуляр секретарши. Идиотка!

– Ну, – спросил Болтун, когда мы наконец остались почти наедине, если не считать десятков гостей, которым до нас, впрочем, не было никакого дела, – ты поняла, почему Мармадюк так поступил?

– Потому что он злодей? Псячья дрянь, я люблю злодея!

– Потому что теперь никто, кроме него, не сможет тебя, глупая Моравянка, заколдовать. Ты под защитой Мармадюка, теперь он все силы направит... Ой! Ой-ой-ой! Ты что делаешь?

– Пытаюсь тебя снять.

– Это может только твой возлюбленный.

– А вдруг. Что со второй причиной?

– Щекотно! – хихикнул сдавленно браслет. – Перестань!

Я поковыряла золотую пластину столовым неострым ножом и отложила его обратно на скатерть. Сковородкой еще непременно попробую, как только домой вернусь. Домой? Нет у меня теперь дома. Трактир есть, город, защищать который поклялась, а дом – это место, где тебя ждут. Меня ждать больше никому.

– Любопытная компания, – сообщил браслет светски, – и крайне опасная. Фею видала? Ну блондинку, Мармадюк с ней теперь танцует. Знаешь, кто это?

– Неужели та самая Флоризея? Одна из тех фат, что... Ну ты сам рассказ чародея слышал.

– Чего я только не слышал, даже удивительно, насколько легкомысленны бывают людишки...

– Есть способ, – перебила я начавшего хвастаться Болтуна, – убить фахана?

– Караколя? Тебе зачем? Дай подумать. Он высший, и, хотя части сил для проживания в человеческом мире лишен... Яд? Отвергнет. Зарезать? Любая рана зарастет как на собаке... Обезглавить было бы надежно, ну там, шею перепилить. Только пила нужна особая или меч легендарный. Так ты не ответила.

– Чего? – переспросила я, Мармадюк как раз излишне близко оказался к своей партнерше.

– Почему ты захотела убить Караколя?

– Из мести. Он теток моих...

– Тетки! – обрадовался Болтун. – Точно! Возьми у Рузи это ее новое взрывучее зелье, которое она незадолго до полуночи закончила. Мощная вещичка. Любое волшебное тело в труху разорвет, швырнешь флакончик в фахана и «адью!» – он на новый виток перерождений, ты – под суд в вышнюю канцелярию.

– А чтоб без перерождений?

– Так не бывает, Моравянка. Без этого у нас только одержимые призраки обходятся. Чего вздрогнула? О, придумал. Можно Караколя в посмертии к определенному месту привязать, например, к камням вашим медоточивым. Он станет призраком, и тогда ты его окончательно сковородой развеешь. А? Правда я молодец? Только действовать придется быстро, до суда. Давай прямо завтра попробуем? На празднике. Высших фаханов при мне еще не убивали. Нет, меня тогда как сообщника заметут... Моравянка! Мармадель! Ты в обморок, что ли, наладилась падать?

Я сжала руку поверх браслета:

– Заткнись хоть на минуточку! – вдохнула, выдохнула, велела себе пустых надежд не питать и с дрожью в голосе спросила: – Незадолго до полуночи ты видел тетечку Рузечку?

Болтун не ответил, я убрала с него ладонь, щелкнула ногтем по пластине:

– Ну!

Артефакт продолжал хранить гордое молчание. Тут возле моего кресла возник нетрезвый плечистый пан в попугайской расцветки камзоле и криво сидящей маске:

– Прекрасная дама изволит подарить мне танец?

– Скажи ему, пусть сначала у твоего мужчины разрешения попросит, – ожил браслет.

– С удовольствием, – одарив пана широкой улыбкой, я вложила руку в довольно потную мужскую ладонь и поднялась.

– Собираешься ревность Мармадюка вызвать? – не унимался Болтун. – Любопытно будет на это посмотреть. Спорим, он даже внимания на твои маневры не обратит? Ты для чародея законный трофей и никуда не денешься, любовью привязанная, его сейчас больше Флоризея интересует. Не в женском смысле, тут можешь быть спокойна, он хочет из нее как можно больше информации вытрясти. Ну и задобрить. Насколько я понял, вышняя канцелярия ее сюда с какой-то миссией прислала.

Тенорок браслета иногда перекрывался голосом моего партнера. Тот осыпал прекрасную меня комплиментами.

Браслет грустно сообщил:

– По тексту шпарит, построчный перевод «Тысячи фраз для скорейшего перемещения куртуазного общения в горизонтальную

плоскость» авторства лорда Анонимуса. Популярная в Ардере книжонка была лет двести назад. А меня сейчас укачает.

Воспользовавшись моментом, когда мы с паном остановились, дожидаясь музыки, я шепнула у своего запястья:

– Не расскажешь о тетках, следующий круг буду над головой при каждом шаге хлопать. Вот так!

Многие танцующие последовали моему примеру, и скоро вся зала отбивала хлопками ритм следующей песни.

– Плохо тебя тетки воспитали! – визжал Болтун. – Все, все, перестань. Не уверен, что верховные артефакты способны блевать, и не желаю первым в этом деле становиться. Все! Я совсем смирный. Пойдем куда-нибудь, где ты хоть пару минут спокойно постоишь.

То-то же! Сославшись на головокружение, я присела перед партнером в реверансе и юркнула за первую попавшуюся на глаза занавеску. Там, оперевшись локтями о подоконник, стала слушать.

– Ну да, – признался браслет, – незадолго до полуночи, только теток твоих я не видел, под манжетой у чародея болтался. Слышал. Рузя про зелье все подробно объяснила. Мармадюку. После того, как чуть было трактир к фаханам не подорвала. Олененок ее сначала чуть было не развоплотил, а толстуха, не твоя Гражина, а...

– погоди, – потрясла я головой, чтобы привести в порядок разбегающиеся мысли, – давай по порядку, с момента, когда я из «Золотой сковородки» вышла, на прием к бургомистру отправившись. Марек, то есть Мармадюк, взгромоздился на стойку...

– Исполнил тарифскую застольную, – подхватил Болтун, – и еще пяток скабрзных песенок, потом сообщил гостям, что трактир, по случаю завтрашнего праздника, закроется пораньше. Веселушка Гося талеры пересчитала и в сундучок заперла, прибрали они залу, поужинали на кухне. То есть, наверное, поужинали. Мармадюк с ними не пошел, наверх поднялся. Сковородка? Нет, без нее. А, точно! Одну тетку я видел, которая утопленница. Чародей в ванне отмокал, как ты понимаешь, без одежды, я, соответственно, поверх бортика лежал. Тут синяя громада над лоханью и возникла. Прощенья просим, говорит, пан великий Мармадюк. Тот от неожиданности сам чуть не утонул.

Представив себе сцену, я рассмеялась.

– Но отфыркался, срам ладошками прикрыл, отчего мне этот срам во всех подробностях рассмотреть пришлось... Да не хохочи ты так,

кто-нибудь сейчас сунется поинтересоваться причинами веселья. Познакомились они. Тетка испуганная очень была, иначе показаться бы не решилась.

– Испуганная?

– Сказала, с ними, тетками твоими, беда, что хорошо, что Моравянки здесь нет, потому что обеих их развоплотить немедленно требуется.

Во рту стало горько, с усилием сглотнув, я прошептала:

– Они обе стали превращаться в злобных духов?

– Ну да. По Рузе это быстрее заметно стало, но и Гражина превращение чувствовала. Хотели тебя об услуге просить, на после праздника разговор откладывали, знали, что опечалишься. Но тянуть больше было нельзя.

– Сделай это за Адичку, великий чародей Мармадюк, – сказала тетка, – пока она не вернулась. Бедная наша девочка...

А он спросил:

– Значит, кошмары, которые Мармадель посещают, с вами связаны? Вы те самые страшные сестры, о которых она во сне кричит?

Гражина кивнула:

– Не знаю, какой именно вред мы Адичке при своей жизни причинить пытались, но наверняка за него посмертием наказаны. Она, добрая душа, любит нас, беспутных...

– Вот тут, – продолжил Болтун уже от своего лица, – чародей попросил утопленницу отвернуться и выбрался из ванны. А я, между прочим, даже зажмуриться не мог! Тетка твоя, к слову, та еще штучка. Отвернулась, ага, только глаза свои на затылок переместила, чуть не причмокивала от зрелища голого мужика. Наверняка при жизни эпичной оторвой была. Так о чем я? Да. Дальше я только слышал под рукавом рубахи. Нет, манжета потом появилась. Экая ты, Адель, нетерпеливая. Сама просила по порядку! Мармадюк сперва в будничное оделся. Мы пошли в другую комнату, нет, не в спальню, каморка за стенной панелью. Библиотека? Возможно. Нет, без сковородки. Немножко подрались. Что? Да Рузя на чародея напрыгнула. Ага, совсем плоха. Визжала что-то разными голосами, укусить пыталась. Ну, Мармадюк ее скрутил... То есть разобрал. Ну как скелеты разбирают? На части. Череп поставил куда-то повыше. Рузя оттуда Гражину ругала, та в ответ тоже в словах не стеснялась.

Потом призраки, мы с Мармадюком все это время в каком-то кресле молча сидели, стали придумывать, как они вдвоем чародея изничтожат. Тут я про зелье из оленьей чешуйки узнал. Мощное зелье, для физического тела смертельное и волшебную любую изничтожает. Вот... А потом олененок...

– Нет, – перебила я, – расскажи подробно, как Мармадюк моих... теток развеивал.

– Чего? Да не стал он этого делать. Он же тогда в тебя до смерти влюблен был. Как мог драгоценную Адельку расстроить? Вылечил. Как-как... кровью. Своей, больше живых там не было. Есть такое заклинание непростое. Теперь Гражина с Рузей от мармадюковой жизненной силы питаются.

Я облегченно выдохнула: значит, мстить я буду все-таки Караколю. Это проще. Причинить вред любимому я пока, при всем желании, не могла. Но пришлось бы, а так – нет. Хорошо.

– Когда-то очень-очень давно, – протянул Болтун, – знал я одну взбалмошную девицу, которая точно так же, как ты, Адель, вслух думала. Ох, сколько она из Мармадюка крови выпила... Цветочек Шерези... Эх, времечко было! Чего там бормочешь? Мечь? Наше крысиное высочество отправил своих егерей твою родню упокоить? Ну отправил, слышал их, мужиков несчастных. Жалобно так плакали, когда просили тетку Гражину им головы не откусывать. Мальчишка еще залиvisto хохотал, когда... Так, я опять сбился. На чем мы остановились? Итак, страшные сестрички живы, то есть в порядке, Мармадюк после колдовства отдыхает, все трое беседуют. Рузя флакончиком взрывучим хвастается. Чародей к бургомистру идти даже не собирается, ему и так хорошо, скоро вернется Аделька, и они, обнявшись... Вот, кстати, тетки твои бабы абсолютно не добродетельные, ни одна ни пискнула, что до брака их драгоценной Адичке в постели обниматься с мужчиной нельзя. Но это так, к слову. Полночь на башне пробило, значит, мы в спальне находились и окно было открыто. В дверь трактира постучали. Открывать пошел Петрик, потом снизу прокричал, что-де пана Марека просят спуститься.

– Это были Олесь с кормилицей, – улыбнулась я. – Им удалось из бургомистровых хором сбежать.

– Точно. Потом суетливо очень стало. Мальчишка всех растолкал, поцокал по ступеням. «Псячья дрянь! – орал. – Маменька, там лессер!»

Мармадюк едва успел его от Рузи оттащить, а у той флакончик с зельем отобрать. Познакомились, успокоились, пани Футтер о том, как тебя дурманным зельем напичкали, рассказала. Тогда чародей решил свою драгоценную Моравянку спасти. Рузя откуда-то мужской костюм достала, они с кормилицей в четыре руки спасителя снарядили. Мальчишка все время по комнатам за Гражиной носился, ему нравится с толстой тетей играть. Вот так, Адель, я очутился под кружевной манжетой. Все.

Прислонившись лбом к прохладному мрамору подоконника, я счастливо улыбалась.

– Нет. Не все, – спохватился Болтун. – Мармадюк еще в трактир возвращался. Мы минут десять прошли, он влюбленную чепуху себе под нос бормотал, обернулся, присвистнул и припустил назад. Как раз к финалу успели, чтоб рыдания егерей послушать. Там и без нас справились. Теперь точно все. Ах, да, Петрик прибавки просит. Остальные работники знакомство с твоей родней без проблем перенесли, а он заикаться стал и опасается, что по мужской части больше не сдюжит. Марек, то есть Мармадюк, предлагал из Лимба водицы хлебнуть, чтоб, значит, от неприятных воспоминаний... Он же именно так памяти лишился...

Я отодвинула гардину, за ней стоял чародей, наверняка уже некоторое время.

– Ты пряталась? Хотела побыть одна? Твоя привычка думать вслух напоминает мне одну девушку...

– Которую ты знал сто лет назад, – перебила я и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала его в губы. – Спасибо!

Мармадюк, не ответивший на поцелуй, переспросил:

– За что?

– Неважно. – Я изо всех сил скрывала разочарование, а потом перестала. – Твоя холодность разбивает мне сердце, люблю тебя, Мармадюк, больше жизни, а ты с другими дамами танцуешь. Не возражай! Да, любовь заколдованная, но больно мне по-настоящему.

Мужчина, даже мысленно я не могла его сейчас назвать парнем, улыбнулся, вспомнил, что этот разговор у нас с ним уже был, только шиворот-навыворот.

– Кажется, теперь мне стоит опасаться за свою невинность?

– Разве она не осталась в глубокой древности с той самой бойкой девицей, которую я тебе напомнила?

Мы кружились в танце, движения которого казались мне слишком формальными, Мармадюк не пытался прижаться, держал меня на небольшом от себя расстоянии.

– Бойкой девицей? Ах нет, Адель, та девушка досталась другому. Кстати, у тебя точно такой же красноватый оттенок волос и... Прости, ты ревнуешь. Я не хотел...

Смена партнеров. Караколь дистанции держать не собирался, прижимал меня к груди, шептал на ухо, чуть не вдвое согнувшись:

– Будь осторожна, бедняжка, мы с Ясной придумали, как освободить тебя от заклятия.

– Чтоб наложить свое?

– Этот человек опасен. Мне удалось подслушать его разговор с фатой Флоризеей, память и сила Мармадюка в твоей крови. Как только вы останетесь наедине, он...

– И пусть!

– Ах, Адель, в тебе говорит сейчас не разум, а любовь, внушенная проклятым артефактом.

– Проклятый артефакт? – возмутился Болтун. – Пфф! Да крысеныш себе даже представить не может, какое это мастерство – управлять вами, бурдючками с питательной жидкостью, не простейшей болью, а целым букетом эмоций. Сколько рецепторов, сколько... Да вы еще слов для этих понятий изобрести не успели.

Мы с фаханом закончили круг в молчании и вернулись к своим партнерам.

– Ты целовал Ясну? – обратилась я к Мармадюку. – Когда думал, что она это я?

– Я так не думал.

– Ничего больше не интересуется? – удивился Болтун. – Я бы, например, больше волновался от новостей, которые его крысиное высочество сообщил.

– То есть целовал ее вполне осознанно?

Музыка закончилась, я присела в положенном реверансе, партнер поклонился, тоже формально.

– Приличия соблюдены, ты можешь уходить, – маг посмотрел через залу, там рослую светловолосую красавицу уводила куда-то

суетливая панна Ясна. – Фата Флоризея пообещала, что наш пан Шпильман к вечеру будет опять молодцом.

– Его заколдовали?

– Разумеется, но миннезингер знал, на что соглашался. К тому же фаханово высочество щедро заплатит ему за работу. Идем.

Я стояла как вкопанная, Болтун зловеще протянул:

– Не сопротивляйся, я же в случае чего такую эмоциональную бурю в тебе устрою, что... – В голове зашумело, стало жарко, браслет сдавливал мое запястье, раз, два, двенадцать, отпустил. – Да не целовал он крысу! Слышишь? Не собирался даже!

Нет? Тогда, пожалуй, можно и подчиниться. Я шагнула к поджидающему меня чародею, мы вышли через парадную дверь. Цокот моих золотых каблучков гулко разносился в огромном вестибюле. Мармадюк ступал бесшумно, его плечи, подчеркнутые безупречным краем камзола, были напряжены. Он опасается нападения?

– Хорошо держится, – пробормотал артефакт, – но, кажется, из последних сил. Ты не поняла? Мармадюк неуспокоенных призраков своей кровью повязывал, для полного истощения достаточно, но нет, ему еще несколько часов пришлось разной степени гадостности колдовство от себя отводить. Ты что, думала, эти дамы с господами в ваш Лимбург для простого веселья явились, на балу потанцевать и плясаться, как местные пейзажки хороводы водят? Нет, прослышали, что великий Мармадюк силы и память потерял, пришли убедиться, отомстить при случае. Он стольким вышним хвост успел прищемить...

Чародей пошатнулся, я схватила его под руку, шепнула:

– Потерпи, скоро отдохнешь.

– Нет, Моравянка, – отстраняясь, громко сказал чародей, – мой праздник в самом разгаре. Отдохнешь как раз ты! Ступай домой, бедная влюбленная дурочка, твоя забавная наколдованная страсть меня немало тяготит.

Обернувшись на глумливые смешки, я увидела нескольких вышедших вслед за нами гостей, хозяин, фахан Караколь, взмахивал огромными кожистым крыльями, паря у самого потолка.

– Но... – начала я жалобно, не в силах продолжить.

– Прости, – сказал Болтун, – хозяин велел на тебя чары немоты и послушания наложить. Как? Молча! Давай, Моравянка, на выход,

правой, левой, волосы поправь, я хочу тебе за спину посмотреть. Молодец! Ох, что здесь сейчас начнется! Даже жалко, что не останусь поучаствовать. Но приказ есть приказ.

Чеканя шаг, я спустилась по ступеням крыльца к распахнутым дверцам знакомого экипажа. Рассвет и не думал золотить верхушки священных гор, все еще была полночь.

– В хоромах время гораздо медленнее идет, – пояснил Болтун, – вышние постарались. Пospеши, у нас почти получилось. Сейчас в карете я тебя в сон погружу, сладкий, без кошмаров.

Чудесное какое обещание. А сладость забвения смоег горечь обидных мармадюковых слов? Сотрет воспоминания о сладких поцелуях в полутьме лабиринта? Зачем он меня целовал, как будто прощался?

– Да залазь уже, Моравянка безмозглая! – прикрикнул браслет.

Фьють! Моя нога прошла сквозь металл каретной подножки, я ухнула в разверзнувшуюся передо мной бездну.

– Не успели... Бедная Мармадель, несчастный Мармадюк, ни в чем этом не виноватый я...

Глава 9

Месть страшных сестер

В пестром колдовском мареве летела я недолго, семь-восемь «псячьих дряней», выкрикнутых скорее от удивления, чем от испуга. Приземлилась на блестящем паркете недавно покинутой залы, выругалась, каблучки скользнули по натертому воском полу, я за кого-то ухватилась, чтоб не упасть.

– Прости, – Ясна покачнулась под моим весом, – фата...

Она оглянулась на Флоризею, сидевшую с видом королевы всех обитаемых миров в массивном резном кресле, которое за время моего отсутствия перекочевало на обеденный стол. Фея была неподвижна, прочие гости у ее ног медленно, невероятно медленно танцевали, как будто плыли в вязком прозрачном киселе. Кстати, и слова панны секретарши, обращенные ко мне, звучали чрезвычайно низко и растянуто.

– Пусти, – оттолкнула я девушку, – тебя злыдня гложет.

Мой дробный лепечущий голосок был похож на крысиный писк.

– Твое время еще под тутошнее не подладилось, – сообщил Болтун.

– Злыдня? – переспросила Флоризея гулким басом. – Так необразованные тарифские пейзажи называют лессеров?

– Вельможные маги! – запищала я. – Избавьте панну секретаршу от напасти! Вам ведь это не сложно.

Караколь, кажущийся сейчас горбуном из-за сложенных за спиной крыльев, смотрел на свою помощницу, не делая попыток помочь. А другому чародею, казалось, ни до чего дела не было. Мармадюк сидел на столешнице у подножия трона, свернув ноги калачиком, как шут со старинной гравюры, только колпака с бубенчиками не доставало.

– Меня наказали, Аделька, – шепнула Ясна. – Фата Флоризея, за то, что я ее разговором задержать пыталась. Никто из чародеев этого заклятия снять не сможет.

– Драгоценная моя садовница, – протяжно произнес Мармадюк, поигрывая подолом фейского платья, – давай обеих девиц прочь

прогоним. Леди Крыска вполне наказана, а панне трактирщице нужно к ее забавным медоточивым обрядам готовиться.

Прозрачные серебряные очи феи смотрели на меня не мигая, зубки в полуоткрытом улыбкой рту хищно блестели:

– Лорд Мармадюк желает меня провести?

– Конечно желает, – хмыкнул Болтун. – Это ведь он велел крыске ревнивую сластолюбивую отвлечь, чтоб Моравянку успеть из дома увести. Кстати, Аделька, ты ясниного лессера вполне сковородой могла бы упокоить. На то и расчет.

– Провести, кудесница? Я не посмею. – Голос чародея уже приобрел привычный тембр, видимо, я обжилась в этом времени. – Ты победила, Флоризея, я полностью в твоей власти. В твоей и власти темнейшей Асмодии. Кстати, я так и не понял, под какой личиной скрывает свою красоту твоя сестра... Впрочем, я обожаю сюрпризы. Девиц долой, чтоб не мешали, и...

Флоризея рассмеялась, как будто рассыпались по серебру мириады стеклянных осколков. От этого звука мне стало страшно. Настолько, что я ухватила под руку панну Ясну. Ее приبلуда активности не проявляла, обвивала маслянистым щупальцем тонкую девичью шейку и сыто тарасилась белесыми глазами. Здоровье жрет, это на болезнь проклятие. Ну ничего, мне бы только до сковородки добраться. А я-то, дура тарифская, еще удивлялась, что в доме, полном чародеев, приبلуды расшалились. А у нас, оказывается, их призывать светлые феи не брезгают. Светлые? Да полноте, эта Флоризея вообще на белую не похожа, только мастью.

– Да одинаковые они, – фыркнул браслет, – что светлые, что темные, не особо умные, зато хитрые, потому как живут бесконечно, до развлечений жадные... Да, ты опять вслух думаешь.

Флоризея еще некоторое время продолжала смеяться. Вот ведь позерша!

– А музыки нет, – сообщила я очевидный факт. – Подо что гости танцуют?

– Никому не пожелаю узнать, – ответил Болтун. – Наша ревнивица всех под свою дудочку плясать заставила. Дудка фигуральная. Помолчи, я хочу послушать, как Мармадюк пытается эту... трам-тарарам... умаслить.

Ясна у моего плеча всхлипнула:

– Не отпустят нас, Аделька. Мне-то при господине погибнуть даже в радость, а тебя жалко.

– Вы, ардерки, – тютти, – шепотом, чтоб не мешать Болтуну, припечатала я. – При господине погибнуть... Сто раз уже могла своего горбуна соблазнить. Он же ревнивый, оказывается, Караколь, точно тебе говорю. Всего-то и нужно было с другим каким пригожим хлопцем...

– Его высочество Моравянку хочет!

– А духи завлекательные тебе на что?

– Я специально господину противоядие от этого запаха изготовила.

– Тем более. Напоила, чтоб он меня не хотел, и с другим пригожим...

– Цыц! – не выдержал Болтун. – За ваши жизни бестолковые торгуются, а они только о флирте думают!

– О чем договорились? – проявила я любопытство.

– Флоризея вас с крыской отпускать не желает. Тебя особенно. Ей развлечений все еще недостаточно. Трагедию хочет, снятия всяческих масок. Мармадюк ей другие снятия предлагает, взаимные. Хо-хо! А белогривая наша жеребица с сестрой делиться не хочет.

– Жеребица?

– Аделька, ты с кем говоришь?

Ясна наверняка подумала, что я умом тронулась, пришлось разубеждать:

– С артефактом, его только я могу слышать. Погоди, я потом тебе перескажу. Болтун, что за жеребица? Нет таких слов.

– Слов нет, а кобыла с бубенцами – вот она, – хихикнул браслет скабрезно. – Сестренке она другого кавалера для танцев в горизонтальной плоскости подготовила. Можешь крыске передать, что она сегодня канделябр у ложа господина и фаты Асмодии держать будет.

– Псячья дрянь! – не стала я расстраивать девушку. – Так, а миссия фаты в чем заключается? Ты понял?

Ответа не последовало, из-за спинки трона на столешницу выступила другая фея, с черной как оникс кожей, такими же волосами и огромными, в пол-лица, лиловыми глазами. Ну чего скажу, бедняжка

Караколь. У меня от этой красоты поджилки трясутся, я б с ней возлечь даже для спасения жизни не хотела бы.

Но, кажется, моего отвращения никто в зале не разделял, танцующие остановились, захлопали в ладоши, когда обе фаты встали плечом к плечу. Да, они действительно очень похожи, черточка в черточку, различаются только мастью. Ясна восторженно ахала, Болтун, поцокав в восхищении несуществующим языком, продолжал держать меня в курсе переговоров:

– Людей отпустят. Почти всех: и столичных гостей, и миннезингера, и даже секретаршу. Тебя нет. Феи считают, что недостаточно над Мармадюком покуражились. Он возражает. Пейзанка, говорит, это он тебя так называет, пейзаж в полном ему подчинении находится, в любой момент по приказу свою цветочную плоть отворит. Флоризея...

Фата хлопнула в ладоши, разноцветный колдовской вихрь понесся по зале, сметая одного за другим некоторых присутствующих.

– В трактир ступай, – оттолкнула я Ясну, – там сковородкой своего лессера упокоишь, или Олеся попроси.

Крыска уцепилась за меня обеими руками:

– Олесь?

– Они с пани Футтер из-под охраны сбежали.

– Значит, не зря я к ним самых бестолковых стражников определила. Не отпущу, Аделька, одну тебя здесь не оставлю.

– Брось, дурочка, я Берегиня, я со всем справлюсь.

– Может, она Караколя бросать не хочет? – предположил Болтун.

Это я передала и добавила едко:

– Между прочим, твоему высочеству эту чернолицую близняшку в подруги нежные прочат.

Вот зря добавляла, теперь Ясну мне от себя было никак не отцепить. Потому что в ардерской тюте ревность неожиданно разыгралась.

– Твой Мармадюк с двумя фатами не управится? – пискнула девушка и обхватила меня еще и ногами для надежности, повиснув, как тощий медведь на осине.

– Моего Мармадюка на всех хватит, – от тяжести я пошатывалась, – о мужской силе этого лорда в вышних сферах легенды слагают.

– Ну да, – подтвердил артефакт, хотя крыска его слышать не могла. – Уверен, сплетни о том, как лорд-попугай обеих хранительниц волшебного сада соблазнил, чтоб без помех эдельвейс темнейшей Нобу и лотос светлейшей Алистер умыкнуть, далеко за пределы Авалона разнеслись.

– Что за ерунда? – фыркнула я. – Откуда знаешь?

– Когда лорд Мармадюк мне бессловесные команды отдает, кое-какие его другие мысли раскрываются. Все он, хитрец, вспомнил, почти все. О скуке своей бесконечной, о том, как обеих цветочниц соблазнил – заметь, одновременно; и про то, как попросил своего закадычного дружка большую часть своих сил на что-то переплавить. Зачем? Чтоб после в Лимбе искупаться. Волшебные воды реки лишают памяти. На великого чародея это бы не подействовало, а Мармадюк хотел жизнь с чистого листа начать. Брок, ты не знаешь, цверг это один, мастер по артефактам, в просьбе не отказал.

Разноцветный вихрь, исполнив свою задачу, растворился. В зале осталось человек десять от силы, то есть двое людей, мы с Ясной, которую я с облегчением поставила на пол, черно-белые сестры-фаты, лорд Мармадюк, его высочество Караколь и... Я осмотрелась. Все, шестеро.

Мармадюк спрыгнул со столешницы и направился в нашу с секретаршей сторону, Караколь взмахнул крыльями в попытке его опередить. Попытка увенчалась успехом. Может, оттого, что маг не особо торопился.

– Драгоценная Адель. – Фахан обнял меня, но под прикрытием нетопырьего крыла ткнул пальцем ясинину приبلуду, та задергалась, лопнула, потекла по воротнику платья. Грязь коричневый наряд испортить не могла, его изначально ничто не могло испортить. В алых глазах фахана читалась тревога. Лессера развоплотить не удалось, он успел проникнуть под кожу, на шейке Ясны виднелась похожая на родимое пятно клякса.

– Пусть пока так, – шепнула я, – приبلуда ослабла, потом мы ее добьем.

– Господин, – Ясна шмыгнула носом, – вы тоже в опасности.

– Милая моя девочка, моя дорогая...

Говорил Караколь не мне, зато облапывал как раз меня. Ну правильно, ему хочется свою девочку из-под фейской ревности

отвести, а я чего, отрезанный ломоть. Так как я, в отличие от ардерской крыски, целая Берегиня, и потому панна крепкая, демонстрацию чувств, сколько нужно было для достоверности, я вытерпела, дождалась приближения Мармадюка и только тогда вырвалась из объятий, бросилась на шею магу:

– Любимый, драгоценный, судьба моя.

Твердые губы на быстрые мои поцелуи не раскрылись, чародей меня отстранил:

– Нет, Моравянка, может быть, когда-то я был твоей судьбой, когда ты была совсем другой и я другим. Теперь, прости, тарифская трактирщица для великого Мармадюка – не пара.

– Милый, – протянула капризно Флоризея, – мне становится скучно. Вели пейзажке отворить свою кровь и угости нас этим прекрасным лакомством. Сок волшебных цветов бродил в ней столько лет, что приобрел невероятный вкус и консистенцию.

– Двадцать три года, – сообщила Асмодия, вызвав понимающее хихиканье близняшки.

Кого-то они мне обе напоминали, особенно черная. Вот точно же раньше видела.

– Значит, вы те самые панны-феи, которые меня из озера покойной Мораве вынесли? – спросила я.

– Она смеет к нам напрямую обращаться! – картинно возмутилась блондинка. – Пейзанка, ничтожество! Я сама тебя вскрою!

– Попробуйте, – предложила я, протягивая руку. – Уверена, что вам этого не удастся.

И захихикала от щекотки: длинные, прозрачные, как хрустальные загнутые кинжалы, когти волшебной девы бессильно елозили по моему запястью.

– Прикажи ей, Мармадюк.

– Это мое, Флоризея, – сказал холодно чародей. – И делиться этим ни с кем я не намерен. Сейчас мы отправим трактирщицу домой...

– С панной Ясной, – перебил Караколь. – Девушки должны принимать участие в празднике Медоточия, вышняя канцелярия ждет от нас уничтожения врат бездны. Ваши давние игры с лордом Мармадюком ни меня, ни этих девушек, ни города, который мне поручено оберегать, не касаются.

– Вышняя канцелярия... – Флоризея хлопнула в ладоши, и вокруг нас закружился колдовской вихрь. – Город! Девушки! Ты сам-то себя слышишь, фахан? Раньше ты мог жрать таких мягоньких самочек на десерт, дарить страсть женщинам, тебя достойным, и не думать о крючкотворах-законниках!

Мельтешение перед глазами ограничивало обзор, но вихрь явно меня куда-то переносил, а кто-то держал за руку.

– Мармадюк хочет, – сообщил Болтун, – чтоб я тебя в магическую лабораторию Караколя отвел. Сестрички неплохо их обоих с фахановым высочеством стреножили, целую сеть охотничью из дворцовой оружейни Авалона притащили. Мужчинам не выбраться. Но Мармадюк... Короче, он требует, чтоб ты в лабораторию захотела и Ясну заставила тебя туда отвести. Он тебя любит, поняла? По-настоящему, без браслета. И жалеет, что из-за его глупости ты судьбы своей лишилась и...

Любит? Я сжала мужскую ладонь. Ты меня любишь, Марек? Это ведь самое главное!

Вихрь затих, опал разноцветными искрами. Мы очутились на поросшей травой площадке, окруженной с трех сторон отвесными скалами. С четвертой открывался вид на безбрежные пространства темнеющих лесистых гор. Обе луны стояли в зените, от этого казалось, что с неба некто недоумевающе за нами наблюдает. Все еще полночь? Караколь с шелестом раздвинул крылья, под которыми обнаружилась бледненькая и растрепанная Ясна. Мармадюк отпустил мою руку за мгновение до того, как трава в центре площадки растаяла, открывая гладь небольшого озера. Вода забурлила, на поверхность поднялся хрустальный трон, исполненный в виде цветка, на нем восседала фата Флоризея.

– Здесь все для тебя началось, Моравянка, здесь и закончится.

Фея успела переодеться, то есть наоборот, раздеться. Она была голой, если не считать полупрозрачной тряпочки, едва прикрывающей чресла. Ее трон занял почти всю поверхность пруда, поэтому, когда возноситься стала сестрица, произошла некоторая толкотня предметов мебели. Тоже трон, только обсидиановый, а не жемчужный, и полуголая тетка. Я посмотрела на небо. Видите, пани наши, королевы Нобу и Алистер, как вами кто-то притворяется? Не желаете спуститься и наказать?

– Мармадюк теперь хочет, чтоб ты Караколя слушалась, – сообщил Болтун. – Он попытается идиоток-фей заморочить, вы тогда спасетесь. Он думает, что фахан неплохой, в сущности, и девочек не бросит. А еще велел, чтоб я тебе личную жизнь в человеческом мире вести не мешал. Хороший работающий парень, чародей первого воплощения, то есть не старый. Я должен буду убедиться в искренности чувств этого самого первовоплощенного, и уж тогда...

Я раздраженно накрыла браслет ладонью, хотелось послушать сейчас других. Тем более что феи вдоволь насладились торжественными своими покачиваниями перед четверкой переминающихся на берегу зрителей и решили продолжить представление.

– Садитесь! – Флоризея махнула рукой, и на траве появились обычные деревянные стулья, как будто перенесенные сюда напрямиком из «Золотой сковородки». – Разговор предстоит у нас с вами долгий, на всю ночь.

– И продлить ее мы тоже постараемся, – хихикнула Асмодия.

И тут я поняла, почему она казалась мне такой знакомой.

– Что с сердцебиением? – всполошился Болтун. – Не бойся. Мармадюк тебя кровь открыть не заставит. И меня не снимет, ты под нашей с ним защитой.

– Красавицы, – вздохнул чародей, усаживая меня на стул и опускаясь в траву у моих ног, – нам с его высочеством, разумеется, очень приятно любоваться вашими телами, но не пора ли переходить к основному блюду? Жестоко с вашей стороны разжигать огонь мужской страсти, откладывая ее утоление.

– Пусть лорд Мармадюк говорит только за себя, – сказал сварливо фахан, они с Ясной сидели рядышком, и можно было предположить, что под краем нетопырьевого крыла держатся за руки.

– Ты мне вообще неинтересен, – перебила Караколя Асмодия. – Особенно в любовном плане.

– Не в силах выразить, какое облегчение вызывает во мне эта информация.

На черных, гневно раздутых ноздрях фаты блеснул лунный отблеск. Мармадюк эту гримаску тоже заметил.

– Неужели, – протянул он весело, – наше крысиное высочество и темнейшую фрейлину в прошлом связывает некая тайна?

Я посмотрела на фахана, его лицо было одного цвета с глазами, то есть красным.

– Господин не соизволит удовлетворить нашего любопытства? – неожиданно строгим тоном спросила панна Ясна, с усилием выдергивая конечность из-под складок крыла и скрестив на груди ручки.

– Еще одна наглая девка, – поморщилась Флоризея. – Да, твой господин пытался добиться благосклонности темнейшей фрейлины и да, получил вместо жаркой страсти черное любовное проклятие.

– Я помню эту историю, – веселился Мармадюк. – Там по-другому все было. Одна фея, имя которой, разумеется, история умалчивает, положила глаз на некоего нижнего демона, прибывшего во дворец Авалона в составе дипломатической миссии. Это было как раз перед сменой демонских правящих династий, поэтому наш безымянный герой тогда был всего-навсего герцогом. И эта мелкая демонская сошка, по слухам... Он ее отверг! Нет. Погодите, дайте отсмеяться. Там же целая тайная операция по соблазнению была. Парочка как бы совершенно случайно оказалась заперта в подземелье, каменном мешке, в котором помещалась только кровать и батарея винных кувшинов... и...

Мармадюк уткнулся в мои колени, фыркнул, вытер алым шелком платья брызнувшие из глаз слезы:

– А в остальном правда. Демона прокляли на любовные неудачи, во всех воплощениях он должен был оставаться одиноким.

– Угу, – подтвердил Болтун. – То-то крысеньша на неподходящих женщин тянет. Хотя знаешь, Аделька, даже самое сильное проклятие снять можно, если обстоятельства правильно совпадут.

– Для мужчин моего рода, – сказал хрипло Караколь, – возлечь без любви всегда считалось зазорным. Фата Асمودия сочла себя оскорбленной.

– А как же суккубы с инкубами? – спросила Ясна.

– Это низшие, – отмахнулся фахан, – почти животные.

– Он только что тебя животным обозвал, милый, – улыбку Флоризея. – Ты-то нелепыми ограничениями в любовной страсти не страдаешь. Хочешь, я накажу демона за тебя?

– Больше всего я хочу, чтоб это все закончилось, – ответил маг. – Всего и сразу вам с сестрой не получить. Сеть удерживает меня и

Караколя, но не может заставить нас причинить вред этим девушкам.

– Крысу я могу распотрошить и без помощи.

– Нет. – Фахан поднялся и прикрыл крыльями сжавшуюся на стуле Ясну. – Что же касается Адели...

– Цветочной Мармадели. – Асмодия, как я заметила, обожала перебивать именно Караколя. – Только желание этой девицы может отворить ее кровь. Фло, милая, заставь этих играющих в благородство болванов молчать. Ты ведь можешь?

– Смогла, – сообщил Болтун. – Подозреваю, что сейчас тебя, Моравянка, будут к самоубийству подталкивать.

Псячья дрянь, опять?

– Мар-ма-дель... – протянула черная фея по слогам. – Бедная, запутавшаяся девочка, давай я тебе все про этого чародея расскажу. Лорд Мармадюк, ученик Этельбора. Вышний, великий, прекрасный.

– Не особо, – кашлянула я. – То есть, конечно, любовь глаза застит...

– Не перебивай, – перебила меня Асмодия. – В своем высокомерии этот маг решил, что сможет переиграть судьбу! Ему, видишь ли, фата, дающая имена, предсказала, что в его жизни только одна настоящая любовь будет. Мармадель! Она его от всего отречься заставит, себя потерять. Поначалу наш маг предсказанию очень радовался, удобно им от соблазненных им женщин отмахивался. А потом, когда на свет та самая Мармадель появилась...

– Не верь, Моравянка, – перекрикивал Асмодию Болтун, – он о тебе тогда не знал, ничего не знал. Он от скуки обнулиться захотел, все с начала начать. У чародеев это что-то вроде профессиональной болезни – скука.

Мармадюк обнимал мои колени, и это прикосновение показалось мне ледяным.

– Но судьбу не обманешь, – продолжала фея. – От того, что этот маг тебя бросил, нить твоей жизни оборвалась, и, если бы не наше с Фло участие...

– Погодите, – я вытерла ладонями лицо. – Ничего вообще не понимаю. Мы, тарифские трактирщицы, вашим вышним этикетам не обучены. Чего мой Мармадюк натворил?

Асмодия растерялась:

– Он от тебя сбежал, специально в Лимб прыгнул, чтоб памяти лишиться.

– Но вы же его оттуда достали?

Мужские руки на моих коленях дрогнули, Мармадюк, кажется, сдерживал смех.

– Мы, трактирщица, – начала медленно как убогому объяснять Флоризея, – его из вод реки забвения спасли, чтоб за твою порушенную судьбу отомстить.

– А я где была?

– При смерти ты была, в горящем доме около бездыханных трупов родителей!

– Оп-па, – протянул Болтун, – а Мармадюк об этом впервые слышит. Давай дальше расспрашивай.

– А вот цветки, – я широко развела руки, будто обнимая оба цветочных трона, – их же, наверняка простым человеческим детишкам запрещено скармливать. Королевы вас за них не заругали?

– Святые бубенчики! – ахнул браслет. – Не в бровь, а в глаз! Только, помнишь, я тебе говорил, что флору волшебную Мармадюк украл от скуки.

– Мы взяли на себя эту ответственность. – Флоризея одарила меня материнской улыбкой. – Вышние фаты должны последствия преступлений подчиненных им чародеев исправлять.

– Врет, – от возбуждения Болтун вибрировал. – Не подчиняются им маги. Но что-то здесь действительно нечисто. После эпохального нырка Мармадюка в воды забвения эти дуры должны были вернуть...

– Мы оживили тебя волшебной росой, Моравянка, и нашли для тебя приемную мать, единственную, которая могла тебя защитить.

– Про оживление – вранье, – отбил подачу артефакт. – Кстати, я несколько потерял нить разговора. К чему тебя подводят?

Его любопытство недолго оставалось неудовлетворенным. Меня подводили именно к самоубийству, только, как бы это сказать, огородами, а не напрямую. Они, вельможные фаты, столько всего для меня сделали, словами не описать, даже оленя из угодий светлейшей Алистер в наш мир отправили мне на замену. Все, моя служба закончилась. Сейчас я быстренько кровь себе чуточку отворю, они в свои драгоценные седалища мои волшебные эманации соберут, и я

превращусь в обычную панну. И браслет сам собой снимется непременно. Он же только на Берегинь настроен.

Правду Болтун говорил, редкостные дуры в вышних сферах обитают. Кто в эти байки вообще поверить может?

Я внимательно слушала, кивала, потом сложила перед грудью руки в молитвенном жесте:

– Не хочу в простые панны, хочу под венец с любимым Мармадюком. Драгоценные вельможные фаты, вы же можете нас обвенчать по-быстренькому? Мне счастье, ему – пожизненное в этом воплощении наказание. Моем воплощении. Марек как овдовеет, освободится.

Меня обозвали плохими словами. Мармадюк – преступник и должен быть наказан. За что? Ну... это ведь наверняка он моих настоящих родителей жизни лишил, для надежности. Что значит, «сомневаюсь»? Вышний суд со всем разберется. Вельможных фат именно для ареста преступника сюда сейчас прислали. Зачем они тогда вместо ареста над невинными девами куражатся? Так я все не так поняла! Они нас с Ясной защищают от этих мерзавцев!

Я изобразила лицом тупую неколебимость. Нет, нет. Нет!

– Идиотская история, согласен, – болтал Болтун. – Скорее всего, канцелярия Мармадюку в вину эти похищенные цветы ставит. Болван! Он же ими даже не воспользовался! Но скажут, что он специально тебя росой накачал, чтоб после побега силы себе вернуть. Уж эти леди черно-белые постараются. Лимб? Скажут, случайность... Брок? Его-то на суд даже не позовут. Плохо дело, Моравянка. То есть тебя мы попробуем отыграть, но...

Фаты развернули свои троны спинками к публике, зашушукались. Болтун, разумеется, подслушивал, а я гладила черные волосы мага Мармадюка, он поймал мою руку и поцеловал ладонь.

– Как ты мог? – шепнула я. – Они же страшные уродины.

– Между прочим, – артефакт завибрировал, – пока вы тут предаетесь невинным тактильным утехам, крыска временем распоряжается с пользой.

Бросив ревнивый взгляд в сторону другой парочки, я узрела странное сплетение тел и трепет фахановых крыльев.

– Это не то, о чем ты, Моравянка, подумала. Панна Ясна пытается путы на господине перегрызть.

На мгновение из кожистых складок показалось личико девушки, по ее подбородку текла кровь. Молодец какая! Я-то своего освободить даже не попыталась. Может, палец себе прокусить? Пусть попьет, силой напитается?

– Мармадюк хочет, чтоб ты сейчас как можно дальше отсюда оказалась, – сказал браслет. – Он за все свои прегрешения и перед судом, и перед обиженными им фатами ответит. Только бы ты, Моравянка, в безопасности оказалась. Ой, ой-ой-ой! Аделька, феи сейчас маневры крыски заметят!

Цветочные троны как раз медленно разворачивались.

– А ведь я вас признала, – сказала я радостно фате Асмодии, – вы же пани Новак, плетельщица наша, пастуха пана Ежи соседка.

Мармадюк от этих слов вскочил на ноги, но на него я не смотрела, и поинтереснее зрелища бывают. Например, когда прекрасное, гладкое, как полированный оникс, тело корежится, сбрасывая наколдованный морок, и в лепестках цветочного трона оказывается голая отвратительная старуха с клочковатыми седыми волосами, отвислыми грудями и торчащими, будто обглоданными, мослами бедер. Уродина!

– А это, – продолжала я скалиться, – стало быть, обещанная сестрица из Замбурга?

Флоризея визжала, бестолково махала руками в попытках удержать волшбу. Они действительно оказались близнецами, ужасные сестры, являвшиеся мне в кошмарах. Да, прекрасные панны-феи часто выглядят именно так, мне мутти рассказывала. Морок, личина, которую кто угодно снять может, стоит только правду рассмотреть.

– А я, – мой голос приобрел плаксивые нотки, – жалела еще вас, кружева ваши отвратительные покупала, горожанам не верила, думала, наговаривают на бедняжку.

Страдания мои никто не разделял, не до них было. Фаты так энергично дергались на своих тронах-плотиках, что те наконец перевернулись и старушки теперь захлебывались в мутной водице волшебного пруда.

– Какой кошмар. – Мармадюк поднял меня за плечи, поцеловал в краешек губ. – Ступай, милая, обязанности свои перед Лимбургом исполни. Танцуй в медовом хороводе, прими королевский венец... Караколь!

Ясна стояла поодаль, тяжело дыша, фахан отбрасывал от себя невидимые нити:

– Ты все еще в сетях!

– Потерплю, – маг криво улыбнулся, явно преодолевая боль. – Убери девушек.

– Нет! – воскликнула я.

– Нет! – орала, пытаюсь вывернуться из цепкой фахановой хватки.

В ушах свистел ветер, перед глазами мельтешили прекрасные виды зеленеющих в рассветных лучах предгорий.

– Не противься, Аделька, – увещевал Болтун. – Маги без нас со всем разберутся. А здорово ты феек отвлекла, эпично даже, обязательно история об этом в легенду превратится. Пани Новак, плетельщица! Мармадюк небось там сейчас все из желудка наружу извергает... Нет, не дергайся! С ним все в порядке! Лучше в сон тебя погружу ненадолго, в сладкий чудесный сон...

Я раздернула занавески, улыбнулась яркому лику пана Солнца. Мы в карете. Ясна дремлет на противоположном сиденье. Личико бледное, уставшее, кровь на нижней губе подсохла, лессер пульсирует у горла жирной змеей. Ничего, тютя, мы тебя скоро в порядок приведем, будешь опять здоровенькой крыской.

А я есть хочу, сосисок с тушеной капустой, маринованной в уксусе репы, пива и яблочный штрудель на десерт. В животе заурчало. Дюжину сосисок и две пинты пива.

– Почему ты не заснула? – обвиняюще спросил Болтун.

– Ты плохой артефакт подчинения? – предположила я. – Или цветочную деву Берегиню сложнее заколдовать? Вдруг у меня... рецепторы по-другому, чем у прочих, устроены?

Браслет нагрелся, остыл, завибрировал, уверенно сообщил:

– Обычная ты, Моравянка, влюбленная девица. А я, напротив, велик и неординарен.

Мы почти приехали, копыта лошадей уже выбивали дробь на городской брусчатке, мне пришлось отвлечься от беседы, отвечать на пожелания доброго утра знакомым, высунувшись в окно.

– Моравянка, – позвал браслет, – ты о чем сейчас думаешь? Просто... ну, странно это. Другая девушка на твоём месте в истерике бы билась после всего, что ночью произошло, а ты, как будто... Спокойна?

Я не ответила. Спокойна? Разумеется, псячья дрянь! А как иначе? Будь Берегиня трепетной девицей, до своих лет не прожила бы. Все во мне есть: и ревность, и страсть, и тревога, только спрятаны глубоко. Еще радость присутствует, оттого, что тетушек своих драгоценных скоро увижу. Сначала я выпущу ее, радость, расцелую гладкие косточки рузиных щечек, постою в прохладном мареве Гражины, улыбаться буду, одновременно рыдая от облегчения. А потом... потом выпущу из себя все остальное. Но не сейчас.

Растерянность Болтуна была приятной. Съел, вышний балабол? Вот такие в Тарифе девы обитают, не твоим старым знакомым чета! Цветочек Шерези! Времена у них были! Другому еще досталась! Урод, наверное, какой-нибудь... Не такой, как ужасные сестры, но...

– Сердцебиение участилось, – сообщил артефакт. – Так о чем думаешь?

– Прибыли.

Кучер дверцы мне не открыл, да я и не ждала, сама спрыгнула на брусчатку перед трактирным крыльцом. На нем стоял Петрик.

– Панна хозяйка! – Хлопец выронил из рук трубочку, закашлялся, едкий дым не в то горло пошел.

– Курить вредно, – раздавила я трубку золотым каблучком. – А пану Рышарду передай: еще раз тебя табаком угостит, в гостеприимстве «Золотой сковородки» ему будет отказано.

– Так его, Аделька, – весело поддержала Франчишка мясникова, направляющаяся куда-то мимо нашего заведения. – Платье у тебя какое! В нем в хоровод станешь?

Покачав головой – нет, разумеется, переоденусь, – я прикинула, что панна Богуслава идет в сторону их лавки, это как раз не удивительно, но вышла девушка явно от задней калитки трактира.

– Шляпу съем, – протянул Болтун, – если белобрысому Петрику нынче ночью от щедрот этой девицы не перепало.

«Не съешь, – подумала я. – Во-первых, есть тебе нечем, а во-вторых, точно перепало. Когда Франчишка обернулась к нам от угла улицы, от ее с Петриком переглядываний можно было с десяток трубок раскурить. Скоро будет свадьба. Эх, жаль, такого работника справного пан Богуслав от меня получит. И Марека я лишилась. Лорда Мармадюка, в которого превратился пришлый балагур, в трактире за стойкой вообразить даже не получится. Эх...»

– Пусть панна хозяйка не тревожится, – сказал хлопец, – Франичка знает, что «Золотую сковородку» я не оставлю.

– Ты, Моравянка, опять вслух думаешь, – хихикнул Болтун.

Петрик продолжал:

– Как поженимся, своим домом жить станем, не у Богуслава. Пани-призрак-огромная говорит, тот пустырь, что за пивоварней...

– Тетка Гражина вас застукала? – улыбнулась я.

– Не так чтобы... – Хлопец покраснел. – После уже, когда Франечка... Пани-призрак-большая добродетельная очень женщина... была... Была женщина... Добродетель и в посмертии при ней. Бесстыдник, говорит, бесштаный, чтоб немедленно под венец! Тебя, говорит, блудодея круглозадого, придушить мало, но прощу. Вот страха натерпелся, захотел мужскую силу свою проверить... Вот. Если начистоту, так от ее упреков мне еще страшнее стало, потому вот трубку... Штаны сначала надел. Больше ни в жизнь пакость эту в рот не возьму! Не штаны, табак...

Мне едва удавалось сдерживать смех, артефакт себя не ограничивал, хохотал. Я похлопала Петрика по плечу:

– Не бойся, мои тетки абсолютно безвредные.

– К тому же пребывать в нашем мире им осталось недолго, – добавил Болтун.

Я решила пока не уточнять:

– Петрик, не стой столбом! В карете панна секретарша, помоги ее в дом завести.

Хлопец повозился в экипаже и вынес хрупкую Ясну на руках:

– На кухню или в хозяйские покои?

– Наверх, ко мне. Потом спустись и принеси сковородку. Разбираться с лесерами будем.

– Как тебе удастся так переключаться? – недоумевал Болтун. – Полная собранность и спокойствие!

Я поздоровалась с семейством Диего, доманцы переговаривались, взирая на нашу процессию.

– Обычай Тарифа, – перевел Болтун, – не перестают повергать их в шок. Дикие вы люди. Дон Диего хочет съехать, ему соседство с призраками неприятно. Донья его говорит, что раз заплачено, то еще одну ночь дражайший супруг потерпит. А дочурка, у которой нос крючком, просит себе на свадьбу точно такое же платье, как на тебе.

Кстати. Прекрасный наряд, его ничто из произошедшего с тобой не повредило, крыска в лохмотьях, ты – хоть сейчас на бал. Прости, отвлекся. Что еще? Дон Руфус молится, просит Спящего с королевами сделать так, чтоб ты ему принадлежала, а будущий тесть копыта отбросил. Хочешь ответить? Обозвать там, патриотизм проявить? Или Руфусу пару нежных слов? Так говори, я толмачом поработаю.

Петрик с девушкой на руках были уже на лестнице третьего этажа. Я проводила их взглядом и повернулась лицом к зале и начала речь.

Говорила я на тарифском, другим языкам не обучены, но с губ мои срывалась бойкая доманская речь:

– Драгоценные гости, не могу выразить всю глубину и широту счастья от присутствия вашего в нашем скромнейшем заведении. Мы люди простые, всего то и достоинств, что близко к священным горам обитаем. Соседство с колдовскими сущностями на традиции наши определенный отпечаток наложило. Мы знаем чародеев, просим благословение у фей, живем с призраками и воспитываем наравне с обычными детьми детей волшебных. Сегодня большой праздник – день Медоточия. В честь него я хочу преподнести донье Алондре это алое как кровь платье, сотканное из чистейшей магии, в нем донье не стыдно будет пойти под венец с возлюбленным Руфусом.

– Сладко завернула, – одобрил браслет, когда я удалялась по ступеням. – Девица счастлива. Спрашивает у маменьки, нельзя ли сразу из Лимбурга к фейскому какому-нибудь озеру завернуть, пока Руфус не очухался, обряд провести. Порекомендуешь то самое озеро, в котором сластолюбивые старушки бултыхались? Дорогу я запомнил.

Петрик спускался навстречу, я посторонилась, пропуская хлопца.

– Панна Ясна лежит на кровати, – отчитался он, – пани-призраки-тетки скандалят с пани Футтер, мальчонка ревет, я за сковородкой.

– Ступай. Где Гося и остальные девушки? Фамилия Диего завтрака ждет.

– Так хоровод скоро, все панны по своим уголкам готовятся, Мартуська-поваренок тоже. Повариха сказала, нечего доманцев баловать, она им вчерашнюю запеканку с подливой разогреет, я обслужу. Сковородку вот сейчас...

– Молодец.

Ноги взбегали по привычным ступенькам, почти их не касаясь. Все хорошо, ни на что невзирая, трактир продолжает работу. Как вагонетка по рельсам движется к процветанию. Настало время Берегине долг исполнять.

– Адичка! – бросились ко мне тетки. – Что за вид? Что произошло? Пан чародей тебя не...

– Не? – показала я браслет. – Ваш драгоценный пан меня к себе на веревочку привязал, а после этого еще поглумился. Пани Футер, доброе утро, Олесь, не реви, вылечим мы твою... Как ты ее называешь? Тоже мамой? Мне бы это фаханово алое великолепие снять, там сейчас Петрик сковороду принесет... Вот ведь не подумала сама ее прихватить. Тетечка Рузечка, не трогайте, платье зачарованное, мало ли как на призраков действует... Я вами рисковать не хочу... Да, пани Футтер, застежку там, сзади, спасибо. Сестренка? Олесь так Ясну для себя определил? Нет, малый, не бодайся, проковыряешь еще девицу. Злыдень внутри, в теле, тут подумать надо... Тетечки, а те страшные сестры, что мне в кошмарах являлись, не вы вовсе... Ага, после все расскажу.

Я металась алым вихрем из комнаты в комнату, кормилица семеняла следом, с кряхтением наклонялась, чтоб поднять предметы гардероба. Гражина парила над моей головой, больше всего ее интересовало, как именно и сколько раз глумился над драгоценной Адичкой поганый сластолюб.

– Да не так глумился, – призналась я, – просто... ну, отверг. Не взаправду, но обидно очень.

Тетка решила, что лучше бы по-простому Марек со мной, без извращений. Нормально же обещал, когда в постели с Адичкой лежали, «я поцелую тебя всю, от макушки до кончиков пальцев на ногах, не пропуская ни кусочка твоего белого сладкого тела...» И ничего не каннибальски, горячо вполне, страстно говорил.

– Будет, все будет. Потом расскажу...

Оставшись совсем без одежды, я юркнула в ванную, но долго там не пробыла, ополоснулась пол струями душа, потом, смутившись от неприличных восторгов артефакта: «це-це, Аделька, щедро тебя телесностью одарили, белой и сладкой, кое-кому из наших знакомых повезло», завернулась в простыню и заткнула пробкой сток ванны.

Ясну тоже придется от ее духов отмыть. Тварь, может, этим запахом наслаждается.

Вода журчала, набираясь, в гостиной хлопнула дверь, мне доставили оружие. Я притушила свет, чтоб артефакт не вздумал опять подглядывать, вытерлась, надела ночную сорочку, которая всегда ждала меня на вешалке.

– Адичка! – Бас Гражины в темноте звучал несколько зловеще. – Рузя в библиотеке рыдает, обиделась, что ты на нас с ней думала.

Я включила свет и, распахнув двери, вышла из ванной:

– Тетечка Рузечка, простите меня, дуру, возвращайтесь в спальню. Времени нет, скоро полдень, до хороводов мы или излечим панну крыску, или у вас будет еще один неупокоенный дух для компании.

Браслет хихикнул, одоблив шутку.

– А тебе, вышний, лучше заткнуться и под руку мне не болтать.

Алое платье лежало на кресле, прижатое к нему туфельками. Так и преподнесу, без кресла разумеется, доманка пусть сама подходящие плечики или манекен ищет. Так, все? Нет.

Олесь чинно сидел на кровати.

– Малыш, – взяла его за плечи, – пока тетя Моравянка твою сестричку лечить будет, тебе лучше в детской с матушкой посидеть. Хорошо? Пани Футтер, запритесь изнутри и не открывайте, пока я не скажу, что уже можно.

Кормилица с олененком ушли, я стала снимать с секретарши одежду: лохмотья моего коричневого платья, башмачки, шелковые чулки, прочие дамские кружавчики. Девушка все еще была без чувств, раздевать ее в ванной было бы неудобно.

– Зря пани Футтер отпустили, – сказала Гражина, – помогла бы нести.

Болтун, забыв мой приказ заткнуться, болтал:

– Худышка какая... Нет, если начистоту, сложена крыска прекрасно, все при ней, но косточки какие тоненькие. Это изящество называется...

По уму, браслет нужно было носовым платком перевязать, чтоб не пялился, но мне это поздно пришло в голову. Пусть так. Извинюсь потом перед Ясной.

Я почти без усилий взвалила на плечо голое соразмерное тельце:

– Рузечка, вся эта одежда духами, привлекающими лессеров, пахнет, ее бы... не знаю, сжечь. Только где?

– В ночную вазу спрячу, – решила тетка, – сверху кислотой залью. Не здесь. В библиотеке.

Она свернула все в аккуратный тючок и отправилась в тайную комнату.

Гражина проследовала за мной, паря у потолка, внимательно смотрела, как я погружаю в воду хрупкое тело, придерживаю голову, чтоб девушка не захлебнулась.

– Приблуды не видать. Полыни добавь, вон в коробочке у зеркала порошок.

Горячий приятный пар струился к лиловой тетке, она его не пыталась понюхать. Какой все-таки Мармадюк чудесный человек! Излечил моих драгоценных. Надолго ли?

– Пока цели своей не осознают, – пояснил браслет. – Осознают – в чертоги Спящего отправятся, а там – на следующий виток перерождений.

Опять вслух думала?

– А Мармадюк да, чудесный. Все всегда умел себе на пользу обернуть. Даже сейчас наверняка вместо того, чтоб наказание принимать, фейской благосклонностью пользуется.

– Где моя сковородка? – встрепенулась я. – Тетечка Гражиночка, я на минутку, присмотрите, вдруг Ясна тонуть начнет, кричите...

– Что, Моравянка, ревнуешь? – хихикнул Болтун. – Привыкай. Если лорд чародей решит тебя от любви не освободить, ревновать тебе придется часто, нет, не так – непрерывно.

Сковородка лежала на стуле в гардеробной, мои пальцы привычно обхватили ручку.

– Знаешь, что удивительно, – не унимался браслет, – Мармадюк, он ведь по вашим человеческим меркам отнюдь не красавец, но что-то такое в нем есть, что заставляет женщин голову терять. Вот помню... Ой! Ой-ой-ой!

Я продолжала монотонно колотить его сковородой.

– Что ж ты никак не снимаешься, псячья дрянь? Может, попросить Олесья тебя рожками подцепить?

– Давай зови, – орал Болтун, – калечь ребенка! Пусть свои рога пообломает! Дура ревнивая! Только подумай, кто после тебя в твоём

драгоценном Лимбурге останется, если мальчишка пострадает? Ты же, бестолочь, за столько лет даже наследника родить не удосужилась! И что теперь? После суда вышние тебя цветочной твоей силы непременно лишат, чтоб равновесие колдовское восстановить...

– Адичка, – позвала издали Гражина.

– Сначала ясниного лессера развеем, – решила я, – а потом ты мне все про суд и будущность разъяснишь.

Девушка лежала в ванне, вода в которой гейзерно пузырилась.

– Что за ерунда?

– Доставать панну секретаршу надо, – пробасила тетка, – сварится.

– Стой! – велел Болтун. – Лучше холодной воды добавь, температуру-то именно девица нагоняет.

– Точно, я сейчас кликну Петрика, чтоб из морозильного погреба льда принес. – Гражина стала просачиваться сквозь стену.

Болтун дернул меня за руку:

– Лучше меня к бортику прижми. Из чего лохань? Из меди?

– Петрика не нужно? – Тетка обернулась, как только она это умеет, переместив глаза себе на затылок.

– Тетечка слышит вышнего? – спросила я, прижимая золотой ободок к боку ванны. – Значит, на него удары сковородкой подействовали. Благотворно. Нет, Петрика не надо, лучше посмотрите, как там Рузечка.

Похолодало, поверхность воды покрыла тонкая корочка льда, вокруг расслабленного рта Ясны появилась синяя каемка. Простужу панну. До смерти заморожу.

– Готово, – сообщил Болтун. – Можешь меня забирать. Минут десять у нас в запасе имеется. Что теперь?

Я села на пуфик, пожала плечами:

– Выманить приبلуду и развоплотить.

– На что выманивать будем? Не отвечай, знаю, о чем скажешь. «На мою драгоценную цветочную кровь!» Палец проколешь? Привыкла простыми решениями ограничиваться.

– Обычно это срабатывает. Единственное, что смущает: если не успею удар нанести, если он быстрее в меня ввинтится сквозь дырку в пальце? Это возможно?

– Более чем. Как вариант, можно лессера вместе с Ясной упокоить.

Девушка в ванне широко открыла глаза.

– Не бойся, – сказала я уверенно, – Болтун просто болтает. Встать можешь?

Она пошевелилась, лед треснул, я приподняла Ясну за плечи, завернула в простыню:

– Давай в спальню вернемся, там удобнее. – Длинные ступни девушки оставляли на паркете аккуратные мокрые следы, когда я вела ее через комнаты.

Ясна прилегла на постель, прижалась щекой к покрывалу, живо напомнив мне сцену в ее спальне, только со мною в роли жертвы.

Маленькая тетка протянула мне жестяную коробочку:

– В кармашке платья лежала, кислота ее не возьмет.

– Там мои таблетки, – Ясна вытерла ладошками мокрые глаза, – чтоб твою, Адель, кровь останавливать. Помнишь?

– Чудесно! – Я отщелкнула крышку, подцепила ногтем зеленую полосочку. – Можем приступить. Сковородка где?

Оказалось, я на ней сидела.

Поднялась, одна рука с оружием на отлете, в другой, между средним и указательным пальцами, зажата таблетка. Ну что, псячья дрянь, потанцуем?

– Тетечка Рузечка, держите свое взрывучее зелье наготове, на всякий случай. Гражиночка... Ясна, не бойся, как только прибуду наружу вылезет...

Говорила я невнятно из-за пальца во рту, прикусила, поморщилась от резкой боли и соленого вкуса крови. Ну давай, покажись. Хорошо ведь пахнет? Вкусно?

Страхнув на ковер алую капельку, я прижала к ране зеленую таблетку. Ясна тоненько вскрикнула, изогнулась, ее тело скрутило судорогой, бурая бесформенная тень выползала наружу, осторожно шевеля отростками-щупальцами. Рано, пусть покажется целиком.

– По носу бей, – сказал Болтун, – то есть по клюву.

– Чего? И где тут у нас, простите, клюв?

– Появится. Все создания Флоризеи на птиц похожи, пунктик у нее, благодаря одному нашему общему знакомому.

Злыдня с шлепнулась на пол, захлюпала по небольшому паркетному пятачку, секретарша с ужасом и отвращением провожала ее взглядом. Шупальца, теперь похожие на длинные вороньи перья, осторожно потрогали край ковра, втянулись, слизистый ком стал трансформироваться. Эй, пан противный, нюхать будем? Нос-то покажи! Ого! Действительно, птица. Только не ворона, а... Попугай?

– Большое впечатление лорд Мармадюк на влюбленных в себя женщин производит, – браслет сжался. – Ну, чего застыла? Лупи! Или ждешь, пока это... крови твоей отведаешь?

Попугай опасным не выглядел. Обычная птица, крупная только. Белоснежный хохолок, розовые складчатые лапки, черный клюв и глаза, тоже черные, как...

– На Марека похож, – сказала Гражина.

– Потому что Мармадюк в птичьей ипостаси именно так и выглядит. Он ее, к слову, любит, Адичку вашу...

Попугай прошествовал по ковру, посмотрел вниз, наклонив голову, занес клюв. Тук! В ковре дырища, из нее торчат шерстяные ошметки и щепки раскуроченного паркета.

– Тук! – сказала птица и лихо сплюнула налипшую на клюв ниточку. – Дура!

– Сам дурак! – ответил за всех присутствующих женщин браслет. – Ну, Аделька, дождалась? Говорил же, лупи! Нужно было его раньше развоплощать, до того, как он крови твоей отведал.

– Кр-р-ровь! – согласился попугай. – Кр-р-ровища!

И, взмахнув крыльями, пролетел сквозь Гражину к стоящей в углу ширме, сел, обхватив когтями планку каркаса и стал спокойно чистить перышки.

– Сейчас уже поздно? – уточнила я.

– Можешь стукнуть, – разрешил Болтун. – На кухню потом отнесешь, попугаев пани Марта еще, наверное, не готовила. Рот закрой, Моравянка. Да, из-за твоего попустительства темное проклятие обычной противной птицей стало.

– Тук! – подтвердил попугай. – Кровища! Сахарку!

– Можно его покормить? – Тетки приблизились к ширме, Рузя достала из складок савана пыльное обгрызенное печенье.

– А мне одеться, – подала голос из-под одеяла панна Ясна, – и потом уже поесть?

Тук хрустел печеньем, сообщал теткам, что он хор-р-роший и обзывал моих родственниц дурами, Болтун болтал, обвиняя меня в непригодности к убийствам, если объект хоть немного на любимого Мармадюка похож, я бросала из гардеробной на кровать свою одежду для Ясны, потом одевалась в расшитый стеклярусом хороводный нарядец. Между прочим, абсолютно самостоятельно, помощница слишком увлеклась нашим новым питомцем.

Как-то трактир стремительно домочадцами обрастает. Неожиданно. Ну и ладно, и хорошо. Интересно, я из любого лессера капелькой своей крови живое существо смогу сотворить?

– Не из любого, – объяснял браслет, – этот попугай убийствами себя замарать не успел. Если накормишь кого из душегубцев, тоже превратится, но во что-нибудь опасное, желающее продолжить банкет. Тебе еще повезло, что пастилки яснины под рукой оказались, иначе...

Я помогла девушке правильно повязать передник, тарифский национальный костюм ей неожиданно оказался к лицу. Тоненькая талия, от складок юбки бедра кажутся пышнее, жилетка-корсет приподнимает грудь, демонстрируя в вырезе блузки ложбинку.

– Давай две косы заплетем, – предложила я, – твой обычный пучок сюда не подходит.

Ясна согласилась. И через десять минут перед зеркалом вертелась из стороны в сторону прелестная юная панна. Тетки преобразование одобрили, даже Тук восхищенно пощелкал клювом.

За приоткрытыми окнами жарило полуденное солнце и уже звучала музыка.

– Хоровод, – сказала я, – мы с Яськой танцевать пойдем.

Глава 10

Праздник Медоточия

Тетки не возражали, того, что я успела им урывками сообщить о ночных своих приключениях, им пока хватило с лихвой. Ясна на тарифское прозвище не обиделась, взяла меня за руку:

– Спасибо, Аделька, за то, что от лессера меня избавила, за все. И прости, долго искренне тебя ненавидела.

– Пан Спящий простит, – ответила я как полагается, – а я зла не держу, побежали. Нужно еще успеть хоть что-нибудь съестное с кухни прихватить.

– Куда? – закричал Болтун. – А призраки, попугаи, рогатые олени?!

Точно! По дороге я постучала в дверь детской:

– Пани Футтер, все хорошо, ваша почти родственница здорова. Открывайте.

Кормилица щелкнула замком. Олесь бросился к «сестренке» обниматься.

– Еще подросток, – улыбалась та, глядя золотые локоны, – скоро во взрослого парня превратится.

– У нас там еще, – махнула я рукой, – попугай завелся. Тетки расскажут. А мы в хоровод!

– Какой хоровод? – не унимался браслет.

Кормилица вздрогнула, скрутила обережную дулю.

– Вышний артефакт, – показала я запястье, – тетечки и про него объяснят. Яська, идем. Мы с тобой юные девы и обязаны сегодня танцевать в честь Медоточия. Обычай.

– Идем, Аделька.

Мы с грохотом сбежали по ступенькам.

– Петрик, – кричала я, – прежде чем трактир запирать, наверх брецелей отнеси и лещины, нет, не пани-призраки проголодались, потом поймешь. Пани Марта, нам перекусить чего не осталось?

Повариха вытолкнула из-за занавески нарядную Мартусю, поставила на ближайший стол поднос с кружками и тарелками, девчонка побежала через зал на улицу, мы с Ясной бросились

подкрепляться. Холодный мясной пирог, маринованные огурчики и пенный сидр. Вкуснотень.

– Панне бургомистровой секретарше, – сказала Марта, – тарифская одежда лучше подходит, раскрасавица стала.

Яська присела в книксене, не переставая жевать. О ночи, как будто заключив друг с другом молчаливый договор, не говорили. Не оставив ни крошки на подносе и ни капельки в кружках, мы, сытые и готовые к танцам, вышли на крыльцо. Хвост хоровода как раз скрылся за поворотом на соседнюю улицу.

– Догоним?

– Не положено, – остановила я порыв девушки, – ждем, сейчас они круг до городских стен сделают и сюда снова вернуться.

– Забавный обычай.

– Тебе нравится?

– Конечно. Знаешь, Аделька, я, пожалуй, с детства такого воодушевления и радости не ощущала. Хочется танцевать, творить глупости...

– Например, какие?

– Например, господина вдруг захотелось по щекам отхлестать!

– Это в тебе тарифская женская независимость проклюнулась, – решила я. – Мы, тарифки, мужчинам не прощаем, если они нас от опасности защитить не могут. Ты Каракотля от пут освободила, от его начальницы лессера в теле терпела, конечно, он пощечину заслужил.

– Типичные тарифки! – фыркнул Болтун. – Ван Диормод и... впрочем, я пока не уверен, какая «ван» или «де» наша Мармадель.

Я артефакт обозвала плохим словом, а Ясна смущенно отвела взгляд:

– Высший предмет прав, тебя, Адель, младенцем явно из Ардеры похитили.

– У нас говорят: не тот отец, кто родил, а тот, кто воспитал.

Болтун прогундосил что-то по-иностранному, Ясна перевела:

– Нет хуже слепого, чем тот, кто не хочет видеть. Имеется в виду...

Сбоку от крыльца многозначительно прокашлялись:

– С праздничком, панна Моравянка.

– И вам, пан Рышард, того же, – поклонилась я, так и не узнав, что имел в виду Болтун. – На площадь идете или уже к медоточивым

камням?

– Так вельможную панну застать хотел. – Сосед посмотрел на бургомистрову секретаршу, узнал, поздоровался, пошевелил бровями. – На два словечка наедине.

– Панна Ясна, – ответила я строго, – сейчас не чиновница из магистрата, а моя подруга. Нам с ней, как вы, вельможный пан, знаете, с крыльца до хоровода сходить нельзя, и в дом через порог возвращаться тоже. Поэтому давайте свои два словечка.

– Такое дело... – Рышард опять кашлянул, потянулся в карман за трубкой, передумал и выпалил почти без пауз: – Про то, что Морава-покойница Берегиней была и должность эту доченьке передала, в городе все знают. Виду только не подают, то есть не подавали, так положено...

Он тархтел, в принципе, в скорости вполне мог сейчас посоперничать с самым неординарным и величайшим Болтуном.

Положено. Но сегодня от обычаев придется отступить. Горожане встревожены. Нет, то, что бургомистр у нас фахан, это ладно, лестно даже, и Марек из трактира великий чародей, вообще троекратное «ура!» и патриотическая гордость. Праздник большой, гости столичные и заграничные, торговле местной вспоможение, доманцы свои дукаты даже у пана Малера оставляют, потому что не разобрались еще, что в портретах художник не силен, он им жениха с невестой так изобразит, что родная мать...

– Пан Рышард, – перебила я, заметив, что голова хороводной процессии вынырнула на площадь, – давайте покороче. Маги, фаханы, феи...

– Об них как раз разговор. Ходят слухи, что пан-фахан-бургомистр хочет медоточивый круг разрушить.

– Это к лучшему, – объяснила Яська, – Камни на самом деле – ход в нижние сферы. Через него в любой момент на Лимбург орды тварей из бездны могут ринуться.

– Мы про то тоже слышали... – Рышард поглядывал на площадь и торопился.

Врата-шмата... За столько лет не ринулись и еще столько обождут, а только как город без медоточивых камней? Что пан Малер на картинках малевать будет? Куда девицы за похвалой отправятся? И самое важное, зачем тогда к нам заграничные разные люди приезжать

будут? Другие какие места для развлечений разыщут? И денежку там же оставлять станут? Да, пан Рышард от имени городского совета говорил. Почему мне, а не бургомистру напрямую? Потому что тот пришлый и фахан, а я – своя.

– Вот такусенькой панну Адельку помню, – сосед нагнулся и показал «какусенькую», примерно на уровне своих коленей. – Фаханам-то что, они наши священные места порушат, да к себе в сферы вернутся, а нам здесь убытки подсчитывать.

– Хорошо, – пообещала я, перекрикивая музыку, – что смогу – сделаю. Тем более что пану бургомистру, кажется, слегка не до того.

В поравнявшись с крыльцом оркестре я с удовлетворением заметила бодрого пана Шпильмана, не обманул Марек, то есть возлюбленная его уродка Флоризея. Псячья дрянь! Ну как он мог с такой... с такими... Нет, прочь!

За оркестром начиналась длинная хороводная цепь, первой приплясывала Франчишка, держа в свободной руке жезл Медоточия: яблоневый посох, увитый разноцветными лентами. За ней, сцепившись ладошками – цепь разрывать ни в коем случае нельзя, – следовали все девицы вольного Лимбурга. Мы с Ясной дожидались хвоста хоровода, отвечали на приветствия.

– Две влюбленные дурочки, – бормотал артефакт. – Безумные дурочки. Думают, что, если одной удалось магическую цепь перегрызть, а другая чары красоты с фрейлин узнаванием сорвала, все хорошо.

– Вы Болтун! – фыркнула Яська. – Разумеется, хорошо. Господин не позволит старухам лорда Мармадюка пытаться, проследит, чтобы все по закону было. Уверена, его высочество нас на площади ждет. И маг наверняка с ним.

– С кем вельможные панны говорят? – спросила Мартуська. – Хлопец какой с нами в хороводе? Так не положено, обряд с мужчинами не сработает.

– Тебе чудится, – наврала я, подумав, что «хлопец», который с нами, не считается, у него этого самого нет, что танцевать мешает.

– Эта Флоризея, – Ясна теперь говорила чуть в сторону, у нее появилась вторая соседка, – ужасная женщина, наши лакеи... Она их, представь, привороживала для развлечения. Даже удивительно, как у

светлейшей королевы во фрейлинах такая несдержанная в страсти фата быть может.

– Королевы с тысячу, наверное, лет вышние сферы не посещают, – пропищал браслет, маскируя голос под женский, – им до них дела нет. Спящий спит, а заправляет всем во всех авалонских мирах канцелярия.

– Вот вообще про политику неинтересно, – скрипнула я зубами.

Сердце болезненно сжалось. Ничего. От ревности еще никто не умирал. Ну было и было. Главное, когда Мармадюка увижу, с шага не сбиться и хоровода не разорвать, иначе, бывали уже случаи, танец придется начинать с самого начала. Виновную в этом панну ждет такое общественное порицание, что она о смерти мечтать будет.

Итак, сейчас мы выйдем на площадь, я на трибуны для знати даже не повернусь. Под ноги смотреть буду. Какая у нас в Лимбурге добротная брусчатка! Улицы вымощены темной, а перед ратушей из белых и черных булыжников целый орнамент составлен. Любо-дорого.

– Господина нет, – отвлек меня от художественно-хозяйственных мыслей голосок подруги.

Я подняла голову, с трибун нас приветствовали горожане, бросали цветы, хлопали в ладоши. Гостей тоже было прилично, они выделялись нарядами, но украшенный гирляндами стул бургомистра на возвышении пустовал, и Мармадюк тоже отсутствовал.

– Наверное, у камней ждут, – предположила я, – там, где алтарь. Или его на площади возводили? Не помню.

Ясна задумалась, ее веселое воодушевление куда-то исчезло. Ноги наши бежали по орнаменту, выписывая положенные крендельки, побежали по улице, потом, за городом, по грунтовке, по утопанной сотнями подошв траве. Хей-хоп!

У каменного круга тоже была толпа, горели костры, у которых пританцовывали и чокались полными кружками веселые горожане. Бочки громоздились у какого-то нелепого возвышения. Алтарь? Ну да, раньше здесь такого не было. Чудесно как пригодился. Рыжей шевелюры Караколя нигде не было видно, зато блеснули на солнце рожки Олеся, он что-то верещал, пытаюсь вырваться из рук кормилицы. Но пани Футтер – женщина опытная, она не позволит сыночку хоровод разрушить.

Болтун жаловался на плохой обзор, Ясна стала описывать обстановку на словах. Оба они удивлялись отсутствию начальства. Что

произошло? Почему? Их призвали в вышние сферы?

– Перестаньте, – велела я, – потом об этом подумаем. Яська, сейчас мы войдем в медоточивый круг и будем сосредоточенно бусины собирать. Как? Тебе понравится. Нет, не руками, сама скоро поймешь. Пока молчи, ни слова.

Танцующая змея превратилась в улитку, огибая нерукотворные колонны, Франчишка, очутившись у входа, высоко подняла посох, взметнулись разноцветным фейерверком ленточки, музыканты перестали играть, гомон толпы постепенно стихал, наконец в наступившей торжественной тишине панна Богуславова шагнула в круг. Молча, не торопясь, одна за другой девушки скрывались за воображаемой гранью. Когда подошла моя очередь, я привычно ощутила, как окружающий воздух становится гуще, словно под водой идешь, только дышать не мешает. Хороводный круг почти сомкнулся, мы стояли спинами к сочащимся янтарной жидкостью камням. Мед? Скорее, на гной похоже. Тишина. Франчишка замахнулась и вбросила посох в центр, схватила за руку последнюю панну, древко воткнулось в землю как нож в масло, ленты яркими стрелами рассыпались по сторонам. Мне досталась красная, набросилась колечком на шею. Цвет неважен, до заката его станет не видно от нанизанных на ленту бусин.

Где-то там, далеко, музыканты ждали сигнала. В принципе, давать его должен был бургомистр, которого с нами не было. Тишина становилась гнетущей и почти тревожной. Без музыки нельзя, никак. Мартуська рядом со мной пошатнулась. Ну же, мы не сможем долго сохранять предписанное ритуалом молчание.

– Псячья дрянь! – разнесся звонкий детский крик. – Музыка!

Бум-бум-бум! К негромкому барабанному бою присоединилась труба. Фа-а-а-ам... Медленный ритм, шаг с перехлестом, бум, шаг, чуть быстрее, еще, еще...

– А у Зеньки кривые ноги! – прокричала чернявая Ежинка и сплюнула.

– Ежинка – грязнуля! Тьфу!

У обеих панн на ленточках теперь болталось по бусине.

– У Франчишки грудь волосатая! – пискнула Мартуська и тоже плюнула, у нее на блузке расплылось пятно слюны.

– Дурочка, – сказала я ей, – и брехушка.

Две бусины за два обзывательства. Хитрость в том, чтобы ругательства были правдой, иначе не сработает. Да, в мире все равномерно устроено, и за все медоточие, которое льется нам в уши на протяжении года, мы сейчас должны злоречием отплатить. Дальше можно было не прислушиваться. Все орали одновременно.

– У той ужасные волосы, как пакля, – попробовала Яська, – а блондинка в синей блузке косит.

– Злоязыкая фаханка, – похвалила я подругу, получив всего один шарик, потому что не фаханка. – Крыса!

– Необразованная пейзажанка! Неуч! Драчунья!

Интересно, до панны-секретарши дойдет, что ругаться не только на присутствующих можно? Потому что повторяться тоже нельзя, и взаимные хороводные обзывательства довольно скоро иссякнут. Все это знают, сейчас просто возможностью безнаказанно яд сцедить пользуются. Потому что обижаться нельзя.

– Моравянка к себе мужика приворожила! – прокричал кто-то.

– А тебе завидно! – отбрила я и сплюнула бусину: значит, правда. – Мармадюк – тот еще кобель! Ни одной юбки не пропустит, ни простой, ни волшебной! Попугай! Слостолюб! Потаскун!

– Караколь – трус и мямля! – Я удивленно посмотрела на Ясну, она хихикнула. – Моравянку соблазнить не смог, ничтожество! Фахан! Плакса! Дранный нетопырь!

На груди крыски бусин было больше, чем на моей. Мы кружились, разгоряченные девичьи личики кривились, рты выплевывали янтарные шарики и гадкие слова. Общая тема обиды на сильный пол, на недоданное и недосказанное, неподаренное и непонятое объединила нас так, как никогда раньше.

– Два года как барашек за мамкой ходил, – жаловалась Франчишка, – а пока сама его на мешки с репой не завалила... тьфу!

«Маринованной репы в этом году есть не буду», – решила я мельком и стала ругать столичное начальство.

– Налоги повысили. Мздоимцы, сами там на золоте... Ой, мы тоже на золоте колбаски жарим... Проклятый Мармадюк, так бы и заехала сковородкой...

– Думаю, он нарочно подставился. Слышь, Адель, – болтун изображал дамское контральто, – раз у нас теперь не обряд, а исповедь для поправления душевного здоровья...

– Ты меня отвлекаешь, Болтун. О, засчитано. Заткнись, ты, бестолковая железка. Ничего не знаешь, ни о ком. Бестолочь просто.

– От бестолочи слышу! Тоже мне, золотая кость, голубая кровь! Сидит в каком-то захолустье, сковородкой машет, даже не подумала, что за артефакт, откуда. Может, его тебе дали для чего-то большего, чем приготовления набитого в кишки фарша! Ты даже не выяснила, кто дал! Потому что дура и трусиха! Прикрываешься своим статусом Берегини, как слизняк виноградным листиком! Думаешь, ты прямо такая незаменимая? Да сейчас! Тебя, дуру, на вырост в трактире заперли, чтобы, когда время придет, картой разыграть! Мармадюк это сразу понял, еще когда златорогий олень в мальчишку обратился. Его ведь тебе на замену прислали, тебе! Ты больше Лимбургу не нужна.

– Безумный кусок дрянного металла, раб шута, ничтожество, подделка!

– Это ты подделка, Мармадель, ты! Не на своем месте девица пыжится!

– А ты – мерзавец, как вся ваша вышняя братия! Играете человеческими судьбами, будто мы вам шахматные фигурки. От скуки, от того, что жизни ваши бесконечны и бессодержательны. Не для того вас пан Спящий над нами поставил! Он...

Я споткнулась, налетела на Мартуську, девочка меня поддержала:

– А здоровы вы ругаться, панна-хозяйка, недаром столько лет в Медоточие корону получали.

Я растерянно заозиралась. Над верхушками пылающих огнем камней парили обе луны. Хоровод закончился, девушки, кто присев, а кто и вовсе растянувшись на земле, приводили в порядок дыхание, косились, оценивая добычу соседок.

– Вот этот конкретный обряд мне совсем не понравился. – Ясна, на шее которой болталось трехслойное ожерелье, согнулась и уперлась ладонями в колени. – Непристойный, позорный, нелепый обычай. Особенно гадко, что половина этих... юных горожанок умудрились мне свои бусины подсунуть. Слюнявые бусины... В чужой слюне...

– Это от уважения к твоему статусу, – попыталась я подольститься. – Тем более ты ведь мне их отдашь, правда?

– И не подумаю. – Тонкие пальчики любовно огладили ожерелье, как-то и брезгливость позабылась. – Некий... милорд обещал всем, что медовая королева выберет себе супруга.

– Так он переобещал?

– Благородный муж должен исполнить клятву? – сказала Ясна неуверенно, будто пробуя слова на вкус, и смачно закончила: – Псячья дрянь!

Мартуся вздохнула, сняла через голову пустую ленточку. Из круга мы выходить не спешили, сначала подсчет. Ленточки неудачниц исчезли в кармашках передников, чтоб не позорить хозяек.

– Восемьдесят шесть, – сообщила поднаторевшая в арифметике на службе секретарша, – то есть, простите, триста восемьдесят шесть, я сотнями считала.

Франчишка разочарованно топнула ногой:

– И ладно, мой-то на мне и без короны женится.

– Панна Богуславова забывается? – противным визгливым голосом переспросила Ясна. – Потому что, насколько я поняла, обряд поношения и злословия подошел к концу?

Мясникова извинилась, поднесла секретарше свою долю.

– Правилами это запрещено! – прикрикнула я. – Одно дело тайно, другое – вот так вот. Это вообще взятка называется, за такое на площади порют, обе, между прочим, стороны.

Франчишка вернула свое ожерелье на шею, расправила независимо плечи, Яська недовольно спросила:

– Панна Моравянка позволит пересчитать свои бусины независимым свидетелям?

– Да хоть сами, панна Ясна, трудитесь, не жалко, только на мне.

Крыска защелкала шариками:

– Ты ведь не злишься, Аделька?

– Злюсь, но не на тебя, – шепнула я в ответ. – В любом случае ночь здесь тебе провести не позволю.

– Это мы еще посмотрим. Знаешь, кого мне в мужья Карл выбрать велел?

– Догадываюсь, Мармадюка.

– И все равно не злишься?

– За то, что не случилось? Вот еще глупости.

– Проиграла, Мармадель, триста две!

Панны вокруг загомонили, захлопали в ладоши. Переждав, когда ликование схлынет, я подняла руку и спросила:

– А с этим?

Болтун нанизывал добычу на усики и закручивал их вокруг моего запястья.

– Это не ты заработала! – пискнула крыска.

– Кто знает, – изобразила я невинность, велела: – Считай!

А еле слышным шепотом предупредила кое-кого, что, если хоть слово вякнет, видит Спящий, руку себе отпилю, а кое-кого искупаю во взрывучем зелье. Болтун угрозы испугался, молчал.

– Поддайся, – уговаривала я сосредоточенную Ясну, – тебе оно не нужно.

– Так и тебе без надобности, – возражала крыска, – сама предлагала корону и жениха, говорила, что независимо от результатов ночью при камнях останешься.

– Это раньше было, до того, как все случилось.

– Ревность? – шепнул покровительственно артефакт. – Кажется, леди-крыска Моравянке за благосклонность к ней его высочества мстит.

– Цыц! – щелкнула я пальцем по золотой пластине. – Лучше попробуй хозяина своего учуять. Самой любопытно, почему они с Караколем на праздник Медоточия не явились. Важное же дело, волшебное.

Яська шевелила губами, считая, или бормотала что-то про себя. Медленно как.

– Ничего не ощущаю, – сказал Болтун после паузы. – Но это еще ничего не значит, может, наши фахановы врата нас магическим колпаком от внешнего мира накрыли, а может...

Панна Ясна заглянула мне в лицо, нахмурилась:

– Триста восемьдесят шесть, счет ровный!

Прочие девицы загомонили, стали хлопать в ладоши:

– Две! Две хороводные королевы нынче в Лимбурге воцарятся! Прямо как пани наши луны, Алистер и Нобу, беленькая и черненькая!

Неприятное сравнение, беленьких и черненьких я накануне в пруду фейском насмотрелась.

– На самом деле мы с тобой, Моравянка, выиграли, – пробормотал артефакт, – Крыска несколько бусин как бы случайно обронила и туфельками затоптала. Авантюристка ван Диормод! И не докажешь же теперь ничего...

Ясна его услышала, победно улыбнулась и взяла меня за руку:

– Давай и дальше вместе, Мармадель, как подруги.

– Давай, – согласилась я. – Только предупреждаю сразу, ночка тебе предстоит препротивная.

Несколько вельможных панов из городского совета распоряжались, нас с Ясной короновали – надели на макушки цветочные лохматые венки, осыпали зерном и лепестками, пронесли на руках к алтарю, от которого пришлось откатить пивные бочки, чтобы освободить путь.

– Что теперь? – спросила подруга, когда нас с ней рядышком усадили на струганные доски постамента.

– А я знаю? – фыркнула я, сдувая с лица веточку остролиста. – В прошлые годы алтарей у нас не было, меня просто так, без эффектов одну здесь оставляли. Спасибо, пан Рышард.

Это я поблагодарила за поднесенную кружку с пивом. Пить после танцев хотелось, но пришлось делиться. Крыску тоже мучила жажда, и благородная девица проглотила полпинты не поморщившись, как будто не благородная вовсе, причмокнула губками:

– Горьковато, пятую часть можно фруктовым соком заменить...

– Нелепое извращение.

– Вишневым. Хотя... здесь птичья вишня не растет...

– Панна Моравянка помнит, о чем мне давеча обещала? – Рышард задержался у алтаря, чтобы перекинуться со мной словечком.

– Помнит, – заверила я. – Все как обычно, ночью дам камням то, чего они хотят, и все по-старому будет.

– Не будет у вас теперь по-старому, – протянул Болтун, когда пан-сосед откланялся и отошел. – Раз Караколь решил город облагодетельствовать, от этого не отступит. Прилетит сейчас на крыльях ночи...

Пан Богуслав вышел на свободный от народа пяточок и стал держать речь. Бла-бла... Вельможное панство, любезные гости... традиции вольного Лимбурга...

– Я речь писала, – похвасталась Яська.

Секретарша поглядывала поверх голов, но обещанный Болтуном прилет начальства задерживался.

Почтенный мясник, сбиваясь со множественного числа на единственное и сверяясь с каким-то листочком, вещал о древности медоточивых обрядов, потом смял листок и махнул рукой музыкантам,

те заиграли неторопливую мелодию, толпа стала расходиться. Залитые водой костры чадили в ночное небо, над возвращающейся в город процессией мерцали огни факелов. Завтра люди сюда придут, чтобы снова приветствовать своих хороводных королев, но сейчас они оставляли нас одних. Музыка отдалялась.

– Это что – все? – удивилась крыска.

– А ты чего ожидала? – Я сняла с шеи янтарные бусы. – Не метила бы в королевы, сейчас бы на главной площади со всеми веселилась, там до утра гулянка будет. А тут у нас работа. Последний раз предлагаю: здесь обожди. Если хочешь, можешь пока поспать. На рассвете народ вернется, тогда еще порцию заслуженного обожания получишь.

– Не собираюсь я спать! – Она выдернула из моих рук бусы, спрыгнула с постамента и побежала к мерцающей жидким пламенем громаде камней. – Вперед! В атаку!

– Подожди! – закричала я.

С усилием преодолевали мы сопротивление вязкого кисельного воздуха, держась за руки.

– Значит, так, Яська, – инструктировала я подругу, – ты с ними в беседы не вступай, обещаниям не верь и, если что, лучше в обморок падай.

– С ними? – Девичья ручка задрожала, когда от пламенеющих стен стали отделяться духи Медоточия. – С ними?!

– Не бойся, – бормотала я, не забывая вежливо кланяться. – Ничего плохого сделать они тебе не могут, только уговорить. Не поддавайся. Ну да. Не красавцы. Так неизвестно, какими мы в их возрасте станем. Хотя не дай Спящий до таких лет дожить... Здрасьте... Доброй ноченьки... Или вот, в сравнении с фатами Флоризеей и Асмодией например, может, и неплохо кое-кто из присутствующих выглядит.

Духи были страшненькие, перекореженные, с обилием язв, гнилостных наростов, с рогами, зубами, шипастыми хвостами и нелепыми избыточными конечностями.

– Не бойся, – придерживала я обмякшую Ясну, – лессеры примерно так же выглядят, честное слово.

– Оскорбляешь? – раздалось одновременно со всех сторон. – Сравниваешь... Наглая Моравянка. Думал, исправилась, думал,

нормальную жертву привела... А она...

– Браслетик в жертву не желаете? – предложила я любезно. – Хороший рабочий артефакт.

Безносые красноглазые рожи склонились над Болтуном, тот начал лопотать о том, что вообще-то мужчина. Да, именно так себя и ощущает. Ну и что, что без бубенчиков? У духов Медоточия с этим тоже не особо. Ах, есть? Нет, не нужно показывать!

Но нам, разумеется, все обсуждаемое показали и глумливо смеялись от визга испуганной Ясны.

– Сама виновата, – утешала я подругу, – а не нужно было в королевы стремиться. А вы, пан Легион, причиндалами своими не машите! Нам замуж еще выходить. Да хоть друг за друга! Может, после сегодняшнего нам никаких мужчин не захочется!

Дух разноголосо хохотал. Тут какое дело – он вроде как один был, и одновременно их было много, легион. Дух Медоточия вел нас извилистым бесконечным лабиринтом, в который превратилось пространство между камнями. Пока все шло хорошо. В центре лабиринта нас ждала ажурная золотистая беседка, в которой стоял накрытый к трапезе стол с изящными резными креслицами.

– Ничего не ешь, – велела я подруге, – это все морок, откусишь – вполне может оказаться, что палку сухую глодаешь или что похуже. Хозяева наши те еще затейники. То есть хозяин. Пан Легион, может... это, поменьше вас пусть станет? А то в глазах рябит, право слово.

Я усадила панну Ясну в одно из креслиц, проверила устойчивость наколдованной мебели и тоже устроилась, сложив на столешнице руки. Дух, принявший облик прекрасного светловолосого юноши, опустился напротив, десяток красноглазых рож прижимались к ажурной решетке снаружи.

– Так не рябит? – спросил Легион любезно. – Начнем веселье?

– Ван Диормод, – проговорила Ясна, и я поняла, что с ней прямо сейчас ведется совсем другая беседа, – очень приятно познакомиться.

– Начнем, – вздохнула я и погладила кончиками пальцев рожицу Болтуна на чеканной пластине.

Вспышка. Черноволосая девушка рыдает на коленях перед пустой застеленной кроватью. Это я. Мутти сегодня похоронили. Больно, как больно. Одна, совсем одна. Вспышка. Кладбище, толпа в траурных одеждах, в землю опускается деревянный гроб, вдова прижимает к

груди осиротевших детишек. Твоя вина, Моравянка. Стригои осушили почтенного горожанина, а ты не уберегла. Вспышка. Опять трупы, боль, горе, слезы, вина.

– Зачем жить, Мармадель? Ты абсолютно бесполезна. Без тебя всем лучше будет. Знаешь, как раньше тех Берегинь, что с работой своей не справлялись, наказывали?

– Знаю.

Изможденные грязные люди потрошат на жертвенном алтаре бьющуюся в агонии женщину. Кровь стекает в каменный желоб, под ним, широко открыв рот, стоит на четвереньках рыхлый старичок в парчовой распашонке. Жрец? Князь? Какая разница?

– Как-то сегодня без огонька? – хмыкнула я с кривой улыбкой. – Повторяетесь, пан Легион.

Картинка меняется.

– Адичка, – говорит тетка Рузя, заламывая ручки, – развоплоти меня, сил никаких нет терпеть... Обоих пореши. Мы ведь те самые страшные сестры, которые тебе в кошмарах являются, от нас тебе опасность грозит.

– Отпусти, – вторит Гражина. – Только и нужно, кристалл этот треклятый в ручки взять...

– Чего? – тряхнула я головой, сбрасывая морок. – Пан Легион, какой еще кристалл?

– А я откуда знаю? – удивился дух Медоточия. – Все у тебя в голове.

Я зажмурилась, попыталась опять поймать то самое видение. Тетечки, ау!

Мармадюк. Нет, Марек пришлый в вытертой до ветхости сорочке и с черными как ночь глазами:

– Ты как смерть, Мармадель, моя личная смерть. – Рот его растягивает глумливая улыбочка. – Никто не может тебя полюбить, даже под действием чар. Ты думаешь, что мы с тобой друг другу судьбой предназначены? Знаешь, где я эту судьбу видел?

Кровь стекает в каменный желоб, под ним, широко открыв рот, стоит на четвереньках...

– А сам говорил, в цветок превращусь, – бьюсь я на жертвенном алтаре. – А еще, что мяса не ешь. И вот, кстати, любопытно, за каким фаханом тебе мои панталоны понадобились?

Вспышка.

Прекрасный как мечта пан Легион посмотрел на меня, приоткрыв безупречных очертаний рот:

– Какие еще панталоны?

– Кружевные, – удовлетворила я его любопытство.

Но, видимо, удовлетворила не до конца, пришлось рассказывать все в подробностях, с момента, когда в «Золотой сковородке» появился потерявший память великий чародей Мармадюк.

– Мармадюк? – переспросил дух. – Ученик Этельбора? Ты молчи!

Мужской палец с безупречно отполированным ногтем ткнул в золотую пластину Болтуна, и увещевания артефакта не откровенничать с нижними существами прервались на полуслове.

– И темнейшее высочество Караколь собирается нас уничтожить? Зачем?

– Ну, ему за это в вышней канцелярии каких-нибудь плюшек отсыплют. Ради них и старается. Но, как бы там дело дальше ни обернулось, пан Легион, знайте, горожане на вашей стороне.

– Слабое утешение. – Дух посмотрел на страшные рожи, прижатые к решетке, перевел взгляд на меня. – Говоришь, браслет подчиняется лорду Мармадюку?

– Да.

– Значит, между ними связь должна быть. Ну-ка, дай сюда.

Ясна покачивалась на соседнем кресле из стороны в сторону, смотрела прямо перед собой невидящими глазами, бормотала невнятицу. Понятно, пан Легион и подружке какие-то ужасы показывает. Тоже на самоубийство небось подбивает?

– И не подумаю! – спрятала я за спиной руки. – Что пан делать собрался? И, пока пан не ответил, давайте соратницу мою по короне хороводной отпустите. Ну право слово, что о нас, тарифцах, заграничные трепетные девы подумают? Дикари, скажут, необразованные, то бубенцами чуть не в лицо тычут, то ужасами страшат...

– Так для равновесия, Моравянка. Неужели за столько лет себе этого не уяснила? Да ничего с твоей подружкой не случится. Ей полезно даже слегка побояться, да. А то совсем себя запустила, дурочка верная. Ну же, не капризничай, протяни руку.

Я все еще сомневалась, пан Легион нехорошо оскалился:

– Все это время, Берегиня, мы с тобой серьезно даже не занимались, так, по верхушкам твоих страхов скакали. Не подчинишься, можем и поглубже копнуть.

Вот чего терпеть не могу, так это пустых угроз.

– Я лорда Мармадюка люблю безумно, – сообщила я скучно. – Потому позволить пану ему вред причинить никак не могу.

– Безумно? А чего ж ты тогда здесь с нами беседуешь, а не валяешься в ногах у предмета страсти, чтобы хоть капельку внимания на тебя обратил?

– Успеется, – пожала я плечами. – Рассвет скоро, медоточивые камни врата свои приоткрытые закроют, так я сразу валяться отправлюсь.

– Не отправишься. – Дух Медоточия посмотрел на меня даже с каким-то сочувствием. – То есть, может, и побежишь, даже скорее всего, но любимого твоего не отыщешь.

– Врете? – предположила я.

– Никогда, Мармадель, тебя не обманывал, ни разу.

– Тогда скажите, что с помощью Болтуна делать собираетесь?

– Да, – сплюнул артефакт. – Что? Думал, твое нижнее колдовство со мною, величайшим, надолго совладеет? Не верь ему, Аделька!

Дух пожал плечами, обтянутыми безупречным старинным камзолом:

– Посмотреть, послушать, разузнать, при возможности договориться, чтоб грозная вышняя канцелярия нас в покое оставила. Хочешь, покажу тебе, что с лордом чародеем именно в этот момент происходит?

– Хочу! – Я доверчиво протянула руку и поморщилась от хватки духа Медоточия.

Возмущенные вопли Болтуна растворились в недоброй тишине.

Полутьма, круглая комната, как будто находящаяся внутри башни. В центре из каменного грубо обтесанного стола бьет в потолок сноп света. В нем проглядываются фигуры мужчин в островерхих колпаках. Мармадюк сидит на стуле, Караколь чуть поодаль стоит, сложив за спиной крылья. Фей нигде не видно, хотя нет, вот они, прекрасные и безмятежные, выглядывают из картины, которая украшает глухую стену.

– Лорд Мармадюк, ученик Этельбора, – доносится до меня гулкий как колокол голос, – ты признаешь свою вину?

– Разумеется. – Маг сидит расслабленно, забросив ногу на ногу. – И готов понести заслуженное наказание.

– Ты похитил волшебные растения из королевского сада? Ты пытался обмануть судьбу? Ты надел на человеческую женщину браслет подчинения, заставив ее тебя полюбить?

– Три раза да.

– Ты готов хотя бы частично исправить причиненный вред?

Черные как ночь глаза, холодная улыбка:

– Увы, Мармадель по прозвищу Моравянка будет носить верховный артефакт подчинения до конца своей жизни.

– Ты понимаешь, что это увеличивает твою вину?

– Вполне.

Всхлип Болтуна донесся как будто издалека:

– Ты поняла? Он не хочет, чтоб феи снова попытались тебе вред причинить. Им-то, идиоткам сластолюбивым, никакого наказания не грозит.

– Цыц, – сказал дух, – связь держи, мне пару слов до лордов-чиновников донести надо.

Чего он там доносил, я не услышала, смотрела в любимые черные глаза, грустные, потерянные. В них я видела смерть. По щекам потекли горячие слезы, я моргнула, а когда стала вытирать влагу, Мармадюка в комнате уже не было, только на стуле белело маленькое птичье перышко.

– Ну что, – сказал Легион со вздохом, отпуская мою руку, – неужели именно сейчас нам удалось Берегиню вольного Лимбурга заставить свою цветочную кровь открыть?

– Не дождетесь, – шмыгнула я носом. – А то я раньше не знала, что для вышней братии справедливость – пустой звук.

– И что теперь?

– Теперь? – Болтун вибрировал на запястье. – Мне срочно нужно помыться! Слышишь. Моравянка? Меня лапали! Как какую-то легкомысленную пейзажку!

– Боишься, что женщиной себя ощущаешь? – предположил Легион.

Вот умеет че... то есть существо по самому больному ударить. Восхищаюсь.

– Действительно, – сказала я. – Что теперь? Мармадюк...

– Отправлен отбывать наказание, потому что испытание он провалил. А вот, может, вылизаться? Как кошка? Нет, тоже противно. Прости, отвлекся. О чем это я? Ах да. Мармадюк наказан, Караколь останется дальше испытание свое проходить, приглядывая за Лимбургом. Феи... Им ничего не будет. Вышние, знаешь ли, глупость не наказывают. Если бы действительно вред какой людям причинен был, а так всю вину за твою порушенную судьбу, погибших родителей и цветочные твои особенности Мармадюк на себя взял.

– Ну да, они всего лишь похитили человеческого ребенка и наделили его волшебной силой, чтобы мага за нелюбовь наказать. Такая мелочь, – сказал дух Медоточия. – Я спрашивал, что собираешься делать ты, Мармадель? Нас вышние сферы пообещали в покое оставить, поэтому ждем нашу Берегиню в гости в любой момент.

– Благодарю вельможного пана. Все? Рассвет? Можем уходить? Яську мне до безумия не довели?

– Леди ван Диормод очень разумная девушка, – похвалил крыску Легион. – Ей только и нужно было свои страхи отработать.

– Отработать страхи, – ахнул браслет, – чтоб они больше власти над ней не имели. Послушайте, любезный, а можно, когда Аделька к вам в следующий раз явится, вы мне отдельную аудиенцию организуете? Ваши мысли об управлении душевными порывами крайне любопытны.

– Ты ничего не понял, вышний артефакт, – дух Медоточия на глазах старел, его прекрасное лицо бороздили морщины, а золотые волосы покрывала седина, – Мармадель больше сюда не придет. У нее другая жизнь и другая судьба. Сейчас вы с юной панной отправитесь в трактир, чтоб отпустить на волю неупокоенных родственниц, а потом... Кто знает, судьба – штука прихотливая.

И пан Легион, поднявшись из кресла, сторбившись, заковылял в исчезающий туманом коридор лабиринта.

– Прощайте, – сказала я. – И спасибо.

С Ясной мы проснулись одновременно, шурились на солнце, поднимались с утоптанного пятачка земли в центре медоточивых

камней.

– Не поседела, слава пану Спящему, – выдохнула я, разворошив русые волосы девушки. – А то, знаешь ли, бывали случаи. Что тебе показали?

– А тебе?

Я вкратце пересказала.

– Меня по всем моим неприятностям проволокли, – призналась подруга. – С самого детства. А еще... ну... В общем, я со стороны посмотрела на то, как с Караколем себя вела.

– И что?

– Дура я была, жалкая дура. Нет, Адель, его высочество ни в чем не виноват, он добрый и умный, и самый прекрасный мужчина в любом из миров.

– Только ты ему об этом пока не говори.

– И не собираюсь. – Яська улыбнулась. – Давай лучше о твоих делах думать будем.

– Думать? – Я рассмеялась. – Ну попробуй, тоже мне, ардерская задавака.

Куда там думать! Как только хороводные королевы переступили воображаемые ворота медоточивого круга, грянула музыка, толпа горожан подхватила нас на руки и так, над собою, понесла в город. На площади стояли накрытые столы, ломящиеся от яств, цветочные гирлянды вздрагивали от громкой музыки и топота танцующих. На возвышении в кресле сидел пан бургомистр в парадном камзоле, справа от него чуть пониже – две прекрасные фаты, а слева пустовали троны цветочных королев. Нас с Яской несли к ним.

– Стоять! – зычно прокричала я. – Где моя сковородка?

Толпа замерла, люди засуетились, звонкая «псячья дрянь!» Олеся перекрыла гомон.

– Панна Моравянка. – Макушка Петрика вынырнула в районе моего плеча, и пальцы привычно ощутили прохладу золотой ручки.

– Поставьте меня! – скомандовала я и, поигрывая сковородой, пошла к возвышению по узенькой тропинке, которую образовывали для меня расступающиеся горожане. Ясна шла следом, я чувствовала ее присутствие. Карл растерянно моргал и пытался позвать к себе верную помощницу, но она эти попытки игнорировала.

– Поздравляю, пан бургомистр и добрые горожане, с праздником Медоточия, – сказала я, приблизившись к возвышению. – Этот год был непростым, но интересным. Мы познакомились с новыми людьми и нелюдьми, кого-то любили, кого-то ненавидели, узнали, что нами руководит фахан... Да, да, панство, троекратное ура и качать пана Килера! Тем более что вельможный пан наши исторические камни рушить передумал!

Караколь сдавленно пискнул, когда толпа вознесла над собой его долговязую фигуру. Я же, пользуясь тем, что основная масса людей сместилась в сторону, запрыгнула на постамент. Бесед разводить не стала, не до них. Огрела белобрысую Флоризею, пнула Асмодию, приложив сковородой по точеному носику, сразу ставшему крючковатым. Ясна и тут не от меня не отстала, вцепилась в белоснежную гриву феи, зашипела:

– Проклятая низкая тварь... кокотка... засунь своих лессеров себе...

Помост подломился, наша четверка, нет, пятерка, если считать Болтуна, рухнула внутрь дощатой коробки.

– Каков вокабуляр! – веселился артефакт. – Еще наподдай! Нет! Придумал! Пани Новак и сестра ее из Замбурга! Старухи!

– Это неправильно, – я опустила сковородку. – Ясна, осади.

Феи – нет, скрюченные жалкие тетки, – пытались спрятаться за обломками. Крыска обернулась ко мне, тяжело дыша.

– Что неправильно?

– Мы не должны этих фат прилюдно позорить. Тем более старость как бы уважать положено, даже если она не особо почтенна. Они действительно гадкие, но... – Я посмотрела на Асмодию и Флоризею. – Я, Моравянка, Берегиня вольного Лимбурга, изгоняю вас. Убирайтесь и не возвращайтесь больше никогда. Пройдет время, сменятся поколения, но в каждом из них, слышите, в каждом, будет человек, который вас сюда не допустит!

– Она чародейка! – прошамкала Асмодия. – Почему женщина...

– Почему ты этого раньше не заметила? – Сестра вlepила ей затрещину. – Идиотка!

– Потому что я не маг, – бормотала я, по сломанным доскам карабкаясь вверх и помогая подняться Ясне.

Она осмотрела площадь, увидела, что пан Килер отбивается от народной любви, стремясь к своей помощнице, сладенько улыбнулась и, бросив мне: «Аделька, встретимся в трактире», спрыгнула с другой стороны и скрылась в толпе.

– Болтун, женщин-магов ведь не бывает?

– Значит, будут, – ответил артефакт шаловливым контральто. – Особенно, если они с младенчества впитывают в себя чародейскую силу лорда Мармадюка.

– Чего?

– Мало того что ты первая женщина-чародей, ты еще единственная, кого намагичили колбасками. Упс... Не шатайся! Неужели до сих пор не поняла? Брок, тот самый цверг-артефактор, переплавил силу Мармадюка... Вот так, хорошо. Дыши. И гроб твой хрустальный – тоже его работа. Мне пока непонятно только одно – каким образом оба его изделия у тебя появились. Сластолюбивые феи вряд ли... У теток спросим. Пошли в трактир. Самое время неупокоенных упокаивать и последние тайны узнавать.

Меня от разнонаправленности обуревающих чувств в лоскуты могло разорвать. Тетки? Упокоить? Скорбь. Артефакты? Любопытно. Мармадюк? Как ты там, любовь моя? Колбаски? Я б поела. Караколь?

– Ну вообще не до тебя, то есть не до вас, вельможный пан.

– Где Ясна? – Не обиделся фахан и придержал меня за плечи. – Ты избавила ее от лессера?

– Ну раз ты не смог, – огрызнулся Болтун своим потешным контральто, – слабым женщинам приходится.

Я вырвалась, пошла дальше, а браслет все не унимался:

– А начальство твое бесценное мы поколотили! Да! Обоих! Пусть все зловерные феи помнят, что на любую из них у нас сковородка найдется! Понял? Суд наш скорый и справедливый! И... Сковородка судного дня!

Глава 11

Я всем вам покажу!

Где-то и когда-то, потому что в волшебных пределах понятия пространства и времени не значат ровным счетом ничего, беседовали двое могучих магов. Один из них, выглядящий постарше и чуть ниже ростом, опирался локтями на ажурные перильца балюстрады, другой сидел на них, болтая в воздухе босыми ногами. Внизу под балюстрадой несла свои воды призрачная река, иногда называемая рекой Забвения, над головами мужчин мерцали звезды.

– Ты не сделал ни малейшей попытки оправдаться, Мармадюк. На тебя это не похоже. До самого вынесения вердикта я ждал, что ты начнешь торговаться, вытащишь из рукава парочку козырей и перевернешь ситуацию к своей пользе.

Молодой маг невесело улыбнулся:

– Для этого мне нужно было хотя бы представлять, в чем именно эта польза заключается. Однажды вы, учитель, сказали, что единственная настоящая смерть для мага – скука. Кажется, я уже умер. А для покойника, знаете ли, безразлично, в чем именно его обвиняют и как собираются наказать.

Лорд Этельбор покачал головой и, ловко запрыгнув на перила, уселся рядом с учеником:

– Однако ты постарался, чтоб почтенный вышний суд не заинтересовался некоей тарифской панной. Или мне стоит называть ее твоей вдовой? Ну же, Мармадюк, рассказывай.

Черные глаза молодого мага подернулись грустью:

– Единственный урок, который я вынес для себя: слова все только опошляют. Первый взгляд, как кинжал, пронзающий грудь... поворот головы, улыбка... И все, ты повержен...

– Оставь романтику менестрелям. – Этельбор протянул руку, сорвал с небосвода крупное зеленое яблоко и с аппетитом откусил. – Начни с начала, с того момента, когда решил обмануть судьбу.

– Ну что ж... – Мармадюк повторил жест учителя, полюбовался горстью птичьей вишни в своей ладони. – Никакого обмана я не планировал, если начистоту. Мне было скучно. Любимый учитель

занимался своими делами в каких-то дальних пределах, я достиг, казалось, всего чего хотел и мог, друзья... Меня ничто уже не радовало. Судьба? О ней я думал меньше всего. Святые бубенцы, какие еще предсказания? В драгоценной Ардере уже даже перестали называть новорожденных девочек Мармаделями. Ну, разумеется, и я этому поспособствовал, время от времени являясь в человеческий мир. Какая скука! Политика, интриги, развлечения... Закончив свое очередное земное воплощение...

– В Ардере правит сейчас ветвь Тигардена? – спросил Этельбор.

– Да, и вполне успешно. Толковый разумный король, добрая королева, целый выводок наследников.

– Прекрасно. Продолжай. Ты закончил веселиться на должности королевского канцлера и заскучал. Именно в это время появилась она, твоя предсказанная Мармадель?

– Об этом я не знал, впрочем, если бы до меня даже дошли какие-то слухи, не уверен, что поступил бы иначе. Я хотел чего-то свежего, неизведанного, новой жизни. Забыть, пройти заново все ступени. Река Забвения! Учитель, вы же меня знаете. Разве великий лорд Мармадюк мог просто потихоньку покинуть сцену? Я хотел уйти на пике, оставить после себя аплодисменты и восторженный рокот толпы. Тогда мне в голову пришла идея чудесной эпохальной каверзы.

– Цветы наших владетельных фей?

– Именно. Это казалось таким сложным делом. Пфф... Проще простого. Охраняемые тщательнее оружейных, королевские сады открывали свои ворота по первому ласковому слову. Флоризея и Асмодия, бессмертные глупышки... Волшебные леди нашли меня у подножия цверговых холмов, куда я направлялся после каверзы, чтоб начать новую жизнь. Я вручил обеим по цветку, сказал, что, к прискорбию, ответить взаимностью не могу... Предсказание... Лишь Мармадель сможет растопить холодное сердце Мармадюка... Каким же я был болваном, учитель! Именно в этот момент в прекрасных головках зародились мысли о мести. Но тогда... Неважно. Оставив безутешных фей, я о них больше не думал. Старина Брок согласился мне помочь, поворчал о том, что мы, маги, все как один, сумасшедшие, и отколол волшебным долотом большую часть моей силы. Сказал, что переплавит ее на что-нибудь полезное, раз я для нее применения не нашел.

Этельбор негромко хрипловато рассмеялся:

– Наш хозяйственный цверг.

– О, до этого тоже дойдет речь. – Мармадюк бросил в воды Лимба вишневую косточку. – Я сиганул со скалы в новую жизнь, забыл вообще все и выбрался на берег юным болваном.

– То есть, кроме потери памяти, вообще ничего не изменилось.

– Можно и так сказать. Это было прекрасно! Яркие краски и звуки, непривычные ощущения, две прекрасные волшебные феи, которых я тоже не вспомнил.

– Пока ты бултыхался в водах забвения, Асмония с Флоризеей готовили свою месть?

– Да, учитель. Они разыскали в человеческом мире мою Мармадель. Бедняжка лишилась родителей в пожаре и почти погибла.

– В этом ты винишь себя? – хмыкнул Этельбор.

– Мой поступок разрушил плетение многих судеб. К счастью для Мармадель, она нужна была обиженным фатам. Они передали малышку тарифской Берегине. Да, девы напоили младенца росой двух волшебных цветов, сделав ее лакомым кусочком для всех волшебных созданий, но озаботились также и безопасностью бедняжки. Помните хрустальный гроб старины Брока? И сковородка! Этот цверг переплавил мою силу в простецкую кухонную утварь. Каково?

Этельбор одарил ученика внимательным взглядом:

– Именно поэтому на суде ты не стал требовать наказания для Флоризеи с Асмонией? Потому что решил, что защитные артефакты Мармадели передали они?

Мармадюк приподнял брови:

– Я ошибся?

– Да, мальчик. Твоим обиженкам не пришло бы в голову проявить осторожность. И как, позволь тебя спросить, они уговорили бы Брока поделиться своим ценным имуществом?

– Тогда...

Этельбор махнул рукой:

– Отправишься к цвергу с драгоценными подарками, когда твое наказание подойдет к концу. И не забудь прихватить с десятков занимательных историй для фаты Леонидии. Но вернемся к нашей. Она замерла на моменте, когда молодой и глупый Мармадюк оказался на берегу Лимба в обществе прекрасных созданий.

– Марек, меня звали теперь именно так. В прекрасном обществе пробыл я недолго, заскучал. И фаты отпустили меня к людям, напутствуя, что, если я буду держаться реки, рано или поздно повстречаю свою судьбу, верну память и силу. Юному болвану очень хотелось всего вышеперечисленного. И он пошел. И нашел... Первый взгляд, поворот головы... Кстати, учитель, ваше презрение к моим талантам менестреля несколько обидно. Моравянка, Адель, прекрасная трактирщица... О, какая женщина! Вы бы видели, как лихо она крошит лессеров сковородкой Брока! Да и голыми руками моя панна может как свернуть челюсть незадачливому поклоннику, так и вернуть немного памяти чародею.

– Лимбург, пряничный городишко под опекой его высочества Караколя?

– Толковый фахан оказался. Даже удивительно, почему мы с ним раньше не подружились.

– Мне больше удивляет, что он не овладел твоей цветочной панной в тот же момент, как ее увидел. Хотя о чести темнейшего Караколя ходят легенды.

– Равноценной его неудачливости, – хохотнул Мармадюк. – Крысиному высочеству не повезло, что территория, где он проходит свое земное испытание, превратилась в сцену для представления о мести. Итак, экспозиция. Великолепная Моравянка, подготовленная мне в жертву, я, явившийся в город, фата Асмодия, полтора земных года притворяющаяся обычной горожанкой. Пьеса предполагалась кровавая. Изменщик Мармадюк поглощает цветочную деву, сжирает, как предпочитает обозначать процесс наша дева, в этот момент под светом софитом появляются обе прекрасные феи. Мармадюк узнает, что сожрал свою единственную, предназначенную ему судьбой. Что дальше? Маг полон сил и опять велик. Он непременно устыдится и попросит прощения у обиженных им фат, и они втроем, рука об руку и еще одну руку, уходят в вечность наслаждаться любовью. Не смейтесь, учитель, именно так все и планировалось. Флоризея еще до ареста рассказала мне, какой замечательный и романтический план мы с его крысиным высочеством скудоумно разрушили.

– Какая глупость!

– Не глупость, скорее, равнодушие. Фатам чужие чувства неинтересны, поэтому они в них не разбираются.

– Ты говорил о тяжелой ручке своей панны, – напомнил Этельбор.

– Да. Ее затрещина слегка... гм... стряхнула пыль с моей памяти.

То есть изначально даже юному болвану, в которого я превратился, было понятно, что дело нечисто, как будто меня специально подводят к богато накрытому столу, кушанья на котором отравлены. Я выжидал, присматривался, влюблялся в панну Моравянку, этого не осознавая. Затрещина. Я узнаю в бургомистре фахана, вспоминаю его имя, откуда-то знаю, каким именно образом устроена работа вышней канцелярии, и начинаю испытывать трепет при виде трактирной сковородки. Подозрения множатся. Тогда я подозревал Караколя, думал, что, может, кода-то в прошлом мы с фаханом что-то не поделили, и он теперь пытается мне отомстить. Из расспросов местных выяснил, что прекрасная трактирщица многие годы охраняет от лессеров вольный Лимбург, что она – Берегиня. Потом я увидел Моравянку в деле, мы отправились на охоту на оборотня. Каково же было мое удивление, когда в златорогом вендиге я узнал одного из волшебных зверей светлейшей Алистер.

– Флоризея на суде сказала, что олень сбежал из вышнего леса.

– Это ложь. Можете расспросить Олеся, мальчишка давно мечтал о человеческом воплощении, и фрейлины пообещали ему это исполнить взамен на услугу. Олень должен был пустить кровь Моравянке в случае, если я буду сопротивляться зову цветочной плоти. Они ошиблись со временем лет на десять или пятнадцать, Олесь бродил по тарифским горам, ожидая команды от фей.

– Которую так и не выполнил?

– Поначалу Мармадель не дала ему ни единого шанса. О, как она размахивала сковородкой, выбивая искры из золотых рогов! А потом...

– Ты уговорил его этого не делать?

– И помог завершить превращение. Олесь решил, что раз Флоризея с Асмодией в этом участия не принимали, то от обязательств перед ними он полностью свободен. Я же подумал, что из волшебного олененка вполне получится неплохая замена местной Берегине. – Мармадюк помрачнел, разжал ладонь, проводил взглядом летящие вниз бордовые ягоды. – Тогда... Учитель, мне впервые за долгое время было весело и интересно, моя жизнь наполнилась смыслом. Глупый Марек хотел сделать свою даму самой счастливой женщиной, показать ей все обитаемые миры... Она не должна была тревожиться о своем

драгоценном Лимбурге, заботу о котором в ее хорошенькую головку вбила покойная Морава, и... Юность так сентиментальна!

– Скорее не стыдится таковой быть, в отличие от зрелости, – возразил Этельбор. – А потом Моравянка надела на тебя браслет.

– Хотела надеть. Дружище Болтун, какая жалость, что вышние лишили его голоса, прежде чем отправить в человеческий мир!

– Ты сразу его узнал?

– Разумеется. Буквально перед этим панна огрела меня по голове сковородкой, вернув всю память и большую часть отколотых Броком сил. Я сам нацепил на себя браслет. Мармадель думала, что управляет мною, я делал вид, что влюблен. Нет, я делал вид, что влюблен по принуждению, и развлекался, водя за нос Караколя. К слову, учитель, великий Мармадюк наслаждался жизнью ничуть не меньше, чем беспамятный Марек. Но потом все кончилось...

– Когда в город явилась фата Флоризея?

– Когда я понял, кем раньше была панна Моравянка, до того, как я разрушил плетение ее судьбы и лишил настоящих родителей.

Этельбор обнял ученика за плечи:

– Я знаю, мальчик. Мы не можем исправить прошлое, поэтому...

– Поэтому я собираюсь теперь достойно принять наказание за все допущенные ошибки. Мармадель будет счастлива, Болтун присмотрит за ней, я велел ему потихоньку изменить чувства девушки, избавить ее от заколдованной влюбленности. Он подтолкнет Адель к разгадке тайны ее рождения, и графиня займет полагающееся ей по праву место, встретит достойного мужчину...

Звезды над головами чародеев вспыхнули, слились в ярчайшее бескрайнее облако.

– Мне пора, учитель. Передайте поклоны и благодарности старине Броку и моей фате, дарующей имена, Леонидии. Расскажите, что Мармадюк все-таки встретил свою Мармадель и...

Голос ученика истаял, растворился в пылающем небосводе, Этельбор еще некоторое время просидел на перильцах балюстрады молча, выбросил огрызок яблока, вздохнул: «Мальчишка!»

И когда небо опять потемнело и украсилось звездами, под ним уже ничего не было: ни великого мага Этельбора, ни перил, ни балюстрады, даже река Забвения исчезла нести свои воды в другом

времени-пространстве, что с волшебными реками случается сплошь и рядом.

Зима в этом году выдалась суровая, я такой не припомню даже. Все предгорья священного Авалона засыпало снегом, а быстрые реки сковало льдом. Болтун не уставал ругать легкомыслие старых дев, которым на месте не сидится, хотя бы до весны, хотя бы до первых оттепелей.

– Ничего с твоим Мармадюком еще за пару месяцев не случилось бы. Что магам время?

Примерно то же пытался донести до меня пан Килер, когда Моравянка решила покинуть вольный Лимбург в разгар самой свирепой зимней метели.

– Обожди, Адель, – увещевал фахан. – Мои прошения, поданные в вышнюю канцелярию, вот-вот достигнут цели, тебя пригласят, наказание лорду Мармадюку будет пересмотрено.

Но разве меня уговоришь, когда я точно знаю, как и когда именно нужно поступать? Караколь сдался. Мы с ним долетели до самой грани человеческого мира, и теперь я брела, увязая в сугробах, по территории, принадлежащей существам волшебным.

Высокие сапоги с набитыми на подошвы гвоздями, меховая шуба, шапка, рукавицы, под одеждой с десятков крошечных грелочек, изготовленных ловкими руками Яськи. Удобные вещицы, полезные. Болтун не мерз вообще, но это не мешало ему постоянно жаловаться на холод и неудобства путешествия.

– Первым делом, – грозился он, – я попрошу Мармадюка тебя от меня освободить, то есть наоборот, меня от тебя. Ты, Моравянка, просто проклятие какое-то, а не покорная раба. Почему ты меня не слушаешься? А?

На обед и ужин у меня было вяленое мясо, вместо заправки я жевала снег, спала, закутавшись в свою шубу, где сморит сон. А чего? Если в сугробе что-то вроде норы боками прижать, так и не замерзнешь. Медведи же не мерзнут. Не проснуться нисколько не боялась, с таким-то громогласным будильником.

– Севернее сегодня возьмем, – решил Болтун, когда очередным утром, условным утром, потому что время в волшебных пределах

определять не получалось, я выбралась из своей норы. – Чую, уже близко.

Я умылась снегом, прикинула направление и пошла, забросив на спину сумку с пожитками. Ручка сковородки, торчащая из нее, разбрасывала сотни солнечных зайчиков. Или лунных? Высокий лазоревый небосвод украшали сразу три светила и россыпи ярких звезд одновременно.

Артефакт чуял хозяина. Именно это заставило меня отправиться в путешествие. О том, как именно наказали Мармадюка и где он это наказание отбывает, не знал никто. Но однажды Болтун сказал: «Чую! Не в этих пределах, где-то в горах», и я немедленно собралась в дорогу, не успела даже багаж с прошлого своего путешествия разобрать. Ничего, в трактире сейчас и без меня есть кому этим заняться.

Примерно около полудня, по ощущениям, дорога закончилась. Я стояла на скалистом уступе, языком нависающем над пропастью.

– Что теперь? – спросила я Болтуна. – Прыгать?

– Если желаешь на следующий уровень перерождений, тогда вперед, – хмыкнул браслет. – Рукав закатай, осмотреться надо.

Толстый мех закатываться не желал, я скинула под ноги рукавицы, сумку, шубу и воздела руки, как будто вознося молитву богам.

– В принципе, – протянул мой спутник, – вход должен именно в этой пропасти находиться. Очень похоже. Погоди скакать! Маги от таких скакунов там непременно защит понаставили. Ждем, пусть к нам пошлют кого-нибудь навстречу. Эх, вот раньше-то как хорошо было, врата в пустыне, подходишь, стучишься... Ау! – истошно прокричал он. – Есть кто-нибудь? Тук-тук-тук!

– Что за ворота? – переспросила я. – Тюрьма?

– Да нет, Аделька, похоже, нашего Мармадюка в магической академии заперли. Чем бы таким пошуметь? А?

Присев над шубой, я достала из кармашка пузырек:

– Это подойдет?

– Взрывучее зелье тетечки Рузи? – Болтун вытянул глазки-стебельки, что-то прикинул. – Опасно, уступ под нами разрушиться может. Вот если бы подальше забросить...

В другую руку я взяла сковородку, подбросила пузырек и послала его, как мяч в дурацкой ардерской игре жё-де-пом.

– А вот если бы он от удара о сковородку судного дня раскололся? – спросил артефакт, перекрикивая грохот. – Но молодец, хвалю! Рекордное, пожалуй, расстояние. И, кажется, академии новые ворота понадобятся и запирающие заклинания...

– И новая академия? – предположила я с испугом.

Потому что из пропасти поднимался бурый огромный гриб взрыва. На его шляпке металась кажущаяся крошечной человеческая фигурка. Женщина. Нет, фея.

– Это не мы, – пискнул Болтун, когда красноволосая фата опустилась рядом снами на уступ, взмахнув, как крыльями, полами расшитого звездами плаща. – Может, демоны какие заведение атакуют?

Он запнулся, пошевелил усиками и продолжил спокойным уже тоном:

– Верховный артефакт Болтун и Берегиня вольного Лимбурга Моравянка приветствуют великую Леонидию.

– Не вы? – Алые глаза феи, за мгновение до этого пульсировавшие бешенством, внимательно меня рассмотрели. – Берегиня? Ну предположим...

Я с достоинством поклонилась:

– Вельможная фата наверняка знает, зачем я сюда пришла?

– И зачем? – усмехнулась Леондия. – Уж будь любезна, удовлетвори любопытство пожилой женщины. Может, хочешь и меня своей сковородкой по бокам отходить? Священный поход против всех фей объявила?

– Мы хотим, – пришел на помощь Болтун, – чтоб лорд Мармадюк эту девицу от чар подчинения освободил и тем самым немного свою вину искупил.

Я радостно закивала, хотя раньше таких целей перед собой не ставила:

– Вельможная фата может нас в магические казематы к Мармадюку сопроводить?

Леондия покачала головой:

– Непростое дело, казематы, знаешь ли... И вообще, не положено. Это, на минуточку, магическая академия, простым девицам в нее ход заказан. Придумай какую-нибудь другую причину для визита. Может,

Мармадюк тебе должен что-нибудь остался? Только о любви не начинай, в заколдованную любовь здесь никто не поверит.

Болтун вибрировал, готовясь говорить, я придержала его ладонью:

– Есть долги, конечно. О них я лично магу напомню.

Руку пришлось отдернуть, артефакт щекотался усиками, чтобы я его освободила:

– Магесса Мармадель требует допустить ее в академию!

Фея дружелюбно улыбнулась:

– Вот это уже другое дело, пошли, Моравянка. – Она взмахнула полами плаща, вызывая магический разноцветный вихрь. – Долги, чары... Из этого может получиться вполне приличная история.

Подожвы моих сапог выбили искры из мраморного пола, на голову упали шуба и полупустая сумка. Я отодвинула меха, огляделась. Вокруг толпился народ, сплошь молодые парни в одинаковых форменных камзолах. Ученики? Будущие маги? Десятки пар глаз воззрились на меня с удивлением, на лицо мое обветренное, на растрепанные волосы, воспаленные от холода губы и особенно – на сковородку в моей правой руке.

Помещение, в котором мы оказались, большим не выглядело: круглая зала, сводчатый потолок. Башня? Точно, чародейская башня.

Один из хлопцев, первым справившись с удивлением, поднял с пола мою сумку и почтительно протянул мне. Я взяла, поблагодарила кивком.

– Извини, – фыркнула Леонидия, – с казематами не получится, здесь их еще не построили, а лорда Мармадюка... изволь...

Но я уже смотрела в черные как ночь глаза, зажала под мышкой сковородку, пошарила в сумке, доставая (какое счастье, что он не выпал в полете!) ограненный рубиновый кристалл и проговорила ставшим хриплым и ломким голосом:

– Я – Мармадель, графиня Шерези, и сейчас я вам здесь устрою!

Говорила я по-ардерски без акцента.

Молодые люди возбужденно загомонили, Леонидия расхохоталась:

– С этого и нужно было начинать эту историю! Но, кажется, и так неплохо получается.

– Графиня Шерези? – переспросил Мармадюк тоже хрипло, недоуменно огляделся. – Господа, на сегодня наш урок закончен,

извольте покинуть мой кабинет.

Мальчики стали расходиться:

– До свидания, ректор... Благодарю, магистр...

Какой-то пухляш попытался задержаться с вопросами, но фата Леонидия ухватила его за плечи:

– Идем, взрослым нужно остаться наедине... Что? Иллюзорное плетение? Сейчас тебе объясню, ничего сложного...

Мы остались вдвоем, то есть втроем, если считать непривычно притихшего Болтуна. Я смотрела на лорда-мага и не могла налюбоваться. Марек, мой Марек, в черном простом камзоле сидел за письменным столом в простенке между стрельчатыми окнами. Худой, бледный, серьезный. Он прокашлялся:

– Графиня Шерези?

– На самом деле нет, – продемонстрировала я кристалл и, шагнув к столу, положила камень перед магом. – Если бы я была ею, кристалл бы зажегся, правда? Болтун, подтверди.

– Раньше светился, когда Моравянка его с тетками в кладовой трактира под старыми горшками нашла, – покорно сообщил артефакт. – А вот когда мы в Шерези отправились на предполагаемых родителей посмотреть... Но как, Мармадюк? Твое наказание в этом заключается? Магической академией руководить? И Леонидия? Это она поспособствовала?

Чародей, успевший приподняться в кресла, плюхнулся обратно, как будто лишившись сил, потер ладонями лицо и со вздохом предложил:

– Присаживайтесь, леди Мармадель, кажется, нам с вами предстоит долгий разговор.

«Как будто столешней от меня защищается», – подумала я, устраиваясь в кресле для посетителей. Пожитки мешали. Я бросила шубу с сумкой на пол, сковороду пристроила сбоку, закинула ногу на ногу, кожа походных штанов блестела в свете светильников. Мармадюк с усилием оторвал взгляд от моих бедер, сглотнул:

– Вам удалось вернуть Болтуну голос, леди Мармадель, разыскать свой фамильный кристалл и познакомиться со своими родителями в Шерези?

– Не познакомиться, – покачала я головой, – то есть я им тарифской путешественницей, охочей до исторических всяких

сооружений, представилась. Достойное семейство эти Шерези, приятные люди. Семеро детей, тоже удачные получились, умненькие, красивые. Первенец, девочка Мармадель, к сожалению, в младенчестве в пожаре погибла. Ужасная история. Пейзане до сих пор у камельков рассказывают, что какие-то безумные феи пытались замок дотла спалить, и только промыслом лорда нашего Спящего больше людей не пострадало. Младенец только, нянька леди Грабения и горничная Розамунда.

– Тетки, – объяснил Болтун. – Гражина и Рузя. Когда Аделька кристалл в трактире нашла – с моей, заметьте, помощью, – сразу всё вспомнили. Имена фей, которые пожар устроили, надеюсь, никому подсказывать не нужно?

– Три аккуратные могилки в саду Шерези, – продолжила я. – Осмотрела, цветочки положила, свечки зажгла и решила сущностей не плодить, маменьке с папенькой на грудь не бросаться. Они пожилые уже оба, о Мармадели своей отгоревали, дети у них взрослые, внуки. Так чего прошлое ворошить? А тетки... Живой родни у них в Ардере не осталось, они мое решение поддержали. Тогда и кристалл зажигаться в моей руке перестал.

– Но... – начал Мармадюк растерянно.

Болтун, неспособный молчать дольше минуты кряду, его перебил:

– Призраки наши неупокоенные, представь, себя осознав, в чертоги Спящего отнюдь не спешат. Хотят еще хотя бы поколение в трактире по...послежить. Каково? Как же без нас, Адичка? – передразнил он бас Гражины. – Олесю воспитание нужно, да и Ясенька пока замуж не сходила.

– Эта задача не из легких, – хихикнула я, перейдя на тарифский. – Панна эта под венец с паном Килером отнюдь не торопится, из поклонников самого достойного выбирает.

– Чтобы моя пивоварня при муже не захирела, – добавил Болтун голосом Яськи.

Я же наябедничала:

– А пиво варит со всякими извращениями, вкусы ягодные или яблочные. Одно пиво вообще лимонным соком разбавляет.

– Народу нравится, – возразил браслет. – Даже Тук его вместо воды хлебает, требует кружечку поднести. Это попугай, мы хотели его в твою честь Мареком назвать, но он только на Тука отзывается. Они

вдвоем с паном Шпильманом теперь гостей в трактире развлекают, миннезингер музыкой, а попугай...

– Похабенью! – припечатала я. – Ругается как пьяный сапожник, а горожане и рады...

– Замолчите! Минуточку тишины.

Мы с Болтуном послушались, не замолчали, но продолжили ругаться уже шепотом. Мармадюка это не удовлетворило, он прошипел сквозь зубы: «святые бубунцы!» и спросил:

– Зачем ты пришла сюда, Моравянка?

– Что значит «зачем»? – всплеснула я руками. – Чародейству учиться. Из Тарифа, предположу, скоро к тебе много народа, как и я, волшебными моравскими колбасками вскормленного, прибывать будет. А я, значит, первая.

Болтун одобрительно пожал мне запястье и выдал в сторону мага порцию сарказма:

– Лорд Мармадюк, наверное, вообразил, что Адичку в его академию любовь влекла?

Чародей зло засопел, блеснул глазами и скомандовал:

– Протяни руку! Я избавлю тебя от артефакта подчинения.

Через стол? Ага, разбежалась.

Я потрясла в воздухе конечностью:

– Подойди, если тебе нужно.

– Между прочим, – Болтун шептал очень громко, – мне сейчас строгие ментальные команды от хозяина поступают. Он думает, что я испортился. Может, он прав, Аделька? Может, ты мне сковородкой тонкую мою настройку порушила? Отвечай, любишь своего ненаглядного? Нет, можешь не отвечать, чую... сердцебиение, дыхание... Лорд Мармадюк, – сказал он уже обычным голосом, – я хороший артефакт, девица в тебя по уши влюблена.

Горячее мужское дыхание коснулось моей щеки, когда маг, поднявшись и обойдя стол, ко мне наклонился:

– Влюблена? Значит, прежде чем избавить прекрасную панну от этого чувства, я могу...

Сладкий, как мед, поцелуй заставил сердце почти выпрыгнуть из груди. Как же я по тебе, болван ты чернявый, скучала!

Я приподнялась, прижимаясь к любимому всем телом, обвила руками его талию, закрыла глаза, гортанно застонала, отдаваясь

ощущениям.

– Есть такое слово, – проговорил Болтун скучным голосом, – фертильность. Это когда половозрелый организм готов потомство производить. У тебя, Адичка, фертильность сейчас на максимуме. В общем, у нас скоро кто-то смугленький получится...

– У вас? – Мармадюк отстранился и перехватил мое запястье.

– Вот на твоём месте я бы этого не делал, – поигрывал артефакт глазками-усиками. – Ты же её любишь, Адельку нашу. Ну и все. Что ещё надо? Она тоже, и какая разница почему.

– Вот-вот, – я сделала вид, что хочу выдернуть руку, – абсолютно без разницы. Единственное, что меня смущает, в постели мы, получается, втроем будем. Кстати, постель где? Мне, Мармадюк, двадцать четыре года скоро, часики тикают...

Чародей толкнул меня к столу, прижал бедрами, чтобы не отбивалась, попытался подцепить застёжку браслета. Сначала я сопротивлялась, потом перестала, потом, дождавшись момента, когда маг устанет и поднимет на меня взгляд, серьёзно спросила:

– Не получается, правда?

Мармадюк отступил на шаг, мы помолчали, тяжело дыша, Болтун не выдержал паузы первым:

– Интересно, почему? Почему у моего хозяина не получается с тебя, Аделька, артефакт подчинения снять?

Я не ответила, по щекам текли горячие злые слезы. Он ничего не понял! Ничегошеньки! Одно слово – мужчина!

И без усилий стянула с запястья раскрывшийся золотой ободок.

Вот почему! Я люблю тебя, болван. И никакие артефакты подчинения, никакие плетения судьбы этого изменить не в силах.

Маг моргнул, в черных как ночь глазах читалось недоверие, которое сменилось осторожной, как будто сдерживаемой, радостью.

– Ты должен мне ещё одну песню, – всхлипнула я, – и спарринг с дюжим хлопцем, и... – я шмыгнула носом, – ...любить меня до конца жизни.

– До конца времен, – возразил чародей, заключая меня в объятия. – Мармадель...

– Мармадюк... – шепнула я в полуоткрытые губы.

Болтун кричал откуда-то из-под стола, что, кажется, только что имело место классическое магическое бракосочетание, потому что два

разнополых мага только что обменялись именами, но его голос становился все тише, пока не смолк совсем. Потому что кровать лорда Мармадюка была у него в спальне, а не в кабинете, и нам с лордом она немедленно понадобилась.

– Ты моя судьба, – звучало в горячей полутьме, – моя жизнь, моя любовь...

А через девять месяцев (по ощущениям, потому что в волшебных пределах время не значит ровным счетом ничего), у ректора академии магистра Мармадюка и его прекрасной женушки появился некто смугленький, который премило смотрелся в кружевных пеленках. Это решили абсолютно все женщины, собравшиеся отметить свадьбу Петрика с Франчишкой мясниковой в «Золотой сковородке». Невеста пана бургомистра тоже считала именно так.

– Глазки в папашу, – решила она, – в остальном внешностью в тебя.

Полгода ухаживаний пана бургомистра за своей бывшей секретаршей наконец принесли свои плоды: свадьбу назначили на конец лета.

– И хорошо, – сюсюкали Рузечка с Гражинкой, – потому что девочке лучше красавицей быть. Если второй мальчиком получится, то тогда ладно. Пусть будет на Марека похож.

Тетки парили у самого потолка залы в виде двух призраков, приятных дам в пристойных, хотя и вышедших, пожалуй, из моды, нарядах. Потеряв свою телесность в момент осознания, Рузя получила свободу перемещений, ей это невероятно нравилось.

– Ур-род! – заорал на насесте огромный белоснежный попугай. – Ур-родец!

Пани Марекова, бывшая Моравянка, против обыкновения, Тука ругать не стала. Она сидела на почетном месте в своем трактире, улыбалась, не отводя влюбленного взгляда от мужа, который примостился на трактирной стойке и наигрывал на мандолине красивую нездешнюю мелодию. На плите, на золотой волшебной сковородке аппетитно брызгали жиром фирменные моравские колбаски.

– Ты подарила Гоське ценнейший артефакт? – шепнула Ясна, отпивая из пивной кружки красноватую, пахнущую вишней пенную

субстанцию. – Не жалко?

– Не ей, а городу, – улыбнулась Мармадель. – Могу себе позволить. Дай попробовать своей вишневой дряни.

Пани Футтер взяла из ее рук попискивающий сверток, стала укачивать. Олесь, сидящий рядом со своей мутти, здоровый уже подросток, недоуменно смотрел на малышку зелеными, как трава, глазищами.

– Хороший из парня Обережник получился, – сказала Ясна, наливая подруге пива. – Ну?

– Вкусно, – удивилась та, отхлебнув. – Продашь пару бочонков? Я к нам, – она махнула рукой в сторону и наверх, – заберу.

– Хоть пару десятков, – хихикнула Ясна. – Только не продам, а подарю. Взамен на подробнейший рассказ о твоём житье-бытье в качестве супруги великого мага, ну и, разумеется, о том, что к этому привело.

И Мармадель, раньше прозываемая Моравянка, не стала ждать, чтобы ее во второй раз попросили...

– Много лет назад...

Она говорила, к столу придвигались все новые слушатели, ахали недоверчиво, поглядывали опасливо наверх, на нависающих с потолка теток.

Плетения судеб, чары, иллюзии, злонравные феи, интриги... Болтун счастлив, исполняет для вышней канцелярии очередное поручение в одном из миров... Фата Леонидия сочиняет истории одна другой интереснее, артефактор Брок, подгорный цверг, когда ему вернули его хрустальный гроб, обрадовался и теперь занят его улучшением. Мальчишки-ученики обожают своего ректора, в следующем году в академию поступят первые девочки-маги. Да, да... Адель тоже учится, приходится многое наверстывать, но учителя ею довольны. Лорд Этельбор, с которым ей посчастливилось познакомиться, уверен, что скоро супруга ректора сможет и сама преподавать. Цветочная кровь? Никуда, разумеется, не делась, но, кажется, она только помогает в постижении магии. Все хорошо, просто прекрасно.

– И только одна загадка заставляет меня ворочаться по ночам... – Карие глаза обвели залу, Мармадель широко улыбнулась. – За каким фаханом драгоценный супруг похитил мои кружевные панталончики?

Под хохот слушателей лорд Мармадюк пересек залу, пылко поцеловал жену и шепнул в ее ушко:

– Нынче ночью я непременно попытаюсь удовлетворить твое любопытство...

Ротта пана Шпильмана завела веселую танцевальную мелодию. Пары закружились по зале. Пан Рышард обхватил свою пухлую супругу обеими руками, та покраснелась от удовольствия и быстрых движений, Караколь возвышался над Яськой как башня над замком, и изо всех сил старался не отдавить ножек своей партнерше; танцевали, казалось все, даже Олесь с мелкой Мартуськой-поваренком. От топота с цветочных гирлянд, украшающих стены и потолок, сыпались цветочные лепестки, и казалось, что в трактире пошел снег.

Скажете, не по сезону? Но ведь и в наших людских пределах всегда найдется толика волшебства? Правда?

Особенно когда, пользуясь тем, что за их ребенком присматривает профессиональная кормилица пани Футтер, на третьем этаже в спальне уединилась парочка магов. И если бы ротта пана Шпильмана играла хоть чуточку тише, все бы непременно услышали полные страсти слова: «Мармадюк... Мармадель...»